Д. А. Гутнов

Лекции по истории Отечества

Часть четвертая

ИСТОРИЯ РОССИИ XVIII в. От Петра I до Петра III

Москва – 2020

Факультет журналистики
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

УДК 94(47)(075.8)
ББК 63.3(2)я73
Г97

Г97 Гутнов Д. А.

Лекции по истории Отечества. Часть четвертая. История России XVIII в. От Петра I до Петра III: учеб. пособие. – М.: Фак. журн. МГУ, 2020. – 256 с.

Данное издание представляет собой публикацию четвертой части Общего курса лекций по истории Отечества для студентов факультета журналистики МГУ, подготовленный и читаемый профессором кафедры истории и правового регулирования отечественных СМИ, доктором исторических наук Д. А. Гутновым. Четвертая часть охватывает события отечественной истории XVIII в.

ББК 76

© Д. А. Гутнов, 2020
© Факультет журналистики МГУ, 2020

Содержание

Лекция XXVI
В НАЧАЛЕ СЛАВНЫХ ДЕЛ 5

Лекция XXVII
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в. 34

Лекция XXVIII
РЕФОРМЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО 71

Лекция XXIX
БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ ПЕТРА I. НАЧАЛО ЭПОХИ ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ 120

Лекция XXX
РОССИЯ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в. (от Петра II до Анны Иоанновны) 139

Лекция XXXI
РОССИЯ В СЕРЕДИНЕ XVIII в. (от Анны Леопольдовны до Елизаветы Петровны) 174

Лекция XXXII
ИТОГИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в. ПЕТР III И ЕКАТЕРИНА II. ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ 1762 г. 220

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ПОНЯТИЙ И ТЕРМИНОВ 245

ЛЕКЦИЯ XXVI

В НАЧАЛЕ СЛАВНЫХ ДЕЛ

ОПОРНЫЕ ДАТЫ:

1695, 1696	Азовские походы Петра I
1697 – 1698	Великое посольство Петра I в Европу
1698	Восстание стрельцов

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ТЕРМИНЫ:

Большой государев наряд; брандер; Великое посольство; война за испанское наследство; галеас; гинея; ливр; Преображенский приказ; Священная лига; скампавея; шляхта.

Ирония истории состоит в том, что переворот 1689 г., приведший к власти Петра, вопреки бытующим в многочисленных учебниках и панегирической литературе утверждениям о победе царя-реформатора над косным боярством, был не более чем консервативной реакцией русской правящей элиты на умеренно западническую политику правительства царя Федора Алексеевича и царевны Софьи. Патриарх Иоаким, служивший благодарственный молебен в честь счастливого спасения и воцарения Петра, первым делом стал печаловаться перед юным монархом о закрытии Славяно-греко-латинской академии, только-только обустроенной стараниями предшествующей власти, и об изгнании из страны иностранцев. А в своем

завещании Владыка умолял царя «разорить еретические храмы» и не допускать православных к общению «содружества творити» с иноверцами. К чести Петра, он не повелся на эти сомнительные предложения. Но и кардинально рушить традиции поначалу тоже не спешил.

Он вручил бразды правления страной боярскому правительству во главе со своим родственником со стороны матери – Л. Н. Нарышкиным, а сам продолжил свои военные забавы. В подгородных подмосковных селах продолжала звучать артиллерийская и ружейная пальба, барабанный бой и топот солдатских сапог.

Два взаимосвязанных обстоятельства определили смену этого тренда. С одной стороны – это была увлеченность Петра морем. Я уже где-то упоминал, что эта страсть пробудилась еще в 1688 г., когда юный царевич в компании Лефорта и Тиммермана обнаружил в одном из амбаров подгородного села Измайлово старый английский бот, подаренный его отцу английскими купцами, и распорядился спустить его на воду в Серебряном пруду, находившемся неподалеку. Правда, судно почти не могло держаться на плаву, но было приведено в более или менее рабочее состояние усилиями еще одного обитателя Немецкой слободы – голландца Карштена Брандта. Этот человек известен в истории, между прочим, тем, что был нанят на русскую службу еще в 1667 г. правительством Алексея Михайловича для строительства первого русского корабля «Орел». Судно это было построено, но плавало по Волге совсем недолго. Оно было сожжено восставшими казаками Степана Разина в 1670 г. Брандт же, спасаясь от бунтовщиков, бежал в Москву и жил в Немецкой слободе. Ему не составило большого труда починить ботик, оснастить его мачтой и парусами. Он же и стал первым наставником Петра в морском деле. На ботике они ходили сначала по Яузе, но в узком русле было трудно лавировать и разворачивать судно. Петр приказал перевезти ботик на Серебряный пруд, где Брандт учил молодого государя технике управления судном и морским терминам. Собственно, от этого человека Петр узнал о больших кораблях, о Голландии и верфях, где такие корабли строятся. Не в последнюю очередь благодаря ему юный царь проникся морской романтикой.

Желание увидеть, наконец, море и большие корабли сподвигло Петра к путешествию в Архангельск. Там он был дважды – в 1693 г. и 1694 г. В первый свой приезд царь на яхте «Святой Петр» впервые вышел в открытое море, чтобы проводить уходившие из Архангельска иностранные торговые корабли. Во второй раз летом 1694 г. он отправился на яхте на Соловецкие острова и попал в страшный шторм. Опасность была так велика, что царь и его спутники причастились как перед смертью. Только искусство лоцмана Антипа Тимофеева спасло команду и монаршую особу от верной гибели. В память об этом спасении в восточной части Унской губы на берегу Белого моря близ Пертоминского монастыря, где путешественники сумели выбраться на сушу, был воздвигнут большой деревянный крест с памятной надписью.

Здесь я бы хотел оговориться, что при всем том, что морская романтика сохраняет свое очарование в глазах многих молодых людей и сегодня, в этой увлеченности молодого царя было зерно пусть неосознанного, но рационального выбора. Ведь, начиная с Эпохи великих географических открытий, мореплавание предполагало не только приключения и познание неизведанного. Выход к морю, овладение искусством навигации и кораблестроения сулили расширение торговли, развитие хозяйства, а значит рост богатства и перспективы политического могущества. В конце концов, формирующийся в передовых странах Западной Европы новый общественный строй, который мы привычно именуем капитализмом, есть открытая социально-экономическая система, которая может нормально функционировать лишь в условиях расширяющихся рынков, что вплоть до середины XX в. ассоциировалось в общественном сознании с территориальным расширением. Великие мировые империи богатели, прирастая новыми колониями, а мореплавание зримо обозначало этот тренд.

Я уже не буду на этих страницах распространяться о том, что в рассматриваемую эпоху строительство кораблей (особенно военных) и портовой инфраструктуры было делом инновационным. Именно там применялись самые передовые технологии и материалы, были востребованы наиболее грамотные инженеры и рабочие и сосредоточены значительные силы научно-технического прогресса. Тренд этот в некоторой

части сохранился до сих пор, если вспомнить, каких материальных, технических, технологических, научных и человеческих затрат стоит строительство и эксплуатация современных крейсеров, авианосцев, атомных ледоколов или подводных лодок… Правда, к концу XX в. у него появились очевидные конкуренты, и сейчас в фаворитах научно-технической гонки находятся космические исследования, авиация, биотехнологии. Но это, к слову. Так или иначе, но молодой царь, осознанно или нет, вступил на этот магистральный путь прогресса и стал стремиться к морю.

Второе обстоятельство, о котором мы упоминали выше, проистекало из увлечения царя военным делом. Самым крупным мероприятием того же 1694 г. стали так называемые Кожуховские маневры под Москвой – многодневные учения большого количества войск со стрельбами, перемещением массы людей и вооружений, строительством, обороной и штурмами укреплений. Причем, в маневрах участвовали как «потешные», так и настоящие стрелецкие, рейтарские и солдатские полки, Большой государев наряд (артиллерия главного калибра) и дворянская конница.

Воодушевленный результатами этих экзерсиций, молодой царь жаждал увидеть свою армию в «настоящем деле». Благо, повода и направления для этого искать не надо было. Напомню, что Россия продолжала находиться в состоянии войны с Османской империей, в которую вступила, пополнив ряды антитурецкой Священной лиги – коалиции Речи Посполитой, Венеции и Австрии. Платой за это стало признание со стороны участников данного военного союза новых западных границ России, включивших левобережную Украину. Во исполнение союзнических обязательств в 1687 г., а потом и в 1689 г. состоялись два Крымских похода русской армии, которой командовал князь В. В. Голицын. Они оказались крайне неудачными. И хотя до 1695 г. особенных военных действий не было, Россия по-прежнему находилась в состоянии войны с Крымом и с Османской империей. Союзники настаивали, чтобы боевые действия против татар и турок были продолжены, напоминая, что в обмен на участие в войне в дополнение к условиям «Вечного мира» с Речью Посполитой Россия с молчаливого согласия всех членов Священной лиги получила в свои владения еще

и Киев (точнее – выкупила город за 100 000 рублей). Теперь этот приз предстояло отработать на поле боя. Чтобы не уподобляться князю Голицыну, едва унесшему ноги из-под Перекопа, было решено идти на Азов – турецкую крепость в устье Дона при впадении его в Азовское море.

Тогда, в 1695 г. Петру I казалось, что опыта Кожуховских маневров и штурмов Плесбурха будет вполне достаточно, чтобы взять Азов – небольшую, довольно старую крепость в устье Дона. Ведь в 1641 г. ее штурмовали и сумели взять даже казаки, никогда не отличавшиеся жесткой боевой организацией и военной дисциплиной, присущей регулярной армии. Но царь серьезно ошибался: ни у него, ни у его генералов не хватило умения и опыта, чтобы овладеть Азовом. Более того, смелые вылазки турок наносили чувствительный ущерб осаждавшим. Гарнизон крепости отразил все приступы превосходящих сил царского войска. Штурмовавшие город русские войска с недоумением наблюдали, как в разгар осады турецкие транспорты из Керчи по морю доставляли осажденным подкрепление и провиант, забирая обратно раненных. 20 октября 1695 г. к своему стыду и позору осаду Азова русским пришлось снять. Надвигалась трудная зима.

Именно тогда Петр I впервые проявил те качества, которые впоследствии сделали его великим государственным деятелем. Оказалось, что неудачи не приводят его в уныние, а только придают сил. Петр сумел трезво оценить собственные промахи, обдумать все обстоятельства, приведшие к поражению, и сделать необходимые выводы. Он осознал, что для взятия Азова нужны профессиональные военные инженеры, которых он срочно нанял в Австрии. Кроме того, он понял, что без флота, который мог бы блокировать Азов от моря и воспрепятствовать подвозу в крепость провианта и свежих сил, овладеть ею нельзя.

Вернувшись из похода в ноябре 1695 г., царь принял историческое решение: он повелел строить флот. Строго говоря, первые корабли русского флота были заложены и спущены на воду на верфях Плещеева озера в Переяславле-Залесском. Однако, это были корабли т.н. «потешной флотилии», не годившиеся для настоящей войны. Строить новые военные корабли там, а затем тащить их по гатям несколько тысяч верст

к театру боевых действий представлялось нерациональным даже нашим косным управленцам того времени.

Поэтому зимой 1696 г. из Архангельска под Москву, в дворцовое село Преображенское в разобранном виде была доставлена голландская галера (ее заказали в Амстердаме еще в 1694 г.). После этого бригады плотников начали копировать все ее элементы и отсылать их в Воронеж, где галеры уже собирали и спускали на воду. Получилась такая «отверточная сборка» образца XVIII в.

Тем временем тысячи крестьян были согнаны в воронежские рощи. Они начали рубить лес, сплавлять его к устью реки Воронеж, где на спешно возведенных верфях голландские, английские и иные корабельные мастера начали строить корабли. Невероятно, но факт: к апрелю 1696 г. в строю было 22 галеры, галеас «Святой Петр» и 4 брандера. Во главе эскадры, спустившейся к Азову, плыла галера «Принципиум», которой командовал сам Петр I. 27 мая того же года Азовское море впервые увидело русский флаг. И не так уж важно, что корабли были сделаны наспех для одной-единственной военной кампании, а навыки управлять ими у быстро сколоченных, плохо обученных команд практически отсутствовали. Весь этот флот в мае 1696 г. предстал перед изумленными турками, которые поленились даже разобрать русские осадные сооружения у городских стен, оставшиеся от прошлогодней кампании. Они полагали, что русский царь после горького урока надолго забудет дорогу к их крепости. Тем не менее этот флот блокировал Азов, и 19 июля 1696 г. гарнизон выкинул белый флаг.

Азовская победа воодушевила Петра. Не дожидаясь заключения мира, он предписал основать Азовский военно-морской флот, восстановить разоренный дотла Азов и заселить его, вместе с близлежащей округой, русскими переселенцами и опальными стрельцами. Во исполнение этих распоряжений 20 октября 1696 г. Боярская дума приняла историческое решение: «Морским судам быть». Стоимость кораблей была распределена в пропорции по числу налогоплательщиков в виде чрезвычайного налога, причем некоторым богатым боярам и монастырям – обладателям сотен дворов – приходилось финансировать строительство целых кораблей.

Не довольствуясь восстановлением Азова, Петр приказал основать на мысу Таганий Рог город и порт Таганрог. Впоследствии опыт строительства нового города и порта на пустом месте оказался очень важным для будущего возведения в 1703 г. новой столицы – Санкт-Петербурга. Однако же претензии молодого царя на выход к Черному морю не нашли понимания в Стамбуле – столице Османской империи. Захватив Азов, Петр поставил свою страну перед перспективой тяжелой войны с грозным южным соседом, сил и средств на ведение которой у России не было.

Как было тут не вспомнить о союзниках в Западной Европе? Царь полагал, что Дворы Венеции, Речи Посполитой и Священной Римской империи (Австро-Венгрии – *Д.Г.*) могли бы вспомнить о том, что не только Россия, но и они находятся в состоянии войны с османами и оказать посильную материальную, а то и военную помощь своему восточному союзнику в этой борьбе. По всей вероятности, именно это соображение стало отправной точкой для идеи Великого посольства. Правда, справедливости ради, надо сказать, что сам Петр в своих бумагах не оставил нам объяснений точных причин этой миссии.

Вообще, сам замысел Великого посольства был вызовом сложившейся в России традиции, когда первое лицо государства ни при каких обстоятельствах не покидало свою страну (разве только попав в плен, как это случилось с Василием Шуйским). Исключением можно считать имевший место в IX в. визит княгини Ольги в Константинополь или поездки Александра Невского в Орду. Но и это не все! Добавим, что начавшиеся было в конце XVII в. эпизодические появления в Европе русских дипломатических миссий вызывали весьма смешанные чувства. Посудите сами: в 1682 г. русский дипломат Симановский, прибывший ко двору бранденбургского курфюрста Фридриха-Вильгельма, «удерживал онаго курфюрста больше полутора часов своим упрямством и домогательствами где ему, курфюрсту, встать, где шляпу снять, какие чинить самому и какие ближним его вопросы, отрицался целовать руку у курфюрста и пить про его здравие, яко некоронованной особы».

Пять лет спустя, в 1687 г. назначенный послом во Францию и Испанию Я. Ф. Долгорукий вверг в сильнейшее недоумение

весь Двор Короля-Солнца Людовика XIV (включая его самого) непомерными требованиями соблюдения весьма своеобразного дипломатического протокола, который, по мнению русских, подобал представителям русского государя. К примеру, посол пытался указывать королю, когда ему надлежит встать, а когда снять шляпу при упоминании имени русского царя. После этого визита Людовик XIV и слышать не хотел об отношениях с Россией. В итоге русско-французские дипломатические контакты были заморожены на почти двадцать лет. Читая сегодня подобные истории, четко понимаешь, что допетровскую Россию уже мучил комплекс превосходства в сочетании с комплексом неполноценности. Ощущая себя «Третьим Римом», единственно истинным «православным царством» и тщетно требуя от других держав соответствующего этому статусу уважения, Россия в то же время ясно осознавала свое бессилие в отстаивании этой своей исключительности.

Теперь же царь не просто изъявил желание ехать за границу, но возжелал ехать инкогнито под именем бомбардира Преображенского полка Петра Михайлова. Уже это обстоятельство свидетельствовало о качественно изменившейся цели данной миссии. Формально же сформированное посольство возглавляли: генерал-адмирал Франц Лефорт, руководитель главного дипломатического ведомства – Посольского приказа – боярин Федор Головин и думный дьяк Прокофий Возницын. Предполагалось побывать в Австрии, Голландии, Дании, Англии, Бранденбурге (так до 1699 г. называлась Пруссия), Венеции и в Ватикане. Программа Великого посольства была обширна: переговоры, приемы, беседы.

Настоящие причины, по которым Петр выбрал столь экстравагантную форму своего заграничного путешествия до конца не ясны и разными авторами объясняются по-разному. Некоторые пишут, что в таком «неофициальном» статусе Петру было удобнее знакомиться с повседневной жизнью стран, которые посещало посольство. Другие говорят о том, что, не являясь формально лицом, уполномоченным вести переговоры, царь таким образом сохранял себе свободу рук для многочисленных неформальных контактов и договоренностей, которые в дипломатии всегда играли и играют не менее важную роль, чем официальные переговоры.

Во всех случаях, это обстоятельство оказалось очень удобным прецедентом для нашей государственной пропаганды, которая всячески эксплуатировала образ царя-ремесленника, кораблестроителя, который, будучи неузнанным, нанимался на работу на голландских верфях, не чурался трудиться в качестве подмастерья корабельного плотника, учился часовому делу, постигал сапожное ремесло и вообще жил простой жизнью голландского (английского, немецкого и т.д.) обывателя и т.д. и т.п. И при этом он как-то успевал еще и вершить государственные дела: покупать корабли для будущего флота, нанимать офицеров на русскую службу и вообще руководить своим посольством, перед которым стояли очень сложные задачи, о чем я скажу чуть ниже. Даже великий русский поэт А. С. Пушкин испытал на себе обаяние этого мифа. Как он писал в стихотворении «Стансы»,

Самодержавною рукой,
Он смело сеял просвещенье,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.
То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник.
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Многое в этом образе великого самодержца вполне справедливо, но кое-что требует известных корректив, без которых понять историческую реальность просто невозможно. Начнем с того, что личность человека, скрывавшегося под личиной Петра Михайлова в Великом посольстве не была тайной ни для монарших особ, через земли которых следовал караван, ни для многих простых смертных. И в этом смысле, главные проблемы испытывали, как бы мы сегодня сказали, службы протокола стран, по которым пролегал путь путешественников. Им предстояло отвечать на довольно щекотливый вопрос. Что делать, если через твою территорию проезжает русский царь, который не хочет, чтобы кто-либо знал о его статусе (и оказывал ему монаршие почести!)? Стоит ли играть с царем в его игру и притвориться, что пресловутый Петр Михайлов есть

простой бомбардир, как он себя называет? Не обидит ли это царя? А может все же стоит оказать этому Петру Михайлову царские почести? Но как тогда объяснить своим подданным, почему эти почести оказываются простому бомбардиру, одному из многих членов пышной свиты русских послов? Чем таким он отличается от других чинов посольства (в т.ч. офицеров Преображенского полка)? Перечень этих проблем можно продолжать еще долго. Такая ситуация приводила к многочисленным казусам.

Буквально накануне отбытия посольства из Москвы произошло два события, которые явственно свидетельствовали о формировании оппозиции к намерениям и действиям молодого царя. В келье старца Авраамия в подмосковном Андреевском монастыре сложился кружок единомышленников, осуждавших образ действий и манеру правления монарха. Авраамий обратился с посланием к Петру, в котором сообщал ему о недовольстве подданных его непотребным поведением и просил о личной встрече. Однако вместо царя, Авраамий оказался на аудиенции у начальника Преображенского приказа князя Ф. Ю. Ромодановского и окончил свои дни в застенке. Остальные келейники отделались высылкой в дальние скиты и пустыни.

Второе событие тесно связано с активным участником событий 1689 г. стрелецким полковником Цыклером. В ходе мятежа он вовремя сориентировался и перешел на сторону Петра, за что удостоился чина думного дворянина и был отправлен воеводой в Верхотурье. После возвращения в Москву Цыклер участвовал во втором Азовском походе, строил Таганрог. До конца неясно, что толкнуло Цыклера, делавшего успешную карьеру, на организацию заговора с целью убийства царя. Он нашел единомышленников в лице родственников по линии жены – окольничего Алексея Соковнина и боярина Матвея Пушкина, которые в свою очередь привлекли к заговору еще несколько человек из числа своей родни. Непосредственных исполнителей заговора стрелецкий полковник пытался найти среди своих прежних сослуживцев в Стрелецкой слободе. Однако же, не желавшие повторять горькие уроки 1689 г. бывшие однополчане донесли на него властям.

Узнав про заговор, Петр лично принял участие в его расследовании. Цыклера, Соковнина и Пушкина приговорили к

смертной казни через четвертование. Накануне экзекуции бывший стрелецкий голова признался, что в свое время Софья и покойный боярин Иван Милославский подговаривали его убить Петра. Тогда Петр велел выкопать гроб с прахом Милославского, привезти его на свиньях в Преображенское и поставить раскрытым под эшафот, где ждали казни приговоренные к смерти Цыклер и Соковнин. Их четвертовали, а кровь их стекала в раскрытый гроб Милославского. Матвей Пушкин в последний момент избежал смерти. Его лишили боярского чина и сослали в Енисейск. Имущество всех репрессированных отошло в казну. Кроме того, Петр велел усилить надзор за Софьей, находившейся в заключении в Новодевичьем монастыре.

Великое посольство двинулось в путь весной 1697 г. 1 апреля оно прибыло в Ригу – тогда столицу шведской провинции Лифляндия. Шведы оказали посольству торжественный прием, но сделали вид, что не заметили среди посольских чинов русского царя. Генерал-губернатор Эрик Дальберг даже запретил высокому русскому дворянину со свитой рассматривать и замерять крепостные оборонительные сооружения Риги. Пётр был не на шутку оскорблен таким приемом. Это обстоятельство, между прочим, аукнулось в истории тем, что стало одним из формальных поводов для начала Северной войны. Зато высшие сановники и коронованные особы других государств, через которые ехал раздосадованный Петр – Курляндии, Бранденбурга, такой ошибки не допустили и, публично приняв послов, отдельно, секретно и с большим почетом принимали Петра, удивляясь этому необычному человеку.

Не останавливаясь, Великое посольство проследовало через немецкие земли в Голландию. Петр отделился от посольства и в компании Лефорта с рядом приближенных прибыл в Амстердам на две недели раньше. Однако, в голландской столице он не задержался, а направился в небольшой город Заандам, славящийся своими верфями и фабриками. Там он устроился плотником к голландскому корабелу Линсту Роббе. Поселился же царь в доме у другого голландского мастера, кузнеца Геррита Криста, с которым был знаком еще со времени строительства кораблей на верфях в Воронеже.

Дом этот в голландском Заандаме сохранился до наших дней и сегодня является музеем. Его посетители могут по до-

стоинству оценить демократизм русского царя, который квартировал в маленькой каморке под сеновалом, а спал, согласно бытовавшей тогда в Голландии моде, в спальном шкафу (был такой предмет интерьера – *Д.Г.*) полусидя. Считалось, что в таком положении кровь не притекает к голове, что очень полезно для здоровья (видимо, мода на здоровый образ жизни была распространена у европейцев уже в начале XVIII в. – *Д.Г.*). Кроме того, бытовало убеждение, что дьявол обычно забирает души людей именно во время сна. Особенно это касалось спящих лежа, т.к. нечистый мог принять их за покойников. Чтобы не попасть в руки сатаны, рекомендовалось проснуться и открыть глаза. Как казалось тогдашним голландским обывателям, в сидячем положении это сделать было проще, чем лежа. Да и дьявол не ошибется… В любом случае эти предрассудки, вероятно, стоили Петру больших неудобств, особенно если вспомнить, что рост царя был 204 см, а размер его ложа в доме Криста где-то 150х80х160 см (если верить музейному проспекту в Заандаме).

Русский царь честно отрабатывал свой плотницкий хлеб на голландских верфях, но долго в Заандаме не задержался. Слух о том, что у мастера Роббе в подмастерьях ходит сам русский царь, стал привлекать в город тысячи зевак, которые ежедневно глазели на высокого молодого человека в рабочей одежде, махавшего топором наравне с простыми местными работягами, и живо обсуждали увиденное. Любопытствующая публика повсюду сопровождала Петра: и когда он с другими работниками верфи ходил в местную таверну выпить пива, и когда направлялся на окрестные фабрики изучать производство, и когда возвращался домой. Через две недели участие в этом реалити-шоу царю порядком надоело, и он в компании А. Меншикова и А. Кикина перебрался в Амстердам. Столица Нидерландов была больше и затеряться там было легче, чем в небольшом, провинциальном Заандаме.

Но и тут инкогнито русского царя было относительным. Петр нанялся плотником на верфь Ост-Индской компании, где шло строительство корабля «Петр и Павел». Его ничем не отличали от других мастеров, называя попросту «плотник Питер». Как-то раз двое английских вельмож пришли посмотреть на царя и спросили у мастера, кто же в этой рабочей толпе у

стапеля русский царь? Мастер крикнул: «Плотник Питер, ты почему не помогаешь своим товарищам?». И англичане увидели, как высокий человек в кожаном фартуке, не говоря ни слова, отложил свой топор и подставил плечо под бревно, которое тащили плотники.

По поручению правительства Нидерландов Петра I опекал бургомистр Амстердама Николас Витзен. В свободное от плотницкой работы время царь вместе с бургомистром посещал фабрики, госпитали, мастерские, лаборатории и музеи, встречался с инженерами, учеными и художниками. За время этих походов царь выучился чинить собственную одежду, постиг основы ремесла сапожника, а у одного из местных зубодеров напрактиковался ловко выдергивать зубы, чем впоследствии приводил в ужас своих придворных. Одновременно посольство успешно занималось наймом специалистов для работы в России. Всего было нанято около 700 человек. Было закуплено и оружие. Витсен познакомил Петра с нидерландским натуралистом, изобретателем микроскопа Антони ван Левенгуком. Во время своей поездки в Утрехт Петр встретился с Вильгельмом III, принцем Оранским – правителем Нидерландов и королем Англии. Между ним и королем установились дружеские отношения, что обусловило скорый визит Великого посольства в Великобританию.

В январе 1698 г. русские дипломаты перебрались через Ла Манш. Я не буду рассказывать здесь подробности этого путешествия. Скажу лишь, что Вильгельм III прислал за посольством маленькую эскадру под командованием адмирала Митчелла. Членов посольства взял на борт флагманский фрегат «Йорк». Петр никогда не плавал на таком большом военном судне, и пока длился суточный переход в Дувр, с интересом наблюдал, как управляют кораблем. Штормило, но царь оставался на палубе, непрерывно задавая вопросы. Несмотря на то, что громадные волны швыряли фрегат во все стороны, царь настоял, чтобы ему разрешили взобраться на реи и осмотреть оснастку.

В Дувре посольство пересело на корабль поменьше, а в устье Темзы их ждала королевская барка. На ней путешественники проплыли вверх по течению реки и пристали на набережной Странда, где их встречал камергер Букингемского

дворца. И тут Петр не изменил своему правилу. Он отделился от посольства вместе с Лефортом, Меншиковым и Кикиным, чтобы поселиться в небольшом домике у реки по адресу ул. Норфолк, 21. Через два дня король нанес Петру неофициальный визит. Он приехал в незаметном возке и застал царя одетым по-домашнему, в спальне. Монархи начали беседовать, но вскоре Вильгельм почувствовал, что в крохотной комнатке слишком жарко и душно – он страдал астмой и болезнь напомнила о себе. Дело в том, что Петр, едва приехав, сразу же по московскому обыкновению закрыл все окна, чтобы тепло не выходило. Борясь с удушьем, Вильгельм попросил распахнуть окно и полной грудью вдохнул чистый, холодный воздух.

После этого эпизода Вильгельм уговорил своего визави перебраться в более пристойное жилище, которое более соответствовало высокому статусу русского царя. В итоге Петр переехал в Дептфорд и поселился в Сэйес-Корте – большом, изящно обставленном особняке, который был арендован английскими властями у Джона Эвлина – известного английского писателя (и садовода!) своего времени. Дом в Сэйес-Корте был гордостью хозяина. Он потратил 45 лет на то, чтобы разбить и вырастить прекрасный сад с лужайкой для игры в шары, с посыпанными гравием дорожками, с живописными рощицами. Чтобы освободить место для Петра и его спутников, пришлось попросить выехать из дома не только хозяина, но и его жильца адмирала Бенбоу, а все помещения заново отделать. Петра в этом доме устраивала его вместительность, позволявшая ему и всей его свите жить под одной крышей, сад, где можно было отдыхать вдали от любопытных глаз, и калитка в конце сада, выходившая прямо на верфь и реку.

На беду Эвлина, для русских ничего не значило ни то, что он был почтенным и известным человеком, ни то, что он всю жизнь трудился над прекрасным домом и садом. Они разнесли его жилище вдребезги. Вернувшись в родные пенаты спустя три месяца пребывания там русского посольства, Эвлин увидел полный разгром. Потрясенный хозяин поспешил к королевскому контролеру сэру Кристоферу Рену и к королевскому садовнику мистеру Лондону с просьбой оценить размеры ущерба. В итоге был составлен полный перечень уничтоженного или разгромленного имущества, который я не решаюсь

поместить на этих страницах не столько из-за его обширности, сколько из нежелания ронять авторитет российской государственности и олицетворявшего ее монарха. О мертвых, как известно, либо хорошо, либо ничего… Впрочем, эти исторические документы английским государством давно рассекречены. Они опубликованы как на английском, так и на русском языке. Есть они и в интернете. Упомяну лишь, что приглашенные королевские чиновники зафиксировали погром, возмещение которого из средств английской казны потребовало огромной по тем временам суммы – 350 фунтов и 9 пенсов.

Все свободное время русский царь пропадал на верфях, или в сопровождении приставленного к нему адмирала Митчела носился по Лондону и его окрестностям, стараясь увидеть все достопримечательности. Он побывал в Гринвичском военно-морском госпитале и в Кенсингтонском дворце, где тогда жил Вильгельм III. Петру понравилось простое жилище английского короля. Побывал царь и в месте упокоения английских монархов в Вестминстерском аббатстве, в Виндзорском замке и в Хэмптон-Корте, но королевские дворцы были ему не так интересны, как действующие научные или военные учреждения.

В Гринвичской обсерватории он беседовал о математике с королевским астрономом. В Вулиджском арсенале (в то время главном пушечно-литейном заводе Англии) обсуждал приемы артиллерийской стрельбы и устройство фейерверков с начальствующим на заводе магистром Ромни. В лондонском Тауэре тогда размещался арсенал, зверинец, музей и королевский монетный двор. Самой интересной частью из этого перечня для Петра оказался монетный двор. Царь, пораженный качеством английской монеты и техникой чеканки, снова и снова туда возвращался. Петра очень заинтересовала реформа английской монеты, проведенная смотрителем монетного двора сэром Исааком Ньютоном и Джоном Локком. Дело в том, что по их предложению, чтобы предупредить постоянную порчу монет из-за злонамеренного обрезания ценного металла, ребро английских монет стали обрабатывать насечкой. Через два года, приступив к наведению порядка в российском монетном деле, Петр взял за образец именно английскую чеканку. К сожалению, Ньютон в то время уже занимался научной рабо-

той в Тринити-колледже в Кембриджском университете. Тем не менее и английские, и российские ученые полагают, что у них была возможность встретиться. Однако вопрос, состоялась ли такая (секретная) встреча, остается открытым.

2 марта 1698 г. Петр получил королевский подарок – яхту «Ройял транспорт». Он вышел на ней в плавание на следующий же день и в дальнейшем делал это при каждом удобном случае. Сверх того, Вильгельм распорядился, чтобы Петру показывали все, что заинтересует его в английском флоте. Апофеозом же стало приглашение присутствовать на специальном смотре флота и наблюдать учебный морской бой у мыса Спитхед вблизи острова Уайт. Военно-морская эскадра приняла Петра и его свиту на борт в Портсмуте и вышла в пролив Солент. Там Петр перешел на флагман адмирала Митчелла – фрегат «Хамбер». Корабли поставили паруса и построились в боевом порядке. Рявкнули бортовые залпы, суда окутались дымом и пламенем, совершенно как в настоящем бою, только что ядра не летели. И все равно Петр ликовал, глядя сквозь дым, как под свист боцманских дудок орудуют с парусами матросы, а корабли перестраиваются и дружно разворачиваются на различные галсы, чтобы атаковать друг друга.

Вильгельм пригласил Петра и на заседание Парламента. Не желая, чтобы на него глазели, Петр избрал своим наблюдательным пунктом окошко верхней галереи и оттуда созерцал короля на троне в окружении английских пэров, восседавших на скамьях. Этот эпизод вызвал шутку какого-то неизвестного очевидца, обошедшую весь Лондон: «Сегодня я видел редчайшее зрелище на свете: одного монарха на троне, а другого на крыше».

Петр прослушал дебаты при помощи переводчика, после чего заявил своим русским спутникам, что хотя считает неприемлемым ограничение самодержавной власти парламентами, все-таки *«весело услышать, когда подданные открыто говорят своему государю правду. Вот чему надо учиться у англичан!»*

Все время, пока он был в Англии, царь неутомимо отыскивал специалистов для службы в России. Он провел собеседования со множеством людей и, по подсчетам английских историков, уговорил приехать в Россию в общей сложности

примерно шестьдесят англичан. Среди них были майор Леонард ван дер Штамм – старший корабельный плотник из Дептфорда, капитан Джон Перри – инженер-гидравлик, которому Петр поручил впоследствии сооружение Волго-Донского канала, и профессор Генри Фарварсон – математик из Абердинского университета в Шотландии, будущий основатель Школы математических и навигацких наук в Москве.

Тем временем той части Великого посольства, которая дожидалась царя в Амстердаме, стали известны нелицеприятные подробности участия Вильгельма III в подготовке подписания сепаратного мира между основным участником Священной лиги – Священной Римской империей германской нации и турецким султаном. Я не буду здесь характеризовать очередной внутренний европейский кризис, который в учебниках именуется «войной за испанское наследство». Скажу лишь, что Британская корона была кровно заинтересована в том, чтобы австрийские войска, сконцентрированные на Балканах, были скорее передислоцированы к французским рубежам… А поскольку официальная цель Великого посольства состояла в укреплении антитурецкого союза, весть о грозящем ему распаде не могла обрадовать русских. Словом, под давлением обстоятельств, Петр засобирался в обратный путь. 18 апреля Петр нанес королю прощальный визит. Последняя их встреча в Кенсингтонском дворце была дружественной. Царь раздал 120 гиней в качестве подарков королевской челяди, адмирал Митчел был одарен сорока соболями и шестью кусками узорчатого шелка – щедрый подарок по тем временам. Тогда же Петр, якобы, вынул из кармана маленький сверток в коричневой бумаге и вручил его королю в знак дружбы и признательности. Говорят, развернув его, Вильгельм обнаружил великолепный неограненный алмаз.

2 мая Петр, скрепя сердце, покинул Лондон. В день отъезда он в последний раз наведался в Тауэр и на монетный двор, а когда яхта пошла вниз по реке, велел бросить якорь в Вулидже, чтобы проститься с Ромни в Арсенале. Затем царь и сопровождавшие его лица направились в военно-морской порт Чатем и уже оттуда в сопровождении эскадры под командованием все того же адмирала Митчела взяли курс на Голландию. Переход был бурный – на вкус большинства русских на борту

острых ощущений могло бы быть и поменьше, но Петр наслаждался видом волн, с шипением захлестывавших палубу[1].

Петр вернулся в Голландию весной 1698 г. и уже вместе с Великим посольством отправился в Вену. Их путь лежал через Лейпциг, Дрезден и Прагу. К тому времени инкогнито царя стало общеевропейским «секретом Полишинеля» и посольство встречали толпы зевак. Это внимание бесило Петра. Князь Фюрстенберг, принимавший царя от имени курфюрста Саксонии, как мог старался смягчить царский гнев. Когда, невзирая на поздний час, Петр выразил желание посетить знаменитый дрезденский музей – Кунсткамеру и сокровищницу саксонских правителей – так называемый «Зеленый свод», Фюрстенберг тут же согласился. Кунсткамера, или «кабинет редкостей», была устроена примерно за сто лет до этого для хранения и демонстрации как необычных творений природы, так и рукотворных диковинок. Здешнее собрание драгоценностей, затейливых часов, технических приспособлений, шахтерского и токарного инструмента наряду с редкими книгами, парадными доспехами и портретами, открытое для всех ученых и знати, не могло не поразить воображение Петра. Он до зари разглядывал все подряд, а для себя решил когда-нибудь создать подобный музей в России.

На следующий вечер Фюрстенберг дал небольшой обед для узкого круга, который превратился в одну из тех буйных вечеринок, которые были по душе русским гостям. Призвали музыкантов и дам. Веселье длилось до трех часов утра, причем Петр все время норовил завладеть барабанными палочками и, по отзывам одного из саксонских придворных, «играл куда искуснее, чем немецкие барабанщики». Наутро посольство продолжило свой путь в Вену.

---

[1] Судьба подарка Вильгельма III – яхты «Ройял Транспорт», увы, сложилась несчастливо. В Амстердаме ее нагрузили собранием редкостей и инструментами, которые Пётр накупил в Европе, и отправили в Архангельск. Там ее по приказу царя встречал Франц Тиммерман, который должен был провести яхту по рекам до Ярославля, а оттуда вниз по Волге. Петр предполагал, что когда будет построен Волго-Донской канал, эта яхта может быть спущена к Черному морю. Но осадка «Ройял Транспорт» не позволила Тиммерману добраться даже до Ярославля. Поэтому судно вернулось в Архангельск и простояло там у стенки 15 лет. В 1715 г. Петр приказал починить яхту и доставить на Балтику. Но при переходе судно, обогнув мыс Норкап, попало в сильный шторм и затонуло.

Вена была столицей государства, официально именовавшегося тогда Священной Римской империей германской нации. Оно представляло собой довольно обширное, хотя и непрочное объединение двух в принципе независимых политических образований. Это собственно Священная Римская империя, включавшая разрозненные немецкие курфюрства и княжества и североитальянские королевства и герцогства, связь с которыми Габсбурги унаследовали от империи Карла Великого. Второе, вполне отдельное и самостоятельное образование, состояло из традиционных владений Габсбургов в Центральной Европе (эрцгерцогство Австрия, королевство Богемия, Венгерское королевство и недавно отвоеванные у османов земли на Балканах). Наименование «Священная Римская империя германской нации», давало императору его титул и огромный престиж.

Но на деле титул был лишь вывеской. Номинально подчиненные венскому суверену правители этого пестрого скопления государств – наследственные курфюрсты, маркграфы, ландграфы, принцы, князья и герцоги самостоятельно выбирали религию для своих подданных, определяли численность своих армий, а в случае войны решали, стоит ли им драться за императора, против него, или сохранять нейтралитет. Ни один из этих властителей не принимал сколько-нибудь всерьез своих обязательств перед австрийской короной, когда речь шла о принципиальном политическом выборе. Они сами или их представители заседали в имперском сейме в Регенсбурге, который первоначально служил законодательным собранием империи, а к рассматриваемому времени превратился в чисто совещательный, декоративный орган. Император не мог принять ни одного закона без согласия сейма, но ни одно обсуждение здесь и не приводило к согласию, так как депутаты непрестанно спорили о старшинстве. Если император умирал, сейм немедленно собирался и автоматически избирал его преемника – следующего главу дома Габсбургов.

Я специально подробно обрисовал в самом общем виде принципы устройства государства, с главой которого Петру надо было вести переговоры о войне и мире. В это время престол в Вене занимал Его Католическое Величество, император Священной Римской империи, эрцгерцог Австрийский, король

Богемский и Венгерский Леопольд I. Хотя императорский титул и был чистой формальностью, император все же пользовался широким влиянием в европейской политике. Сила династии Габсбургов складывалась из ее авторитета (это была одна из древнейших королевских династий Европы), а также из мощи ее вооруженных сил и доходов казны. А это целиком определялось теми государствами и землями, которыми она правила. При этом Габсбурги притязали на трон Испании и, следовательно, на испанские владения в Европе (а это собственно Испания, Испанские Нидерланды, Неаполь, Сицилия и Сардиния). И, наконец, главное: империя Габсбургов подобно барьеру, отделяла Западную Европу от Балкан, и, соответственно, от той угрозы, которую несла экспансия Османской империи в Европу. Временами Священной Римской империи германской нации действительно приходилось несладко. В 1683 г. турецкие войска стояли у Вены и чуть не взяли ее. К слову сказать, крепостные сооружения австрийской столицы к моменту прибытия туда Петра продолжали хранить на себе следы этой осады и царь имел возможность с ними внимательно ознакомиться.

Престарелый Леопольд I (1640-1705 гг.) к 1689 г. пребывал на престоле уже больше сорока лет. И он, между прочим, не признавал равным себе ни одного смертного, кроме Папы Римского. В глазах его Двора даже король Франции, всесильный Людовик XIV был всего лишь выскочкой посредственного происхождения с нелепыми и наглыми замашками. Московский же царь также едва ли далеко ушел от прочих азиатских правителей, обитавших в шатрах каких-нибудь монгольских племен. Императорские советники и герольдмейстеры жарко спорили из-за тонкостей церемониала встречи посольства, дабы не уронить достоинство своего августейшего повелителя. Московский царь, сколь бы огромны ни были его владения, разумеется, не мог быть принят как венценосец, равный императору, наместнику самого Бога на земле. Дело еще больше осложнялось неизвестным статусом дикого московита (ведь по официальной версии царя в составе делегации вообще-то и не было). Но все же следовало каким-то образом оказать внимание высокому молодому человеку именовавшему себя Петром Михайловым. Для решения столь серьезных проблем

требовалось время. На то, чтобы разработать детали въезда посольства в Вену, ушло четыре дня, и целый месяц – чтобы договориться с послами относительно протокола приема. Петр между тем с нетерпением ждал личной встречи с Леопольдом. Австрийские придворные чиновники твердо стояли на том, что Его Императорское Величество не может публично принять царя странствующего под чужим именем, однако упорство Лефорта принесло свои плоды в виде согласия на частную встречу.

Свидание состоялось на вилле Фаворит – летней резиденции Леопольда на окраине Вены. Петра, уважая его инкогнито, провели через садовую калитку, затем по черной винтовой лестнице – в приемный покой. Лефорт старательно проинструктировал царя, ознакомив его с условленным протоколом встречи: обоим монархам предстояло войти в длинный аудиенц-зал одновременно – из дверей в противоположных его концах. Медленно двигаясь навстречу друг другу, они должны были встретиться точно посредине, возле пятого окна. К несчастью, Пётр, открыв дверь и увидев Леопольда, забыл все наставления, устремился к императору широкими, быстрыми шагами и подошел к нему, когда тот добрался только до третьего окна. У австрийских придворных перехватило дух. Протокол нарушен! Что же будет? Но когда двое властителей удалились для беседы в нишу окна, сопровождаемые только Лефортом в роли переводчика, придворные с облегчением увидели, что царь выказывает их повелителю большое уважение и держится почтительно. Встреча, в сущности, свелась к обмену любезностями и продолжалась всего пятнадцать минут, но она определила атмосферу всего двухнедельного визита Петра в Вену.

Пребывание русского царя в Вене сопровождалось массой протокольных, церемониальных мероприятий и раутов. Так, в дни визита Петра Леопольд дал один из знаменитых костюмированных балов, которыми славился Венский Двор. Действие разворачивалось в декорациях деревенской таверны, хозяев которой изображали император и императрица, а придворные и приглашенные иностранные послы были одеты в крестьянские костюмы. Петр был в наряде фрисландского крестьянина, а доставшаяся ему по жребию партнерша, девица Иоганна фон Турн, нарядилась его подружкой-фрисландкой. За обедом

отбросили все церемонии, и император с императрицей сели за стол, где пировал Петр. Тосты звучали, один за другим, и Леопольду пришла в голову мысль, каким образом можно провозгласить тост за здоровье высокого гостя, который присутствовал на маскараде негласно. Он поднялся с места и, обратившись к молодому человеку в маске напротив, произнес: «Если не ошибаюсь, вы знакомы с русским царем, выпьем же за его здоровье!»

Отвечая на гостеприимство хозяев, русское посольство устроило в день Святого Петра бал на тысячу гостей, длившийся целую ночь. Фейерверки, которые зажигал сам царь, танцы, вино, беготня по летнему ночному саду придали этому приему в Вене привкус забав московской Немецкой слободы.

Несмотря на то, что прием Великого посольства в Вене был вполне дружелюбным, его дипломатическая миссия потерпела неудачу. Вместо того, чтобы стимулировать австрийцев к возобновлению боевых действий против турок, пришлось прилагать отчаянные усилия, чтобы помешать им принять турецкие мирные предложения, весьма выгодные для Австрии, но не для России. По условиям предложенного мира все воюющие стороны соглашались признать статус-кво, причем каждая из них сохраняла за собой все территории, захваченные на момент подписания договора. Для Габсбургов это было хорошее решение, так как под их властью остались бы и Венгрия, и часть районов Трансильвании. Кроме того, на западе, как я уже говорил ранее, маячила тень войны за «испанское наследство». Леопольд I был не прочь закончить боевые действия на востоке, чтобы развязать себе руки не западе. Тем более, что основным противником его в дележе этого самого испанского наследства был сам французский Король-Солнце – Людовик XIV. Единственным, кого не устраивало возможное примирение, был Петр.

Царь высказал императору свои нужды через имперского министра иностранных дел графа Франца Фердинанда Кинского. Сознавая, что австрийцы твердо намерены пойти на мировую, русские дипломаты сосредоточились на условиях готовящегося мира. Петру нужны были заверения в том, что император будет настаивать на передаче России турецкой крепости Керчь, являвшейся ключом от пролива между Азов-

ским и Черным морями. Без этого новый флот Петра не сумел бы войти в Черное море, и остался бы запертым в стратегически бесполезном море Азовском. Кинский отвечал, что мирный конгресс, на который, разумеется, пригласят и Россию, еще не начался, и если Петру нужна Керчь, то пусть он ее поскорее захватит, пока не подписан договор, так как сомнительно, чтобы удалось заставить Турцию отдать ее за столом переговоров. В конце-концов от австрийцев было получено заверение, что император не подпишет договора, не познакомив прежде царя со всеми его условиями. Большего добиться не удалось, и Петр заторопился с отъездом.

Посольство еще предполагало попасть в Венецию, где планировалось закупить 15 галер для русского флота. Все формальности с проездом на территорию Венецианской республики были улажены в десятых числах июля 1698 г. и часть посольства уже выехала из Вены. Однако, накануне своего отъезда, когда царь вернулся с прощальной аудиенции у императора, пришла свежая почта из Москвы со срочным и тревожным письмом от начальника Преображенского приказа Ф. Ю. Ромодановского. В нем сообщалось, что четыре стрелецких полка, получившие приказ следовать из Азова на польскую границу, взбунтовались и вместо этого выступили походом на Москву. Когда Ромодановский писал свое письмо, они уже находились в шестидесяти верстах от столицы, и верные правительству войска под началом Алексея Шеина и Патрика Гордона выступили им навстречу. Исход их противостояния из послания Ромодановского был неясен. Письмо шло месяц, и Петр понял, что, пока он отплясывал на маскараде в костюме австрийского поселянина, стрельцы, быть может, уже заняли Кремль, сестра Софья захватила русский престол, а он сам объявлен изменником.

14 июля царь в сопровождении Лефорта и Головина спешно покинули Вену и направились в Москву. Царь скакал день и ночь, не жалея лошадей. Он уже достиг Кракова, когда его нагнала депеша оставленного в Вене посла Возницына с утешительными известиями. Правительственные войска в бою под Новым Иерусалимом одолели бунтовщиков. Более того, Ромодановский даже успел провести следствие и суд. 130 человек по его приговору были казнены, 1860 – взяты под стра-

жу. У Петра отлегло от сердца, но он не повернул назад, продолжив путь к дому, хотя и без прежней поспешности.

Проезжая город Рава в Галиции, царь был представлен курфюрсту Саксонскому (во владениях которого он был на пути в Вену), а также недавно избранному (при поддержке австрийского императора) на престол Речи Посполитой Августу II.

Я уже неоднократно характеризовал внутренние порядки государства Речь Посполитая, которое у нас в России в просторечии часто именуется Польша (что с точки зрения историко-юридической не совсем верно, но не суть). Так вот, одной из отличительных черт этого государства были выборы короля на Сейме, где заседали представители польско-литовской шляхты. Поэтому после смерти очередного монарха, там разворачивались довольно бурные предвыборные кампании, в которые были вовлечены многие европейские дворы (включая русский). В 1696 г. умер польский король Ян III Собеский и предстояли очередные выборы. На этот раз они происходили на фоне обострения борьбы между империей Габсбургов и Францией.

Король-Солнце в разворачивавшейся борьбе за «испанское наследство» мечтал увидеть, как дружественная Франции Польша поднимается за спиной Габсбургов. Кандидатом Людовика XIV на польских выборах был Франсуа Луи де Бурбон, принц де Конти, французский принц крови, который сделался любимцем версальского двора благодаря своим воинским подвигам, неотразимому обаянию и альковным победам. Сам Конти не испытывал восторга от перспективы сделаться польским монархом, но король стоял на своем и крупно раскошелился, выделив три миллиона ливров на подкуп необходимого числа голосов в сейме. И поначалу его усилия принесли успех. При поддержке большинства польской знати, Конти был избран королем и его спешно отправили морем в Данциг (Гданьск) в сопровождении сильной эскадры под командованием знаменитого французского адмирала Жана Бара. Однако, противостоящая ему австрийская партия не дремала. Ее ставленником и был Август II. Стремясь усилить свои позиции в борьбе за польский престол, он даже тайно сменил протестантскую веру на католичество. Остальное решили доблестные саксонские войска, австрийские и русские деньги.

Прибыв в Польшу, Конти узнал, что он уже низложен. Август Саксонский – отвергнутый претендент, отказался признать решение Сейма и вступил в Польшу во главе саксонской армии. Опередив конкурента, он на штыках своих войск въехал в Варшаву и, вынудив Сейм изменить прежнее решение, был коронован 15 сентября 1697 г. Конти с легким сердцем возвратился в Версаль, и в Польше началось тридцатишестилетнее правление Августа.

Итак, когда Петр встретился с Августом, тот не просидел еще на польском троне и года. Тем не менее оба венценосца понравились друг другу. Польский король был моложе тех монархов, с которыми Петру пришлось общаться в Европе. Ему было всего 28 лет, он был высок, строен, и обладал мощным телосложением. Изощренные в лести польские придворные даже прозвали своего нового суверена Августом Сильным и говорили, будто он может руками согнуть подкову. Новый король отличался грубоватым прямодушием и дружелюбием, был общителен, румян, голубоглаз, неженат (его жена, Кристиана Эбергардина Бранденбург-Байрейтская, оставила его, когда он перешел в католичество). Пользуясь своим статусом и положением, Август коллекционировал женщин и, согласно слухам, распространенным при польском и саксонском дворах, был отцом 354 незаконнорожденных детей. В этом молодом, шумном, веселом, добродушном здоровяке Петр тотчас признал родственную душу. Они провели в Раве четыре дня, вместе обедали, производили смотры пехоты и кавалерии, а вечерами пировали. Петр выражал свою привязанность к новому другу, то и дело обнимая и целуя его. «Я едва ли был бы в состоянии изобразить вам объятия, имевшие место между обоими государями», – писал один из членов петровской свиты.

Именно Август, пользуясь расположением и привязанностью своего нового друга, подал Петру идею о совместной военной кампании против Швеции. Король Швеции Карл XI умер в 1697 г., оставив трон пятнадцатилетнему сыну, тоже Карлу, который взошел на престол под именем Карла XII. Момент казался подходящим для попытки отобрать у скандинавского королевства прибалтийские провинции, которые преграждали России и Польше выход к Балтийскому морю. Август был проницателен и хитер: со временем он снискал репутацию обман-

щика и двурушника, не знавшего равных среди правителей всей Европы. Поэтому вполне в его духе было предложить на всякий случай готовиться к нападению тайно и нанести удар внезапно. Двадцать пять лет спустя, составляя вступление к официальной русской «Истории Свейской войны», царь подтвердил, что первоначальная договоренность о выступлении против Швеции была достигнута именно в Раве.

Однако же, покинув Раву и распрощавшись с ее любезным хозяином, Петр продолжил путь к Москве. «Великое посольство» заканчивалось. Каковы же были существенные его итоги? С точки зрения официально стоявших перед ним целей – оживления и расширения союза против Османской империи, посольство провалилось. Европа готовилась к новым войнам на Западе, а на Востоке наступал мир. Куда бы ни направлялся Петр в поисках помощи – в Гаагу, Лондон, Вену – всюду он ощущал присутствие новой европейской угрозы. И это был не турецкий султан, а Король-Солнце – Людовик XIV. Вот кто более всех страшил Европу. Европейская дипломатия, финансы, морские флотилии и армии изготовились в преддверии кризиса, который должен был неминуемо разразиться, как только опустеет испанский трон. России предоставили в одиночку сражаться с турками или мириться с ними, и у нее не оставалось другого выхода, кроме как заключить мир.

Но с точки зрения осязаемых практических результатов, посольство надо признать весьма успешным. Петру и его послам удалось привлечь на русскую службу более восьмисот европейских специалистов, многие из которых долгие годы прожили в России и внесли весомый вклад в модернизацию страны, навсегда вписав свои имена в историю России. Еще более важным оказалось впечатление которое произвела на царя сама Европа. Он поехал, чтобы научиться строить корабли, и с этой задачей прекрасно справился. При этом любознательный царь открыл для себя и целый ряд неизвестных прежде областей знания – он изучал устройство микроскопов и барометров, вникал в технологию изготовления монет, занимался препарированием трупов в анатомическом театре, научился удалять больные зубы, не говоря уж о строительстве крепостей, кораблестроении и артиллерийском деле. Все, что он увидел, узнал от ученых, изобретателей, купцов, ремесленни-

ков, инженеров, печатников, солдат и матросов, подтверждало его убеждение, сформировавшееся еще в Немецкой слободе: русские в техническом отношении отстали от Запада. И это положение вещей надо было менять.

25 августа 1698 г. Петр без лишней огласки прибыл в первопрестольную и сразу нанес визит Патрику Гордону, от которого узнал подробности подавления стрелецкого бунта. Весть о приезде царя разнеслась по Москве лишь утром следующего дня. В Преображенское, где он остановился, потянулись придворные и бояре, дабы засвидетельствовать почтение и поздравить с благополучным возвращением. И тут случилось непредвиденное: вместо того, чтобы просто отдать дань вежливости, Петр велел подать ему ножницы и стал собственноручно обрезать бороды подданным. Первым, между прочим, лишился бороды воевода Алексей Шеин, который явился в Преображенское ранее всех, справедливо рассчитывая на вознаграждение за подавление бунта мятежников. Впрочем, Петр не делал поблажек никому. Бород лишились и ближние бояре, и даже местоблюститель царского престола за время отсутствия Петра в России, всесильный начальник Преображенского приказа Ф. Ю. Ромодановский. Чуть позже Петр объявил брадобритие обязательным для всего населения страны, за исключением духовенства и крестьян. К этому вопросу мы вернемся, когда будем говорить о налоговой политике Петра.

Следующим важным действием Петра было решение порвать свои отношения с законной женой – Евдокией Лопухиной. Уладить этот щекотливый вопрос царь поручил все тому же Ромодановскому, но ни угрозы, ни увещевания не заставили Евдокию добровольно принять схиму. 28 августа Петр лично виделся с женой, имел с ней продолжительный разговор. Никто не знает, о чем они говорили, но три недели спустя скромная карета без всякой свиты доставила царицу из Кремля в Суздаль, где она приняла постриг в стенах женского Покровского монастыря под именем Елены.

После доклада Ромодановского об обстоятельствах стрелецкого бунта Петр остался недоволен тем поспешным розыском, который был учинен над участниками мятежа. Поэтому было начато новое расследование. Были назначены новые следователи. Кроме начальника Преображенского приказа доп-

росы вели М. А. Черкасский, В. Д. Долгорукий, П. И. Прозоровский и др. Часто присутствовал и вел допросы сам царь. В ходе следствия была вскрыта причастность к мятежу царевен Софьи Алексеевны и ее сестры Марфы. Правда, прямых улик у следствия не было, а обе женщины дружно отрицали свою связь с заговорщиками. По итогам следственных действий смертный приговор был вынесен уже не 130, а 799 осужденным. Голов лишились 4 стрелецких полковника. 30 сентября и 11октября состоялись массовые экзекуции, причем делалось это максимально публично, а местом казни было определено Лобное место на Красной площади. Не довольствуясь услугами штатных палачей, Петр заставил рубить головы и своих приближенных: Меншикова, Лефорта, Гордона, Ромодановского и др. В исторической литературе бытует утверждение, что царь собственноручно в эти два дня казнил 30 человек, а А. Д. Меншиков впоследствии похвалялся, что отрубил головы 20 приговоренным.

Гнетущее впечатление от тех массовых казней, кажется, надолго пережило их инициаторов. Данной теме посвящено первое самостоятельное полотно русского живописца В. И. Сурикова, представленное на суд публики во время очередной выставки Товарищества Передвижников в 1881 г. Картина имела громкий успех и сделала молодого художника знаменитым. Этому событию также посвящены стихи известного советского поэта Арсения Тарковского и др.

После казней Петр распорядился повесить перед кельей Софьи в Новодевичьем монастыре три трупа стрелецких полковников. В одеревеневшие руки каждого был вложен лист бумаги, что должно было напоминать Софье о ее письме, якобы написанном стрельцам (следствие не нашло оригинала письма, но слухи о его существовании ходили). Затем Софья была пострижена в монахини под именем Сусанны.

Наконец, в феврале 1699 г. последовало распоряжение царя о расформировании оставшихся стрелецких полков. Стрельцы, как часть русской армии, после этого навсегда ушли в историю. Собственно, здесь мы с вами можем остановиться и перевести дух перед изложением последующих, весьма бурных и драматических событий начавшегося царствования.

Литература

Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. – М., 1997.

Бакланова Н. А. Великое посольство за границей в 1697-1698 гг. (Его жизнь и быт по приходо-расходным книгам посольства) // Петр Великий. – М.-Л., 1947.

Богданов А. П. Царевна Софья и Петр. Драма Софьи. – М., 2008.

Буганов В. И. Московское восстание конца XVII века. – М.: Наука, 1969.

Буганов В. И. Петр Великий и его время. – М.: Наука, 1989.

Буганов В. И. Стрелецкое восстание 1698 г. и начало ликвидации стрелецкого войска // Вопросы военной истории России: XVIII и первая половина XIX в. – М., 1969. – С. 45-53.

Веневитинов М. А. Русские в Голландии. Великое посольство 1697-1698 гг. – М., 1897.

Доценко В. Д. Флот Петра Великого. Азовский флот. Великое посольство. Керченский поход. // Морской альманах. – № 1. – СПб, 1992.

Павленко Н. И. Петр Великий. – М.: Мысль, 1990.

Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. – М.: Наука, 1984.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

ОПОРНЫЕ ДАТЫ:

1700 – 1721	Северная война
1700	Поражение России под Нарвой
1702	Успешный штурм русскими войсками крепости Нотебург (Орешек)
1703	Успешный штурм русскими войсками шведской крепости Ниеншанц
1703	Основание Санкт-Петербурга
1704	Заключение Нарвского договора между Россией и Речью Посполитой. Официальное вступление Речи Посполитой в Северную войну.
1706	Поражение саксонской армии при Фрауштадте. Капитуляция Августа II
1708	Сражение у деревни Лесной
1709	Полтавское сражение
1710 – 1711	Прутский поход Петра I
1714	Морское сражение у мыса Гангут (полуостров Ханко)
1720	Морское сражение у острова Гренгам
1721	Заключение Ништадтского мира со Швецией
1722 – 1723	Персидский поход Петра I
1723	Петербурский мирный договор с Персией
1724	Константинопольский мирный договор с Османской империей

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ТЕРМИНЫ:

анафема; ефимки; Ингерманландия; Ингрия; каролины; крюйт-камера; Лифляндия; редут; Сандомирская конфедерация; Священная лига; Северная война; Северный союз.

В итоге сложных переговоров в Раве Русской (Речь Посполитая), Москве (Россия) и Дрездене (Саксония) к 30 апреля 1699 г. между Данией, Саксонией и Россией (Речь Посполитая формально присоединилась к альянсу только в 1704 г.) был подписан оборонительный договор против Швеции, получивший название «Северного союза». Он предусматривал «верную и постоянную дружбу и соседство», а также взаимные обязательства в общей войне против шведов. В частности, предусматривалась ликвидация шведского господства над восточной Прибалтикой, передача Лифляндии и Эстляндии Августу II, а Ингрии и Карелии – России.

12 августа 1700 г. саксонские войска под командованием Августа II провели успешный десант в Риге. Однако, ливонская знать и местное население не поддержали высадку и продвижение саксонцев вглубь Ливонии было остановлено. В том же месяце датский союзник поддержал Августа II, начав боевые действия в Гольштейн-Готтопском герцогстве к югу от своих границ. Однако, Карл XII во главе 15-тысячного шведского корпуса под прикрытием флота неожиданно высадился в Копенгагене и принудил Фредерика IV к капитуляции. Дания была выведена из войны и вынуждена была подписать Травендальский мирный договор (1700 г.).

19 августа 1700 г. Россия официально объявила войну Швеции и 24 числа того же месяца русские войска пересекли границу шведской Ингрии (нынешняя Ленинградская область). Главным шведским опорным пунктом в этом регионе была крепость Нарва, которая и стала основной целью русского вторжения.

К началу боевых действий русская армия в силу своей неопытности имела весьма ограниченную боеспособность. Петр двинул к Нарве около 40 000 солдат, 5 000 человек конного корпуса П. Шереметева и около 10 000 человек еще дорефор-

менного дворянского ополчения. Войска поддерживал весь наличный состав артиллерийского парка, которым командовал грузинский царевич А. Имеретинский. Общее командование войсками осуществлял Ф. А. Головин. Среди офицеров был велик удельный вес нанятых на русскую службу иностранцев. В последний момент к штабу русской армии по рекомендации Августа II присоединился герцог де Круа с группой офицеров. По самым общим подсчетам к Нарве подошла армия в составе 60 000 человек.

Им противостоял гарнизон крепости под командованием генерал-майора Р. Горна, который насчитывал 1300 пеших и 200 конных солдат, а также 400 ополченцев.

20 октября 1700 г. русская артиллерия начала регулярный обстрел крепости. Зарядов хватило только на две недели, а эффективность огня оказалась минимальной. Обстрел не нанес крепости почти никаких повреждений. Основной причиной этого были проблемы планирования: большая часть орудий, доставленных к Нарве, была малокалиберной и не наносила вреда толстым крепостным стенам. Кроме этого, и русский порох, и сами пушки на поверку оказались низкокачественными, что резко снижало эффективность артподготовки.

Незадолго до того, 5 октября Карл XII с корпусом численностью 10 000 человек высадился в Пернове (Пярну) и Ревеле. Получив об этом известие, Петр выслал навстречу шведским войскам конный отряд Шереметева. Под эстонской деревней Пурц Шереметев был разбит и отступил к Нарве. Когда известия об этом достигли русского лагеря, ряд иностранных офицеров бежали из расположения своих подразделений и перешли на сторону противника. Узнав о подходе шведов к Нарве, Петр 18 ноября в сопровождении генерал-фельдмаршала Ф. А. Головина и поручика А. Д. Меншикова уехал в Новгород, оставив командование генерал-фельдмаршалу герцогу де Круа.

В состоявшемся 30 ноября 1700 г. сражении русские войска потерпели сокрушительное поражение. Командующий герцог де Круа со всем штабом сдался в плен. Совокупные потери составили от 8 тыс. до 10 тыс. человек, 700 человек, включая 10 генералов и 56 офицеров, попали в плен, было потеряно 179 из 184 пушек. Единственными боевыми подразделениями, которые на протяжении всего сражения оказывали орга-

низованное сопротивление шведам, оказались Семеновский и Преображенский полки. Из уважения к их стойкости Карл XII разрешил им покинуть поле боя под своими знаменами.

По случаю победы в нарвском сражении в Стокгольме было организовано шествие пленных русских московитов, а шведская пропаганда распространила в Европе слух о том, что Петр сбежал с поля боя из трусости. Для вящего унижения русского царя, сообщалось также, что он бежал в слезах. В Швеции даже была выпущена медаль с изображением плачущего Петра, бегущего от Нарвы. Сам Петр позже объяснял свое бегство из-под Нарвы необходимостью собрать дополнительные резервы и встретиться с союзником – Августом II.

После поражения под Нарвой в Европе русскую армию на несколько лет перестали воспринимать как серьезную силу, а Карл XII получил славу великого полководца. С другой стороны, эта тактическая победа посеяла семя будущего поражения Швеции – Карл XII поверил, что разбил русских всерьез и надолго и сильно недооценивал их возможности вплоть до Полтавы. Петр I, напротив, после поражения под Нарвой осознал необходимость военных реформ и сделал упор на подготовку национальных командных кадров. Но об этом мы поговорим отдельно.

Тогда под влиянием указанных причин Карл XII принял решение не продолжать активные военные действия против русской армии и перенес основное внимание на войска Августа II. Он намеревался сместить Августа с престола Речи Посполитой и установить там власть выгодного ему монарха, превратив польско-литовское государство в своего рода буферную зону между Швецией и Россией. В июле 1701 г. шведские войска, не встретив серьезного сопротивления, форсировали Двину, заняли Ливонию и затем нанесли ряд серьезных поражений Августу II уже на территории Польши.

Зиму 1703-1704 гг. главные силы шведов провели в польской части Пруссии. Тем временем 14 января 1704 г. часть депутатов польского Сейма низложили Августа II в качестве короля Речи Посполитой. Летом 1704 г. новым королем был провозглашен шведский ставленник Станислав Лещинский. Но в этом избирательном сейме участвовал лишь один епископ и один воевода – сам Лещинский. Поэтому новоизбранный мо-

нарх выглядел откровенной марионеткой. Из-за этого значительная часть депутатского корпуса объединилась вокруг Августа II и на Сандомирской конференции в 1704 г. объявила о непризнании Станислава Лещинского королем. Август II и Карл XII тем временем продолжали метаться друг за другом по Польше. Пока Карл брал Львов, Август совершил круговой маневр и отбил у шведов Варшаву, взяв при этом полторы тысячи шведов пленными.

19 августа 1704 г. между Россией и этими представителями Речи Посполитой был заключен Нарвский договор о союзе против Швеции. Согласно ему, Речь Посполитая официально вступала в войну на стороне Северного союза. Россия совместно с Саксонией и польскими войсками, поддерживавшими Августа II, развернула военные действия на польской территории. В 1705 г. была одержана победа над войсками Лещинского у Варшавы. В конце 1705 г. основные русско-польские силы под командованием короля Августа II остановились на зимовку в Гродно.

Неожиданно в январе 1706 г. Карл XII выдвинул в этом направлении крупные силы и 2 февраля нанес сокрушительное поражение саксонской армии в битве при Фрауштадте. Оставшись без надежды на подкрепление, русская армия была вынуждена отступить из Гродно в направлении Киева. Карл простоял с основными силами в Пинске около месяца, пережидая распутицу и подтягивая отставшие полки, а затем направился в Польшу, преследуя саксонцев. В августе 1706 г. шведская армия перешла Вислу. На этот раз шведы не остановились в Польше, а пройдя через австрийскую Силезию, в начале сентября вторглись уже на территорию самой Саксонии. 13 сентября 1706 г. Август II втайне заключил мирное соглашение со Швецией. По договору он отказывался от польского престола в пользу Станислава Лещинского, разрывал союз с Россией и обязывался выплатить контрибуцию на содержание шведской армии. Таким образом, Россия лишилась всех своих союзников в войне со Швецией.

25 июня 1706 г. шведский флот под командованием адмирала Шебалда в составе 1 яхты, 2 фрегатов и 4 линейных кораблей попытался высадить десант в Архангельске. Однако благодаря самоотверженности и героизму лоцмана Ивана

Седунова (Рябова) и крестьянина Дмитрия Борисова, которые посадили на мель яхту и фрегат напротив недостроенной Новодвинской крепости под огонь русских пушек, это нападение было отбито.

Воспользовавшись тем, что основные силы шведов приняли участие в боях против Саксонии и Речи Посполитой, Петр I в 1701 г. приказал начать новое наступление на севере. 27 сентября 1702 г. русские войска под командованием Б. П. Шереметева осадили шведскую крепость Нотебург (старое название Орешек), расположенную у выхода Невы из Ладожского озера. 11 октября 1702 г. состоялся штурм и крепость пала. Весной 1703 г., после недельной осады, русскими войсками была взята крепость Ниеншанц, находившаяся при впадении реки Охты в Неву. Причем в этом бою русские войска взяли на абордаж два шведских военных корабля, оказавшихся в непосредственной близости от крепости. Это событие стало прологом будущих морских побед молодого русского флота. Таким образом и устье, и истоки Невы оказались в руках России.

27 мая 1703 г. на Заячьем острове в устье Невы была заложена Петропавловская крепость, вокруг которой предполагалось строительство новой столицы, получившей название Санкт-Петербург. Санкт-Петербург стал вторым русским городом, который строился по предварительному плану (как вы помните из моего предыдущего рассказа первый опыт нового градостроительства Петр получил, возводя порт и крепость Таганрог на берегу Азовского моря). Петр I лично участвовал в проектировании будущей столицы. Однако этот статус Санкт-Петербург получил лишь 15 лет спустя в 1719 г.

Незадлго до описываемых событий, в 1702 г. русские войска под командованием Б. П. Шереметева овладели крепостью Мариенбург (ныне Алуксне, Латвия). Этот эпизод Северной войны известен тем, что в плен к Шереметеву попал протестантский пастор Глюк со своей воспитанницей Мартой Скавронской, ставшей после ряда чудесных превращений любовницей, а затем и женой Петра I.

В 1704 г. русские войска вторично осадили Нарву. Нарвским гарнизоном командовал все тот же генерал-майор Р. Горн, который не понял качественных изменений, произошедших с русской армией за истекшие три года. Эта ошибка ему дорого

стоила. После правильной осады и артиллерийской подготовки, длившихся с 20 июня по 8 августа, русские войска пошли на штурм и ворвались в крепость. Комендант, 3 полковника и около тысячи солдат попали в плен. Потери шведов составили 1500 человек убитыми, было захвачено 500 артиллерийских орудий и большое количество снаряжения.

К 1705 г. русские войска захватили практически всю территорию Прибалтики. В 1706 г. отдельный русский корпус под командованием Александра Меншикова разгромил шведов под Калишем (недалеко от Кракова). Однако Карл XII не придавал этому особенного значения. Разгромив Августа II, он был уверен в том, что последний оставшийся его противник – царь Петр будет легко повержен. В случае победы шведский король предполагал лишить Петра трона и передать корону России польскому магнату Якубу Собескому.

Лишь весной 1707 г. появились первые слухи о том, что он готовит свою главную армию, расквартированную в капитулировавшей Саксонии, к походу на Россию. Выступление ожидалось в мае-июне. За 11 месяцев пребывания в Саксонии Карлу XII удалось восполнить потери и существенно укрепить свои войска. 1 сентября 1707 г. шведская армия выступила из Саксонии в направлении Польши. Перейдя Одер, Карл соединился с подкреплениями, подошедшими из Швеции у Познани, а затем повел свою армию к Торуни, около которого в ноябре по льду перешел Вислу. Обойденные с севера русские войска под командованием Меншикова отступили от Варшавы к реке Нарев. Однако главные силы шведской армии совершили тяжелый переход по фактическому бездорожью через Мазурские болота и в феврале 1708 г. вышли к Гродно. Русская армия снова без боя отступила уже к Минску. В июне 1708 г. шведы двинулись в направлении Смоленска.

3 июля 1708 г. войска Карла XII форсировали Березину. Навстречу им выдвинулась русская армия под командованием А. И. Репнина. В произошедшем вслед за тем сражении под Головачевым Репнин был разбит, а Карл XII занял Могилев и переправы через Днепр. Однако, русским удалось перегруппироваться и после ряда попыток прорваться с боями к Смоленску, шведский король в конце концов согласился с мнением своего нового союзника Ивана Мазепы, что зиму необходимо прове-

сти на Украине, где можно было бы дождаться подкреплений и перезимовать. В это время в Риге высадился корпус генерала Левенгаупта с большим обозом, который получил приказ идти на соединение с основными шведскими силами на Украину.

Таким образом, Левобережная Украина становилась театром боевых действий, что не могло обрадовать союзника и вассала России гетмана Запорожской Сечи Ивана Степановича Мазепу (1639-1709 гг.), оставившему о себе весьма неоднозначную память как в России, так и на Украине.

Иван Мазепа родился в украинской православной шляхетской семье. Его отец Адам-Степан Мазепа, был одним из соратников Богдана Хмельницкого, участвовал в Переяславской Раде, а после смерти Богдана и отстранения от гетманства его сына Юрия вместе с гетманом Выговским пытался (неудачно) создавать Русское княжество в составе Речи Посполитой. В 1662 г. польским королем Адам-Степан Мазепа был назначен на должность подчашего[1] Черниговского и занимал ее вплоть до своей смерти в 1665 г.

И. С. Мазепа получил соответствующее положению отца образование. Он окончил Киево-Могилянскую академию и Иезуитский коллегиум во Львове. Близость семьи к королю позволила Мазепе поучиться и за границей: он побывал в Голландии, Италии, Германии и Франции. Изучал артиллерию и фортификацию, свободно владел русским, польским, татарским, латынью. Знал он также итальянский, немецкий и французский языки.

В качестве союзника России в составе казацких отрядов он участвовал во Втором походе князя Голицына на Крым, где, вероятно, и снискал к себе его расположение. По крайней мере по сей день в исторической литературе сильна точка зрения, что именно благодаря интриге, затеянной В. В. Голицыным 25 июля 1687 г. на Раде под Коломаком от власти был отстранен левобережный гетман Самойлович, а на его место был избран Мазепа.

Видимо, личное благорасположение Голицына позволило Мазепе почти что десятилетие благополучно занимать гетман-

[1] Подчаший – придворная должность при польском дворе. Обязанностью подчашего было подавать беседующему королю напитки, предварительно их попробовав, и надзирать за напитками за королевским столом.

ский престол, лавируя между соблюдением правил казацкой демократии и требованиями московского сюзерена. Приход к власти молодого Петра в 1689 г. открыл перед Мазепой новые возможности.

Будучи старшим современником Петра (Мазепе было в ту пору 50 лет), он стал одним из первых союзников и советников молодого царя, когда тот строил планы европеизации страны и наткнулся в этом вопросе на яростное сопротивление консервативных кругов. Не последнюю скрипку в этом играли церковные иерархи (см. предыдущую лекцию). Молодой царь решил опереться на более европеизированное православное духовенство с Украины. И в этом он пользовался неизменной поддержкой Мазепы. Когда в 1700 г. умер патриарх Адриан, Петр, как известно, запретил выбирать нового предстоятеля русской православной церкви, заменив их местоблюстителем патриаршего престола Стефаном Яворским. А вскоре большая часть постов русской православной церкви была также занята иерархами родом с Украины.

Кроме того, в первые годы петровского царствования Мазепа, по сути, был глазами и ушами Петра на южных рубежах страны. Он держал под контролем все события на границе с неспокойным Крымским ханством и Оттоманской Портой. В Москве Мазепе доверяли. Он дружил с канцлером Головкиным и фельдмаршалом Шереметевым.

А потом началась Северная война. И хотя знаменитые указы Петра о переливке колоколов в пушки, введении новых налогов и рекрутских наборов Украины не касались (ее жители продолжали пользоваться правами автономии: судились по Литовскому статуту и платили собственные налоги гетману), Мазепа не мог абстрагироваться от изменившейся внешнеполитической ситуации. Создаваемая русская регулярная армия пополнялась казацкими сотнями запорожцев, участвовавших в боевых действиях. А они были поначалу крайне неудачны. Другое дело, что и тут Мазепа извлек для себя выгоду: пользуясь разгромом Августа II и ослаблением Речи Посполитой, он установил фактический контроль над Правобережной Украиной. Правда, поляки возмущались. А Петр считал их союзниками… Но он доверял Мазепе, и даже в благодарность купил ему титул князя Священной Римской империи, а затем награ-

дил орденом Андрея Первозванного «за многие его в воинских трудах знатные и усердно-радетельные верные службы».

Когда шведы вторглись на Украину, Петр расценил это как интервенцию на свою территорию, пусть и обладающую определенными автономными правами. А казаки считали свое подданство царю результатом соглашения, в котором каждая из сторон должна была выполнять определенные условия. Складывающаяся непростая военно-политическая ситуация усугубляла этот конфликт между самодержавием и «казацкими вольностями». Не имея возможности противостоять первому, Мазепа не желал ущемлять второе. И он сделал свой выбор.

Строго говоря, Петр получал доносы на Мазепу начиная с 1689 г., но верить им не хотел; доносчиков наказывали, а доверие царя к гетману только возрастало. Существуют доказательства того, что первый замысел перехода на сторону Швеции обсуждался Мазепой и польской княгиней Дольской в конце 1705 г. Позже гетман вступил в тайные переговоры с королем Станиславом Лещинским. В январе 1708 г. в Москву поступил очередной донос о его измене. Царь опять счел его ложным, поручив разбирательство друзьям гетмана: канцлеру Головкину и Петру Шафирову. Прознав про это, Мазепа не на шутку испугался и еще энергичнее повел переговоры со Станиславом Лещинским и Карлом XII, закончившиеся заключением тайных договоров. По их условиям Мазепа предоставлял шведам для зимних квартир укрепленные пункты в Северщине, обязывался доставлять провиант, склонить на сторону Карла запорожских и донских казаков и даже калмыцкого хана Аюку.

Осенью 1708 г. царь пригласил Мазепу присоединиться с казаками к русским войскам под Стародубом. Мазепа медлил, ссылаясь на свои болезни и смуты в Малороссии, вызванные движением Карла XII на юг. В то же время он совещался со старшинами, примкнувшими к нему, вел переговоры с Карлом и переписку с А. Д. Меншиковым. Меншиков решил навестить якобы больного Мазепу. Последний, опасаясь разоблачения, в конце октября бежал с гетманской казной с левого берега Десны к Карлу. К шведам, кроме трехтысячного отряда Мазепы, позднее присоединилась часть запорожского войска под началом кошевого атамана Константина Гордиенко в количестве до 7 000 человек.

Когда изобличавшие Мазепу факты предательства получили подтверждение, Петр лишил прежнего фаворита ордена Андрея Первозванного и организовал в Глухове заседание церковного суда, который предал запорожского гетмана анафеме. Тогда же 12 ноября 1708 г. Мазепа был проклят и в Москве. Это был единственный в истории случай, когда анафема одному и тому же человеку проводилась одновременно двумя разными группами архиереев, да еще и по прямому указу царя. Не довольствуясь этим, Петр велел отпечатать единственный в своем роде орден Иуды, выполненный из свинца весом 5 килограмм с надписью: «Треклят сын погибельный Иуда еже за сребролюбие давится». Поскольку Мазепа после Полтавского сражения бежал и вскоре умер в Бендерах, награда эта так и не нашла адресата. Сегодня это экспонат Государственного Исторического музея.

Ответ на вопрос о том, являлся ли Мазепа предателем или нет, для русской (а вслед за ней советской и российской) историографии всегда был и остается очевидным. Пойдя на соглашение с противником России, да еще в условиях войны, он всегда рассматривался именно как человек, изменивший букве и духу решений Переяславской Рады 1654 г., как военный преступник и предатель. Однако после распада СССР в национальной историографии Украины этот стереотип подвергается сомнению и переосмыслению. Нынешние сторонники «революции гидности» усматривают в нем одного из первых «борцов с москалями» и чуть не основателя идеологии украинской «незалежности». В современных украинских школьных учебниках истории делается акцент на усилиях Мазепы по развитию украинского образования и культуры и на борьбе за независимость Украины в союзе со шведами против России. А сам Мазепа рисуется как интеллектуал, поэт, полиглот, знавший 10 языков. Его измена трактуется в свете главного содержания украинской истории – борьбы за независимость и суверенитет. При этом авторы учебников старательно обходят в своих интерпретациях тему того, как отнеслись к союзу Мазепы со шведами рядовое казачество и простые украинцы. А ведь известно, что за Мазепой пошли единицы (по разным подсчетам от 7 до 10 000 казаков). Считая измену Мазепы патриотическим поступком, украинские «самостийщики», в свою

очередь, называют предателями сторонников России, коих было большинство. Естественно, достается и русскому царю. Если Мазепа характеризуется в украинских учебниках как безусловный герой, то Петр I объявляется жестоким и беспощадным врагом всего украинского народа.

Со своей стороны, могу дополнить эти суждения еще одним соображением. Дело в том, что фактом своего предательства гетман, как ни странно, в последний раз послужил России. Именно он уговорил шведского короля не идти прямым маршем на Москву через Минск и Смоленск, а пожировать на вольных хлебах Украины, двигаясь к Москве через Полтаву, осаждая которую шведы потеряли два месяца и почти весь пороховой запас. Ко времени самой Полтавской битвы у них оставалось зарядов только на 4 орудия…

Военные же действия продолжались. Предательство Мазепы спровоцировало начало боевых действий между запорожцами и русскими войсками. В апреле-мае 1709 г. войска под командованием полковника П. И. Яковлева занимались карательными операциями на Левобережной Украине. В результате штурма Запорожской Сечи, состоявшегося 14 мая 1709 г., она была полностью сожжена и разорена. Действия Яковлева были дополнены рейдом А. Д. Меншикова на укрепленную резиденцию самого Мазепы – крепость Батурин. Там стоял сильный гарнизон, были складированы большие запасы снаряжения и провианта. Так что именно Батурин Мазепа рассматривал как главное место зимовки шведов. Войска Меншикова овладели этой крепостью, уничтожив весь гарнизон и, практически сровняли город с землей. Этот разгром сильно подорвал боевой дух запорожцев, лишив к тому же их со шведами необходимых припасов. В итоге этих действий русских войск, как и суровой зимы 1707-1708 гг. единственным способом восполнения провианта и фуража у шведской армии стали реквизиции местного населения, что не добавляло народной популярности украинско-шведскому союзу. Боеспособность же шведской армии поддерживалась через обозы с оружием и пополнением, которые доставлялись через остававшиеся в руках шведов прибалтийские порты, и затем с вооруженной охраной двигались на соединение с войсками Карла на Украине. Вот тут-то самое время вспомнить о большом обозе шведской

армии под командованием губернатора шведской Лифляндии генерала Левенгаупта, вышедшего из Риги на соединение со шведскими войсками.

22 сентября 1708 г. этот обоз под охраной большого отряда (около 16 тысяч человек, до 7 тысяч повозок, 16-17 орудий) переправился через Днепр у Шклова и направился к Пропойску. Познав про это, Петр I отдал приказ не допустить соединения Левенгаупта с основными силами шведов. 28 сентября русские войска настигли шведов под деревней Лесной (недалеко от Могилева) и пошли в атаку. Бой длился с часу до семи с небольшим перерывом. Сражение то затихало, то возобновлялось, переходя от стрельбы к рукопашному бою. В середине дня противники были настолько истощены, что солдаты попадали на землю на расстоянии 200-300 шагов друг от друга и пару часов отдыхали прямо на поле боя.

К вечеру к Петру подошло подкрепление. Получив подмогу, русские снова атаковали и загнали шведов к самой деревне и обозу. Они вывели артиллерию на прямую наводку и стали обстреливать шведский лагерь. Левенгаупт понял, что не сможет спасти весь обоз – с тяжело груженными повозками его войска не смогли бы оторваться от преследования. Поэтому ночью шведы отступили, бросив 3 тысячи подвод со снаряжением, артиллерию и всех своих тяжелораненых. Как известно, Петр I назвал эту победу «матерью Полтавской баталии», поскольку армия Карла осталась без резервов и боеприпасов, что значительно ослабило его силы, а также потому, что битву при Лесной и Полтавскую битву разделяют 9 месяцев.

Когда до Карла XII дошли известия, а затем и появились уцелевшие участники сражения под Лесной, он понял, что дальше ожидать подкреплений бессмысленно и приказал двигаться по направлению к Смоленску. Однако, на пути шведских войск встала Полтава. К этому времени она являла собой небольшую (1000 х 600 метров) деревянную крепость, укрепленную земляными валами, на которых высился деревянный палисад. По всему периметру вала тянулся глубокий ров. На валах имелось 4 деревянных башни. Гарнизон Полтавы состоял из 4200 солдат регулярной армии и 2600 ополченцев при 28 пушках. Комендантом города был полковник Алексей Степанович Келин.

Штурм Полтавы не удался. Первая попытка приступа была отбита. Сыграло свою роль отсутствие артиллерийской подготовки. В силу описанных выше обстоятельств Карл XII экономил ядра и порох. Шведы начали правильную осаду. Их траншеи были вырыты почти у самых городских валов. Были предприняты попытки нескольких подкопов, но взорвать фугасы не получалось, поскольку русским каждый раз удавалось их обезвредить.

15 мая в крепость с боем прорвался русский отряд из 900 человек, доставивший осажденным порох и свинец. Это укрепило решимость защитников Полтавы сражаться и способствовало успешному отражению еще двух натисков, предпринятых шведами в ожидании генерального сражения. Пётр прибыл к Полтаве 4 июня. За ним в этот район стали стекаться русские войска. Переправившись через реку Ворксла, русская армия встала лагерем у села Яковцы. Для его укрепления царь приказал строить редуты – специальные земляные сооружения четырехугольной формы, предназначенные для круговой обороны. Всего было построено 10 подобных редутов на расстоянии ружейного выстрела друг от друга. Перед самым сражением Петр приказал соорудить еще 4, но к началу боя они были не достроены.

Узнав через перебежчика о подходе к русским усиления в виде калмыцкой конницы и лишившись надежды на получение собственного подкрепления (Станислав Лещинский прислал депешу, что не сможет привести верные ему силы к Полтаве, так как скован действиями русской кавалерии генерала Ренне, а турецкий султан не намерен вмешиваться в русско-шведскую войну), 26 июня Карл XII решился на сражение.

Накануне битвы, объезжая линию фронта, шведский король, как известно, был ранен пулей русского снайпера в ногу. Несмотря на то, что ему тут же была сделана операция и пуля была извлечена, развернувшееся вслед за тем сражение, монарх встретил на носилках.

Битва началась в третьем часу ночи 27 марта 1709 г. Шведские войска атаковали русские редуты. Два ранее недостроенных из них были шведами захвачены. Чтобы остановить продвижение неприятеля, русская кавалерия под командованием А. Д. Меншикова контратаковала и загнала неприятеля под

огонь русской артиллерии. Шведское наступление захлебнулось и войска отошли на исходные позиции.

К 8 часов утра следующего дня по приказу Петра русская армия вышла из редутов и стала готовиться к решающему сражению. В центре русской позиции расположилась пехота, между ее боевыми порядками – артиллерия, а по флангам – конница. Зная о том, что в составе русской пехоты было много новых полков с необстрелянными новобранцами, Карл XII решил концентрированным ударом прорвать центр русской позиции. Прорыв должна была осуществить королевская пехота – *каролины*.

Русские войска встретили наступавших шведов сначала артиллерийским огнем, затем несколькими ружейными залпами. После началась рукопашная. Поначалу, казалось, что прославленная шведская пехота смогла выполнить план своего главнокомандующего и опрокинуть первую линию противостоявшего ей Новгородского полка (лишь недавно сформированного и прибывшего под Полтаву накануне битвы).

Согласно утвердившемуся в российской историографии мнению, видя такое развитие событий, Петр I не сдержался, вскочил на коня и лично повел в контратаку солдат второй и третьей линии этого полка, чем спас ситуацию и предотвратил угрозу прорыва центра русской позиции. К сожалению, этот факт не отмечен ни в воспоминаниях непосредственных участников данного знаменательного эпизода, ни в официальных документах, появившихся на свет в ходе или сразу по окончании Полтавского сражения. Шведские участники битвы (по-крайней мере, те кто оставил какие-то воспоминания) также не опознали русского царя в гуще сражения. В исторические труды этот факт проник много позже, как своего рода «предание» о Полтавской баталии, был подхвачен и растиражирован русской монархической историографией и занял свое место в отечественной традиции описания истории Северной войны. Это, впрочем, совершенно не означает, что данного эпизода не было или не могло быть вовсе. Однако же, также можно и предположить, что он был плодом солдатского воображения или ветеранского фольклора, который сопровождает любые крупные сражения (вспомним истории про Евпатия Коловрата, боярина Пересвета и др.)

Так или иначе, но после этого был подан сигнал ко всеобщему русскому наступлению. Сражение вспыхнуло с новой силой, однако через какое-то время шведы дрогнули и стали отступать. Причиной этого стал распространившийся слух о гибели Карла XII: ядро попало в носилки с раненным королем, и он чудом остался жив. Чтобы справиться с паникой, Карл XII приказал поднять себя на носилках и пытался призывать солдат остановиться, но паника продолжала нарастать. Еще через два часа, говоря словами Петра, была одержана «прекрасная Виктория». Потеряв в бою около 8 000 человек, шведские войска и их украинские союзники бежали на запад, по направлению к Днепру. Достигнув села Переволочна, они стали искать возможные средства для переправы. Однако же удалось отыскать лишь несколько лодок для короля, гетмана и их охраны.

Передав командование войсками генералу Левенгаупту, король и гетман переправились на правый берег Днепра и скрылись в турецких владениях. Подошедший же три часа спустя к Переволочне Меншиков выдвинул Левенгаупту ультиматум о немедленной и безоговорочной сдаче в плен, угрожая в противном случае утопить шведов в Днепре. Левенгаупт после зрелого размышления принял условия капитуляции и остатки шведской армии, насчитывавшие около 15 000 человек, прекратили сопротивление. Трофеями русских стало оружие, снаряжение, а также вся шведская (400 000 руб.) и мазепинская (4300 руб.) казна.

Петр же, как известно, на следующий день после победы под Полтавой дал в русском лагере торжественный прием для своих генералов и старших офицеров. Были приглашены и шведские генералы. За обедом царь произнес тост в честь своих бывших противников, называя их своими учителями. В ответном слове старший по званию среди шведских военачальников фельдмаршал Реншальд упрекнул царя в том, что тот «дурно обошелся со своими наставниками».

К слову, хочу добавить, что довольно много шведских офицеров, попавших в плен в ходе Северной войны, после подобного приема перешли на службу в русскую армию. Ярким примером служит упомянутый в пушкинской «Полтаве» генерал-майор Вольмар Шлипенбах. Он сопровождал шведский

обоз, подвергшийся нападению русского «летучего отряда» под Лесной, сумел отбиться и присоединился к Карлу XII. Во время Полтавского сражения практически одним из первых шведских высших офицеров он попал в плен и также одним из первых согласился перейти на русскую службу. Примечательно, что он даже не особо потерял в звании. Как и в шведской армии, в русскую он был принят генерал-майором и дослужился до генерал-поручика, а затем был членом Военной коллегии и Верховного суда.

После победы под Полтавой многие русские участники сражения получили ордена, новые звания, земельные пожалования и повышение по службе. Не забыл Петр и себя. Согласно царскому указу «за храбрые кавалерийские заслуги и в делах воинских мужественное искусство» он был пожалован званием генерал-лейтенанта. Младшие офицеры и нижние чины были награждены денежными наградами и медалями «За Полтавскую баталию».

Полтавская победа существенным образом изменила расстановку военно-политических сил в Европе. Вместе с поражением шведов, покачнулся трон под их ставленником в Речи Посполитой Станиславом Лещинским. Он вынужден был бежать из Польши, а его место занял Август II. Стремясь восстановить Северный союз, Петр решил нанести визит своему бывшему союзнику. Торжественная встреча Петра состоялась в польском городе Люблин, где царя ожидали обер-шталмейстер польского короля, а также камергер короля прусского и чрезвычайный посол Дании. В их сопровождении царь направился в резиденцию польского монарха в Торунь, где 26 сентября 1709 г. и состоялась его встреча с Августом. Тот чувствовал себя более чем неуверенно и неловко, особенно в свете своих недавних политических кульбитов (напомним, что в целях спасения короны Саксонии после ряда военных поражений он вынужден был подписать тайный антирусский союз со Швецией. При этом Август в порыве подобострастия преподнес Карлу усыпанную драгоценными камнями шпагу, в свое время подаренную ему Петром). Шпага эта была при Карле во время Полтавской битвы, брошена им во время отступления и вновь оказалась в руках своего дарителя. И вот теперь Петр вторично преподнес свой подарок Августу II. Цели, которые Петр ставил

перед собой в этой дипломатической миссии были полностью достигнуты: Северный союз был восстановлен в прежнем составе (Россия, Дания, Саксония и Речь Посполитая), а с Пруссией был подписан оборонительный союз.

Эти политические перемены не преминули сказаться и на положении на фронтах. Русские войска овладели Выборгом, Ригой, Ревелем, Пярну, Кексгольмом, закрепились на большей части территории Лифляндии и Эстляндии.

Зимой 1709 г. в Москве торжественно отметили победу в Полтавской битве и при Лесной. После торжественного марша русских войск по городу провели около 22 000 шведских военнопленных, провезли трофейные пушки и знамена. Наиболее высокопоставленным пленником, участвовавшим в этом триумфе, стал статс-секретарь граф Карл Пипер, возглавлявший Канцелярию Карла XII.

Довольно неровно развивались и русско-турецкие отношения. После заключения мира с Портой в 1700 г., Османская империя все еще не ратифицировала этот договор. После поражения под Полтавой, дестабилизирующим фактором русско-турецких отношений стал Карл XII, который формально находился в Османской империи на правах почетного гостя, но употребил все свое влияние чтобы вовлечь своих радушных хозяев в конфликт с Россией. Петр через своего посла П. Толстого требовал выдачи шведского короля русской стороне. Однако, объявив о долгожданной ратификации мирного договора, султан согласился лишь на выдворение шведского монарха из своих владений. Причем до польской границы его должен был сопровождать отряд из 500 янычар, а при следовании через Польшу – русский эскорт той же численности.

Официально подтвержденный турецкой стороной мир продержался недолго. Сказывалось и копившееся недоверие между сторонами, козни крымского хана, а также действия некоторых представителей дипломатических кругов западных стран, которых не устраивало новое соотношение сил в Европе после Полтавы и военное усиление России. Особенно в этом деле усердствовала Франция, желавшая не допустить союза России со своим извечным противником Австро-Венгрией. В декабре 1710 г. из Константинополя пришли известия об официальном объявлении Турцией войны России. Вслед за

тем крымцы атаковали Харьков и Белую Церковь. И хотя силами местных гарнизонов эти атаки были отбиты, край подвергся серьезному разорению.

25 февраля 1711 г. в Москве было официально объявлено о начале войны с Портой. Русские войска под командованием фельдмаршала Шереметева еще в январе того же года получили приказ выступить из Прибалтики на юг. Это дало старт т.н. «Прутскому походу» русской армии. Петр присоединился к войскам в марте. Он верил в успех этой кампании. По плану русские должны были форсировать Днестр, Буг и Дунай и развернуть боевые действия на вражеской территории. Кроме того, в своих планах царь рассчитывал на помощь Валахского правителя Бранкована и молдавского господаря Кантемира. Однако, полагаться на это можно было лишь в том случае, если русская армия смогла бы раньше турок достичь Дуная. Этого сделать не удалось. Поэтому Бранкован решил не искушать судьбу и переметнулся к туркам. Лишь 30 мая русские войска форсировали Днестр. Господарь Кантемир, хотя и выполнил взятые на себя обязательства, но тот запас продовольствия и фуража, который он собрал, был крайне мизерным для снабжения сорокатысячного русского корпуса.

Турецкие войска тем временем переправились через Дунай и шли навстречу неприятелю. Переход от Днестра до Буга был для русских невыносимо трудным из-за недостатка провианта, нестерпимой жары и отсутствия пригодных к употреблению источников питьевой воды. В самом конце июня 1711 г. русская армия переправилась через Прут и последовала вниз по правому берегу реки. Здесь 18 июля она и встретилась с неприятелем. В середине дня османы нанесли свой удар в тыл русской армии. Несмотря на численный перевес, турецкие войска после стычки были вынуждены отступить, поскольку их наступление не было подготовлено.

Как стало ясно поутру следующего дня, русские войска во главе с самим царем попали в окружение 180-тысячной турецкой армии и крымских татар. Петр принял решение идти вверх по течению реки в поисках более удобного места сражения. Передвижение началось с наступлением ночи. Однако в ходе движения между отступающими русскими войсками образовался разрыв, чем незамедлительно воспользовались турки,

чтобы нанести удар по обозу, оставшемуся без прикрытия. Русские войска заняли оборону недалеко от селения Стэнилешть и приготовились к бою. К пяти часам вечера сюда подошли основные силы турецкой армии. Сражение началось в семь часов вечера. Отчаянные атаки янычар были встречены кинжальным огнем русской артиллерии, и атака в конце-концов была отбита с большими потерями для турецкой стороны.

Утром следующего дня сражение продолжилось. Турки начали обстрел русского лагеря из 160 орудий, которые были доставлены к месту боя. В перерывах между обстрелами русские позиции подвергались атакам турецкой пехоты и кавалерии, однако же сломить сопротивление русских войск они не смогли. Вечером бой затих и на военном совете Петр, констатируя безысходность сложившейся ситуации, предложил заключить с турками мирный договор. В результате к туркам был отправлен П. Шафиров, которого наделили самыми широкими полномочиями посла.

Переговоры длились два дня. В итоге мир был заключен на следующих условиях: Россия обязалась возвратить Османской империи Азов, срыть недавно построенную крепость Таганрог и отказаться от других городов на побережье Азовского моря; Россия отказывалась от вмешательства в польские и казацкие дела, а также обязывалась обеспечить свободное следование через свою территорию шведского короля на родину. Был оговорен ряд иных, более мелких условий. До полного исполнения условий договора посол Шафиров и сын фельдмаршала Шереметева должны были оставаться в Турции на правах заложников.

23 июля мирный договор был скреплен печатями, и уже в 6 часов вечера русская армия в боевом порядке с развернутыми знаменами и барабанным боем выступила к Яссам. Таким образом, главным итогом Прутского похода явилось спасение армии (и императора!), а печальным результатом – потеря Россией выхода к Азовскому морю и недавно построенного южного флота. Азов вновь был отвоеван русской армией и вошел в состав России лишь в 1736 г.

Когда Карл XII узнал о подписании русско-турецкого мира, он примчался в турецкий лагерь из Бендер и потребовал от великого везиря выделить ему 20 000 янычар, обещая привезти

обратно пленного русского царя. Однако, командующий турецкой армии напомнил ему про Полтаву и твердо заявил, что не намерен нарушать только что подписанного соглашения. Тогда Карл попробовал спровоцировать на выступление крымского хана, но тот не решился ослушаться везиря. В итоге шведский король, опасаясь за свою жизнь, так и не покинул территорию Османской империи и задержался в Бендерах еще на два года. Султан, которому надоели интриги и амбиции высокого шведского гостя, в конце-концов распорядился арестовать его, а Россия, Речь Посполитая и Пруссия воспользовались этой ситуацией в своих интересах: русские войска оккупировали половину Финляндии, прусские власти экспроприировали шведские капиталы в Германии, а Август II укрепился на польском троне.

В 1713 г. Карлу удалось бежать из Османской империи. Утверждают, что в ходе побега произошла стычка между шведской охраной короля и отрядом преследовавших его янычар. В ходе боя Карл получил второе ранение (шальной пулей ему отстрелили кончик носа). После возвращения на родину влияние и политическая роль этого шведского монарха стали неуклонно падать. В декабре 1718 г. во время своего последнего похода в Норвегию (она была тогда под властью Дании) при осаде крепости Фредриксгалля, Карл XII находился в передовой траншее и был убит выстрелом снайпера (забавно, но факт: в качестве пули была использована пуговица от датского мундира). По другой версии король стал жертвой заговора шведской аристократии, недовольной продолжением разорительной войны, и был убит в результате покушения (это не отменяет историю с пулей-пуговицей, но обстоятельства гибели короля до сих пор остаются причиной ожесточенных споров). Так или иначе, но Карл XII считается последним монархом Европы, павшим на поле боя.

В 1712 г. сражения Северной войны продолжились в центральной Европе. Дания, Саксония и Пруссия начали боевые действия в Померании. Осаду шведских гарнизонов Штральзунда и Висмара можно было признать успешной лишь наполовину. Сами крепости взяты не были, но союзникам удалось выманить из них и пленить более 2000 шведских солдат и офицеров. Причиной столь половинчатых результатов стало

отсутствие осадной артиллерии. Тяжелые орудия, необходимые для осады крепостей, имелись только у Дании, но она отказывалась передать их для выполнения общих задач. На этом фоне между участниками коалиции усилились и другие разногласия. Русская армия, во главе с А. Д. Меншиковым, в это время, осаждала Штетин. Впрочем, тоже без видимых успехов и по той же причине. Не было осадных орудий.

Обеспокоенный складывающейся ситуацией, Петр в июне 1712 г. прибыл в Померанию и имел свидание с Августом II. Тем временем шведский генерал М. Стенбок вышел из Штральзунда и намеревался атаковать датские и саксонские войска. Петр предложил союзникам военную помощь с условием, чтобы они не принимали сражения до подхода русских войск. Однако же 10 декабря те ввязались в бой, в котором потерпели поражение. В январе 1713 г. переброшенные в Померанию русские войска начали преследование шведов и настигли их у Фридрихштадта. Стремясь оторваться от преследования, Стенбок разрушил шлюзы и затопил города. Несмотря на это, русские войска штурмом овладели им. Потеряв 300 человек пленными, шведы отступили. Петр, поручив преследование противника Меншикову, отбыл в Петербург.

Боевые действия в Померании в 1712 г. разочаровали царя. Поэтому он решил перенести основную тяжесть боевых действий на более чувствительный для шведов фронт – финский. По его мнению, овладеть Финляндией было необходимо в силу большого значения этих мест для снабжения шведских войск продовольствием и фуражом, а флота – строевым лесом. Был сформирован шестнадцатитысячный экспедиционный корпус под командованием А. Ф. Апраксина. В апреле 1713 г. этот корпус на галерах и других мелких судах появился в финских шхерах и практически без боя взял крепости Свеаборг (Гельсингфорс) и Борго. Царь был в составе десанта, но после взятия Борго вернулся в Кронштадт. Здесь он получил известие от А. Д. Меншикова о разгроме армии Стенбока под Тонингеном и пленении союзниками более 11 000 шведских солдат и офицеров во главе с самим главнокомандующим.

Тем временем Ф. А. Апраксин продвигался дальше на север и во второй половине 1713 г. русские войска при поддерж-

ке флота взяли столицу шведской Финляндии – город Або (современный Турку). Таким образом, контроль над Финляндией в значительной степени Швецией был утерян. Однако, было совершенно очевидным, что победить такую сильную морскую державу, которой оставалось Шведское королевство можно было лишь после достижения превосходства над ее военно-морскими силами. Это произошло в 1714 г. после известного сражения при мысе Гангут.

Широко известны усилия Петра Великого, направленные на создание русского военно-морского флота. Однако обсуждая этот вопрос, следует иметь в виду несколько обстоятельств. Наши современники, живущие в XXI веке, априори убеждены (особенно, после просмотра масштабных телевизионных сериалов и кинолент, посвященных петровской эпохе), что к моменту первых побед молодого русского флота, он уже обладал полноценным комплектом больших многопалубных, многопушечных кораблей с обученными командами, штатом морских офицеров, портовой инфраструктурой, местами базирования и т.д. Именно это утверждает видеоряд современной кинопродукции, демонстрирующий сцены морских баталий, когда линейные корабли выстраиваются друг напротив друга, и окутываясь клубами белого дыма, начинают коллективные артиллерийские дуэли, заканчивающиеся красочными эпизодами потопления (взрыва) неприятельского корабля. Увы! Применительно к рассматриваемому времени эти картины имеют весьма отдаленное отношение к реальности.

Начнем с того, что до 1708 г. в стране наличествовал только гребной флот. И то основным типом военных судов были наиболее легкие, плоскодонные галеры (скампавеи), которые были оснащены от силы двумя пушками и которые подходили в большей степени для десантных операций нежели для крупных морских сражений. Собственно, как мы видели выше, скампавеи для этого в своей массе и использовались. Строительство же крупных кораблей не велось вовсе! Только в 1714 г. в Архангельске было построено 7 крупных кораблей общим вооружением в 52 пушки. Еще несколько десятков не самых современных судов было куплено Петром за границей. Почему же основу первых русских побед заложил именно гребной, а не парусный флот?

При той спешке, в которой строился флот (вспомним, что Азовская флотилия была построена практически за год, немногим больше времени потребовалось для создания галерного флота, победы которого мы обсуждаем на этих страницах), говорить о каком-то правильном соблюдении технологии, о специальной обработке древесины (я не говорю о ее выращивании) невозможно. То же самое можно сказать о вооружении и комплектовании команд. В стране не было еще ни своей кораблестроительной базы, ни морской школы, ни приемов выучки экипажей, ни вообще собственных морских традиций… Причем надо учитывать, что фактически на многомачтовых парусных военных кораблях имеется две команды: задача одной управлять парусами, а другой – собственно вести бой. И поскольку обе эти команды должны очень четко координировать между собой свои действия, чтобы достигать боевого результата (что требует постоянной тренировки), то для читателя станет совершенно очевидно, что ни времени, ни возможности построить и подготовить к бою настоящий флот к 1714 г. просто не было. Посадить же на весла имевшихся в изобилии пехотинцев, которые под началом опытного капитана и лоцмана при минимальной тренировке могли бы сначала грести, а затем участвовать в абордажном бою, было вполне даже по силам.

Мои остальные претензии к качеству современной кинопродукции носят менее существенный характер. Например, известно, что вплоть до середины XIX в. военно-морские флоты не располагали фугасными снарядами. А чугунные ядра, которые извергали многочисленные корабельные орудия во время боя, хотя и проламывали борта, иногда ломали мачты и даже пробивали корабли «навылет», калеча канониров и матросов, ни в коей мере не могли стать причиной затопления судна или тех красочных взрывов, которые демонстрируются в фильмах. Такое могло произойти лишь если шальное ядро случайно попадало в крюйс-камеру – пороховой погреб корабля. Но это случалось нечасто. Чтобы поджечь вражеское судно, команды по старинке калили ядра или обматывали их тряпьем и соломой перед выстрелом. Но результат от этого был мизерный. Более гарантированным способом поджечь вражеский корабль было использование брандеров. Брандер –

это небольшое суденышко, по сути – плавучая мина с небольшим экипажем и заложенным в трюме большим запасом взрывчатки. Его подгоняли к борту вражеского судна, закрепляли якорями, после чего команда поджигала фитили и покидала корабль. Брандер взрывался, но вместе с ним загорался и вражеский корабль.

Ну и наконец, о клубах дыма, которые сопровождают в кинофильмах сцены морских баталий. Вплоть до 80-х годов XIX в. в ходу был традиционный, как его сегодня называют, «дымный» порох, для изготовления которого использовалась в разных сочетаниях селитра, угольная пыль и сера. При возгорании эта смесь образует сажу, а дым от нее (в зависимости от используемого угля – каменного или древесного) либо белый, либо ядовито-черный, что уж совсем не кинематографично. Собственно, именно поэтому артиллеристы и канониры позапрошлого века во время боя были черны как смоль. Только глаза блестели. Да и времени между выстрелами требовалось больше, чем показывают в современных фильмах, ибо если палить не наугад, а прицеливаться, то нужно ждать, чтобы плотная дымовая завеса рассеялась после предыдущего залпа. Кстати говоря, по этой причине не стоит всецело доверять и многочисленным сценам выяснения отношений между ковбоями на Диком Западе в американских вестернах. После хотя бы пяти минут непрерывной пальбы двадцати человек, да еще с двух рук и в сравнительно небольшом помещении, коим были салуны, вряд ли кто-то из участников подобных разборок смог бы различить силуэт противника за плотной дымовой завесой.

В этих условиях наиболее эффективным вариантом морского сражения, как ни странно это звучит, был абордажный бой. После основательной «артподготовки» корабли противников сближались, сцеплялись друг с другом бортами и абордажные команды делали свое дело. И Петр I учитывал это обстоятельство, готовясь к морскому противостоянию со шведами. Вот после этих замечаний, я наконец, могу перейти к описанию развернувшихся событий у мыса Гангут.

Итак, в июне 1714 г., доставив провиант русскому гарнизону в Гельсингфорс, галерный флот вышел в море и следовал с той же целью в направлении Або. У мыса Гангут (полуостров Ханко) путь ему преградила шведская эскадра. Командовав-

ший русским флотом Ф. А. Апраксин насчитал 29 вымпелов. Среди них было 15 линейных кораблей, 3 фрегата, 11 судов более мелких классов. По самым приблизительным подсчетам на их борту находилось около тысячи пушек. Командовал шведским флотом адмирал Густав Ваттранг. Под началом Апраксина было 99 галер с десантом общей численностью в 15 000 человек.

Он доложил о ситуации царю и 18 июня Петр присоединился к русскому флоту. На военном совете было решено по возможности попытаться зайти в тыл или попробовать разделить силы противника. С этой целью Петр велел построить переволоку[2] через перешеек полуострова Ханко длиной 2,5 км. Узнав об этом, Ваттранг направил к северному побережью полуострова отряд кораблей (18-пушечный фрегат «Элефант», 6 галер, 3 более мелких судна. Возглавил отряд контр-адмирал Эреншельд. Другой отряд (8 линейных кораблей и 2 бомбардирских корабля) под началом вице-адмирала Лиллье он решил использовать для нанесения удара по главным силам русского флота.

На следующий день в месте грядущего сражения установился полный штиль, чем и решил воспользоваться Петр. По его приказу 35 русских галер под командованием Матвея Змаевича, пользуясь неподвижностью шведских кораблей, зашли в тыл шведской эскадры, оставаясь вне досягаемости огня ее пушек. Русский флот таким образом заблокировал отряд Эреншельда у острова Лаккиссер. 27 июня в 2 часа пополудни русский авангард в составе 23 кораблей атаковал Эреншельда, построившего свои корабли по вогнутой линии, оба фланга которой упирались в острова. Два часа шведы с трудом отбивались от натиска русских кораблей, но затем шведские корабли были взяты на абордаж и захвачены. Петр I лично участвовал в абордажной атаке, демонстрируя подчиненным пример мужества и героизма. После упорного сопротивления сдался шведский флагман «Элефант». Были захвачены все 10 кораблей отряда Эреншельда. Сам адмирал пытался бежать на лодке, но был взят в плен. Оставшаяся часть сил шведского флота сумела уйти к Аландским островам. Согласно официальным данным, в этом сражении шведы потеряли 361 чело-

[2] Деревянный настил

века убитыми, 350 ранеными, остальные были пленены. Русские потери составили убитыми 124 человека и 324 человека ранеными.

Петр сравнивал первую в истории большую морскую победу русского флота с победой в Полтавской битве. Когда известия об этом достигли Стокгольма, то была начата подготовка к эвакуации королевского двора из шведской столицы. 9 сентября Санкт-Петербург встречал победителей. Вслед за победоносными галерами в качестве трофеев в Неву вошли и трофейные шведские суда. В честь победы была выпущена медаль «За победу при Гангуте», а в 1719 г. со стапелей Адмиралтейских верфей в Санкт-Петербурге был спущен на воду линейный корабль, получивший название «Гангут». С тех пор и до настоящего дня это название по преемственности передается новым поколениям кораблей российского военно-морского флота.

В 1716 г. сложились условия для поиска мирного выхода из Северной войны. Швеция после поражений на суше и на море уже не могла вести боевые действия на всех фронтах, где ей противостояли объединенные силы Северного союза, но и Россия была истощена ведшейся пятнадцать лет без перерыва войной. С целью прощупать возможности для заключения мира в январе Петр вместе с Екатериной отправились в Европу. Формально причиной путешествия было объявлено лечение царя.

Еще А. С. Пушкин в «Истории Петра I» указывал на многочисленные простудные заболевания, лихорадки и горячки, которым был подвержен государь. Также нам известно, что для облегчения болезни желудка, царь неоднократно прибегал к лечению минеральными водами как в России, так и за рубежом: в Бадене в 1698 г. и в 1708 г., в Карлсбаде в 1711 г. и в 1712 г. В Европе об этом знали. Поэтому выезд царской четы на воды в саксонский курортный городок Пирмонт не вызвал ни у кого лишних вопросов.

Однако же на практике пребывание Петра в Саксонии было насыщено массой визитов и встреч: с саксонским курфюстром «другом Августом», герцогом Мекленбургским, датским королем Фредериком IV. Для поиска дипломатических путей завершения Северной войны Петр посетил Голландию. Следом

за ним в Амстердам прибыли и высокопоставленные русские дипломаты: Шафиров, Толстой, Остерман. Им удалось установить контакты с главными союзниками шведской короны на континенте – французами. Франция в складывающихся обстоятельствах согласилась принять на себя миссию посредника в возможных переговорах. В связи с этим царь решил ехать в Париж.

Французская сторона, детально проработавшая программу следования царя из порта Дюнкирхен до Парижа, была немало удивлена, узнав, что Петр отказался от всевозможных почестей и удобств, подготовленных ему в пути, и путешествовал в простой двуколке. В связи с намечающимися переговорами, фактический правитель Франции на тот момент герцог Филипп II Орлеанский приставил к царю камер-юнкера по фамилии де Либуа, чтобы выведать истинные цели визита. Де Либуа позже писал, исходя из собственных наблюдений, что русскому монарху было важнее узнавать новое и путешествовать, нежели вести серьезные деловые переговоры. А если Петр I и вел таковые, то делал это за «стаканом вина». Француз в своих суждениях оказался прав лишь частично: Петр I считал, что дипломатические переговоры с французской стороной могли облегчить выход из изнурительной Северной войны, однако при этом нельзя не признать, что он испытывал и неподдельный интерес к могущественной на тот момент европейской державе.

Не изменил себе Петр и прибыв в столицу Франции. На торжественном приеме, устроенном в его честь от имени Людовика XV, он лишь выпил немного вина и съел ломтик бисквита. Отказавшись жить в Лувре, он потребовал для себя более скромного пристанища, чем поставил в тупик службу королевского протокола. В конце-концов, царь переселился в отель *Lesdiguières* («Ледигьер»). Но и он показался царю чересчур шикарным. Инцидент закончился тем, что Петр потребовал поставить ему простую походную кровать в гардеробной. Там к вящему изумлению принимающей стороны он устроился на ночлег.

Именно в этой гостинице прошли и первые официальные русско-французские переговоры на высшем уровне. Первым на встречу к Петру I прибыл регент короля Людовика XV –

Филипп II Орлеанский. Как утверждают очевидцы встречи, знакомство вышло непродолжительным, но прошло в исключительно дружественном ключе. Русский государь обнял Филиппа и сказал, что решил отправиться во Францию как только узнал о том, что последний стал регентом. Филипп пообещал Петру полную свободу действий в стране от имени короля.

Встреча Петра с самим королем состоялась лишь три дня спустя. Людовик XV, к слову сказать, занял престол в 1715 г. в пятилетнем возрасте. Поэтому на встречу к Петру, по сути, прибыл семилетний ребенок. Русский государь к изумлению французской знати взял малолетнего монарха на руки и несколько раз поцеловал его. А юный король ничуть не испугался и, по уверению придворных, вел себя, как подобает истинному правителю Франции, правнуку «короля-солнца». Прощаясь, Петр I пожелал Людовику XV успешного и славного царствования и добавил, что в будущем государи смогут оказывать друг другу взаимные услуги.

Еще один визит вежливости царь нанес маркизе де Ментенон – жене и любимой фаворитке Людовика XIV. Увидев старую маркизу в постели, он поинтересовался, чем она больна. Маркиза ответила: «Старостью». Потом Петр назвал этот визит встречей с «живыми мощами прошлого века».

В Париже Петр побывал в аптекарском доме, Арсенале, королевской библиотеке, Ботаническом саду, Французской академии наук и Парижской обсерватории. Наведывался государь и в Монетный двор, в мастерские столяров и литейщиков, в знаменитый Дом инвалидов. Даже поднялся на колокольню собора Парижской Богоматери.

По словам очевидцев, Петр I общался с простыми столярами, академиками, врачами, удовлетворяя свою жажду знаний, наблюдал, как работает та или иная фабрика или фактория, постоянно делал заметки. Словом, царь возвратился из столицы Франции полный впечатлений и надежд на заключение мира.

События начала 1718 г., казалось, подтверждали эти надежды. 12 мая 1718 г. на Аландских островах открылся мирный конгресс. Шведскую делегацию представлял личный посланник вернувшегося на родину Карла XII Георг Генрих фон Герц. Россию представляли Яков Брюс и Андрей Иванович

Остерман. Обсуждались следующие условия заключения мира: Швеции должна была быть возвращена Финляндия. Ингрия (Ижора), Эстляндия, Лифляндия, а также Карелия должны войти в состав России. Шведская сторона после консультаций со Стокгольмом была готова принять эти условия, однако потребовала дополнить договор пунктом о передаче польского престола шведскому ставленнику Станиславу Лещинскому. Учитывая, что Август II однажды уже вероломно предал Петра, русский царь готов был удовлетворить это условие, однако, в ходе переговоров русским агентам в Стокгольме стало известно, что при дворе шведского короля есть влиятельная партия, удерживавшая его от подписания мира. Это внесло неопределенность в дальнейшие русско-шведские контакты. В конце 1718 г., как мы уже обсуждали, Карл XII вторгся в норвежские владения Дании и был убит при штурме Фридрихсгалля. Переговоры были прерваны, возобновились в 1719 г., но в связи с выдвинутыми правительством унаследовавшей престол сестры короля Ульрики Элеоноры новыми условиями, которые русская делегация считала неприемлемыми, конгресс закончился безрезультатно.

Война возобновилась. Чтобы сделать противника более сговорчивым, к берегам Швеции был отправлен русский флот под командованием адмирала Ф. А. Апраксина, высадивший десант в окрестностях Стокгольма. Уставшая от войны шведская армия, не оказав серьезного сопротивления, отступила вглубь страны. В пригородах шведской столицы появились разъезды русских казаков, что вызвало форменную панику в городе. К тому времени вся Финляндия и некоторые области Швеции были оккупированы русскими войсками. По подсчетам шведских историков на войне уже погибла треть шведских мужчин. Поэтому главнокомандующий шведской армией вице-адмирал Таубе полагал, что оставшиеся войска пригодятся ему при обороне столицы. Собственно, так и произошло при неудачной попытке русского десанта захватить Стокгольм. Шведы именуют ее битвой в проливе Баггенстекет.

Высадившиеся на шведское побережье в районе Руслагена русские солдаты имели приказ не чинить вреда местному населению и не осквернять церкви. На воззваниях, написанных на шведском языке и прибивавшихся у церковной ограды,

говорилось, что в разрушениях и порче имущества следует винить исключительно шведские власти, не желавшие вести переговоры о мире. Солдаты и казаки, переходя от хутора к хутору, добросовестно изрезали рыбацкие сети, резали скот, жгли сараи, заборы и мосты, не причиняя вреда людям. Шведские историки полагают, что традиционная «шведская русофобия» началась именно с этой военной миссии.

Ситуация казалась чрезвычайно серьезной не только шведам, но и их союзникам – англичанам. Для демонстрации флага и «принуждения к миру» в Балтийское море вошла английская эскадра. Англия, озабоченная возрастанием могущества русской армии, образовала военный альянс со Швецией.

В августе-сентябре 1719 г. последовала еще одна, также безуспешная, попытка русско-шведских переговоров. После их провала русская сторона возобновила десантные операции на побережье Швеции. Объединенный англо-шведский флот демонстративно приблизился к Ревелю, что, впрочем, никак не заставило Петра I вновь искать мира.

Более того, присутствие на Балтике английской эскадры не помешало русскому галерному флоту под командованием М. М. Голицына нанести второе морское поражение шведам – у острова Гренгам. Там 52 русским галерам противостоял шведский флот в составе 1 линейного корабля, 4 фрегатов и 9 судов более мелких классов под командованием адмирала К. Шебалда. Предшествующий опыт, полученный русскими в морском противостоянии со шведами, определил ход и тактику этого сражения. 7 августа 1720 г. русский флот имитировал атаку на корабли шведов. Те ответили массированным артиллерийским огнем. Тогда Голицын приказал развернуть галеры и изобразил поспешное отступление в сторону мелководья. Шведы начали преследование. Однако, этот маневр, по сути, загнал шведские корабли в ловушку. Лишенные возможности маневрировать из-за своей большой осадки, они оказались беззащитными перед плоскодонными русскими галерами. Этим и воспользовался М. М. Голицын, направивший свои суда на абордаж и захвативший в ходе упорного боя 4 фрегата. Адмирал Шебалд почел за благо прекратить бой и с оставшимися кораблями ретировался. Сражение при Гренгаме положило конец господству шведов на море и стало последним

аргументом для них по вопросу возобновления мирных переговоров.

28 апреля 1721 г. переговоры начались в финском городе Ништадте. На этот раз шведская сторона оказалась более сговорчивой. После четырех месяцев согласований и консультаций, мир был подписан 30 августа на следующих условиях: Швеция признала присоединение к России Ижоры (Ингрии), Лифляндии, Эстляндии, части Карелии и островов Эзель, Даго и Моон в Балтийском море. Оккупированная к тому времени Финляндия возвращалась шведской короне. Россия, кроме того, обязывалась уплатить шведам денежную компенсацию за потерянные территории в 2 млн. ефимков[3]. Должен был состояться обмен пленными. Амнистия должна была распространяться на всех участников русско-шведского конфликта за исключением украинских казаков, последовавших за Мазепой.

Таким образом, Россия закрепляла за собой выход к Балтийскому морю и получила право иметь порты и собственный флот на Балтике. Благодаря этой победе русское государство решило одну из главнейших своих внешнеполитических задач, которую до того пыталось безуспешно решить два предшествующих столетия. Прорубив «окно в Европу», страна приобретала нормальные условия для развития экономических и культурных связей со странами европейского континента. Санкт-Петербург, а за ним Рига, Ревель и Выборг становились важными внешнеторговыми центрами страны.

Петр узнал о подписании мира 3 сентября по пути в Выборг. Днем позже эта новость была объявлена в столице. Празднование победы затянулось в Санкт-Петербурге на целый месяц. Балы и маскарады сменялись фейерверками и иллюминациями. 22 октября 1721 г. состоялась инициированная Сенатом церемония поднесения царю титула «Петра Великого, Отца Отечества и Императора Всероссийского». Церемония проходила в Троицком соборе. После интронизации состоялся торжественный молебен, по окончании которого Феофан Прокопович произнес хвалебную проповедь в честь подписания мира, а старейший из сенаторов и канцлер Гавриил Иванович

[3] Ефимок – русское обозначение западноевропейского серебряного талера, бывшее в употреблении до середины XVIII столетия.

Головкин произнес торжественную речь, в которой подчеркнул роль Петра в том, что «мы, ваши верные подданные из тьмы неведения на театр славы всего света и тако рещи из небытия в бытие произведены и в общество политичных народов присовокуплены».

Не прошло и года после победы в Северной войне, как Петр предпринял поход к Каспийскому морю. Формальным поводом для конфликта с Персией, в состав которой входили тогда прикаспийские земли, был грабеж русского торгового каравана в азербайджанском городе Шемахе и понесенный убыток в 500 000 рублей. Однако, были и другие более далеко идущие расчеты. Петр предполагал, овладев Каспием, проложить торговый путь из Центральной Азии и Индии в Европу через Россию, что весьма полезно было бы для российских купцов и вообще для обогащения Российской империи. Путь должен был проходить по территории Индии, Персии, оттуда в русский форт на реке Куре, потом через Грузию в Астрахань, откуда планировалось товары развозить по территории всей Российской империи.

План этот вынашивался давно и целям подготовки его реализации служила посылка в 1716 г. в Среднюю Азию русской экспедиции в составе 5000 человек во главе с князем Бековичем-Черкасским. Перед экспедицией была поставлена задача склонить хивинского хана в подданство, а бухарского эмира к дружбе с Россией; разведать торговые пути в Индию и залежи золота в низовьях Амударьи. Однако эта первая экспедиция полностью провалилась: хивинский хан сначала уговорил князя рассредоточить силы, а затем вероломно напал на отдельные отряды и уничтожил их.

На расчеты царя влияли и просьбы ряда представителей подвластного Персии армянского и грузинского населения взять их под покровительство России. В частности, об этом шла речь во время визита в Россию известного деятеля армянского освободительного движения Исраэля Ори в 1704 г. Подобное же обращение в 1722 г. привез Петру посол карталинского (грузинского) царя Вахтанга VI.

Каспийский поход Петра I начался 18 июля 1722 г. В этот день 274 корабля начали спускаться вниз по Волге. Командовал флотом адмирал Апраксин, который хорошо себя проя-

вил в морских сражениях против Швеции. Выход в Каспийское море был осуществлен 20 июля, после чего флот продолжил движение вдоль берега.

Главной целью в начале похода был город Дербент. Именно туда двигались корабли, а также пехота. Основу армии составляли регулярные русские войска: 22 000 человек пехоты, около 9 000 сабель кавалерии, 5 000 матросов на кораблях. В походе также принимали участие нерегулярные войска: калмыки, казаки, кабардинцы, татары. Первое сражение состоялось 19 августа вблизи городка Утемыш. Русским войскам удалось отбить атаку султана Магмуда. В это же время кумыкский шах Адиль-Гирей, который выступил в союзе с Петром, захватил Дербент. Русские войска вошли в город 23 августа без существенных потерь и фактически без боев. Дальнейшее продвижение армии на юг было остановлено, поскольку флот, который осуществлял доставку провизии, в результате бури разметало по морю. После этого царь покинул армию и направился в Астрахань для подготовки к военным действиям 1723 г. Так был завершен первый этап Персидского похода Петра I.

В компании 1723 г. Петр I активного участия не принимал. Армией командовал генерал М. А. Матюшкин. Войска начали выдвигаться 20 июня в направлении Баку и достигли города 6 июля. Началась осада, поскольку требование Матюшкина сдаться горожане отвергли. Параллельно шла подготовка к штурму. 21 июля 4 батальонами и двумя полевыми орудиями русские отбили вылазку осажденных. Тем временем русский флот, вставший на якорях перед городской стеной, открыл плотный огонь из корабельных орудий, уничтожая крепостную артиллерию и проделывая бреши в стене. Штурм был назначен на 25 июля. Предполагалось, что основной удар следует нанести с моря, поскольку там уже имелись проломы и бреши в стенах, что можно было успешно использовать. Однако, из-за поднявшегося накануне сильного шквалистого ветра штурм был отменен. Тем не менее уже 26 июля 1723 г. Баку капитулировал без боя. Это был большой успех для России и гигантский удар для Персии, которая стала искать возможности для заключения мира.

12 сентября 1723 г. Персидский поход Петра I был официально завершен. В этот день в Петербурге представители Пер-

сии подписывали мирный договор с Россией. В истории этот документ называется Персидским миром 1723 г., а по его результатам к России отошли: Баку, Дербент, Решт и другие населенные пункты вдоль южного побережья Каспийского моря. В планах царя было продвижение дальше на юг Каспия, чтобы не дать возможности расширения Османской империи. Однако сделать это не удалось. Летом 1723 г. началось турецкое вторжение в Закавказье, опустошившее Грузию, Армению и западную часть современного Азербайджана. В 1724 г. с Портой был заключен Константинопольский договор, по которому султан признал приобретения России в Прикаспии, а Россия – права султана на Западное Закавказье.

В заключение нам необходимо обсудить еще одно направление внешней политики России первой четверти XVIII века. Это – русско-китайские отношения. Помнится, мы оставили их в 1689 г., когда был подписан Нерчинский договор между Россией и Китаем, впервые в истории делимитирующий русско-китайскую границу. Кстати говоря, это был первый договор Поднебесной с европейской страной. Его реализация положительно сказалась на росте товарооборота между двумя странами. Россия становилась главным поставщиком для Китая сибирской пушнины. Из Китая в Россию везли шелк, корень ревеня, табак, драгоценные металлы и камни. Поскольку эти товары давали крупные поступления в бюджет, они являлись предметом государственной монополии. В 1706 г. по указу Петра подобная же монополия была объявлена и на поставку пушнины в Китай. Основные торговые пути в Поднебесную проходили по Забайкалью через город Селенгинск, а затем по территории Монголии.

Эти обоюдовыгодные торговые и политические связи подверглись испытанию в конце второго десятилетия XVIII в. Упрочив свое влияние в Монголии, китайские власти предложили России установить русско-монгольскую границу, которая не была определена нерчинским соглашением. А чтобы побудить русскую сторону к действию, китайские власти отказались в 1717 и 1718 гг. пропускать русские караваны в Китай и запретили продавать русские товары в Пекине. Чтобы разрешить эти вопросы, в Китай было направлено посольство во главе с известным русским дипломатом Л. Измайловым.

Посольство прибыло в Пекин в ноябре 1720 г. и вело переговоры в течение четырех месяцев (из них 55 дней ушло лишь на торжественные приемы и церемонии). При всем том, что миссия была благосклонно принята китайскими властями, а император принял богатые подарки русского царя, эффект от них был ничтожен. Китайскую сторону интересовали прежде всего поставленные вопросы размежевания русско-монгольской границы, а Измайлов имел полномочия вести разговор лишь о проблеме возобновления торгового обмена между двумя странами.

Ситуация в русско-китайских отношениях изменилась лишь в 1723 г., когда после смерти императора Канси престол унаследовал его племянник, молодой Юнчжен, который проявил инициативу в деле возобновления контактов с Россией. По его предложению 14 июня 1724 г. в Селенгинске начались русско-китайские переговоры. Китайскую делегацию возглавлял двоюродный брат нового императора. От имени России переговоры вел посол Лоренц Ланг. Китайская сторона предложила заключить всеобъемлющий («вечный») мир между двумя странами и с этой целью пригласила Ланга прибыть в Пекин для дальнейших переговоров. Работа над соглашением завершилась в 1727 г., уже после смерти Петра, подписанием Кяхтинского договора (по названию реки Кяхты, где состоялась церемония). Россия согласилась перенести центр русско-китайской торговли из Селенгинска в Нерчинск и на Кяхту. Ратификация договора (14 июля 1728 г.) и вступление его в силу благоприятно сказались на дальнейшем развитии русско-китайских торговых и политических контактов.

Литература

Бобылев В. С. Внешняя политика России эпохи Петра I. – М.: РУДН, 1990.

Буганов В. И. Петр Великий и его время. – М.: Наука, 1989.

Кротов П. А. Гангутская баталия 1714 года. – СПб.: Лики России, 1996.

Лебедев А. А. К походу и бою готовы? Боевые возможности корабельных эскадр русского парусного флота XVIII – сер. XIX вв. – СПб., 2015.

Лысцов В. П. Персидский поход Петра I: 1722-1723. – М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1951.

Павленко Н. И., Артамонов В. А. 27 июня 1709. – М.: Молодая гвардия, 1989.

Павленко Н. И. Петр Великий. – М.: Мысль, 1990.

Петр Великий: *pro et contra*. – СПб.: РХГИ, 2003.

Ростунов И. И., Авдеев В. А., Осипова М. Н., Соколов Ю. Ф. История Северной войны 1700-1721 гг. – М.: Наука, 1987.

Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. – М.: Наука, 1984.

Русско-китайские отношения. 1689-1916. Официальные документы. – М.: Изд-во восточной литературы, 1958.

Тарле Е. Русский флот и внешняя политика Петра I. – СПб.: БРАСК, 1994.

Тарле Е. Северная война и шведское нашествие на Россию. В кн: Сочинения. – М.: Изд-во АН СССР, 1959.

РЕФОРМЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

ОПОРНЫЕ ДАТЫ:

1696	Создание русского флота
1700 1 января	Введение в России Юлианского календаря
1701	Основание школы математических и навигацких наук (школа Пушкарского приказа) в Москве
1703	Начало издания газеты «Ведомости»
1705	Введение рекрутской повинности
1705 – 1706	Восстание в Астрахани
1705 – 1711	Восстание в Башкирии
1707 – 1708	Восстание на Дону
1707	Открытие первой в России медицинской школы (московская госпитальная школа)
1708	Начало проведения губернской (областной) реформы
1708	Введение гражданского типографского шрифта
1710	Указ об официальном введении русского гражданского алфавита вместо церковнославянского
1711	Учреждение Правительствующего сената
1714	Указ о единонаследии
1714	Основание первого музея России – Кунсткамеры в Санкт-Петербурге

1714	Создание в Санкт-Петербурге первой государственной публичной библиотеки
1716	Введение Воинского устава Петра I
1718 – 1722	Учреждение коллегий
1718 – 1724	Проведение подушной переписи населения и введение подушной подати
1718	Указ Петра I об ассамблеях
1719	Объявление Берг-привилегии
1720	Учреждение Главного магистрата
1720	Введение Морского устава
1721	Указ о посессионных крестьянах
1721	Учреждение Святейшего правительствующего синода
1721	Издание «Духовного регламента»
1721	Принятие Петром титула Императора
1722	Издание Табели о рангах
1722	Указ о престолонаследии
1722	Учреждение должности генерал-прокурора Сената
1724	Введение в действие нового (протекционистского) таможенного тарифа
1724	Создание Академии наук

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ТЕРМИНЫ:

абсолютизм; ассамблеи; Балтийский доминант; Берг-привилегия; Главный магистрат; Генеральный регламент; Духовный регламент; индельта; коллегии; подушная подать; посессионные крестьяне; Правительствующий сенат; протекционизм; ревизские сказки; рекрут; рекрутский набор; Святейший синод; Табель о рангах; фискалы и обер-фискалы.

Мы с вами остановились на том очевидном обстоятельстве, что благодаря победе в длившейся более двадцати лет изнурительной Северной войне Россия приобрела выход к

морю, стала империей и вошла в состав великих европейских держав, которые вот уже четвертое столетие определяют важнейшие вопросы войны и мира на континенте, да и далеко за его пределами.

Сегодня является общепризнанным фактом, что противостояние в любой войне является не только противоборством армий и их генералов, но противостоянием политических, экономических и социальных систем воюющих сторон. Поэтому логично предположить, что отнюдь не только и не столько стойкость русского солдата решила исход Северной войны. Ее предопределили те масштабные экономические, социальные и политические изменения, которые проводились Петром Великим внутри страны в ходе войны и которые, говоря современным политическим языком, сначала сравняли военно-политические потенциалы России и Швеции, а затем и позволили одержать победу. И в этом смысле фигура Петра Великого стала знаковой для русской историографии и общественной мысли вообще, а его деятельность по реформированию страны по сей день вызывает крайне противоречивые оценки от полной апологетики до резкой критики. Правление царя-реформатора как бы разделило русскую историю надвое. Если, по общему убеждению наших современников, допетровская Россия всецело ассоциируется со средневековьем, то все, что произошло в правление Петра и после него – новым временем. Поэтому в рамках одной темы нам придется затронуть несколько групп вопросов: во-первых, разобраться в том, насколько реформы были необходимы исходя из того социально-экономического положения, в котором Россия пребывала к моменту царствования, и тех задач, которые ставились перед страной Петром; во-вторых, изложить ход и основные результаты реформ Петра и, наконец, разобраться, как эволюционировали оценки его реформаторской деятельности в историографии и общественно-политическом дискурсе.

Помнится, когда мы обсуждали экономические мероприятия русского правительства при царях Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче, я положительно характеризовал меры по реформе армии, военно-окружной реформе, отмене местничества, созданию первого русского высшего учебного заведения, организации в стране железоделательного и металло-

обрабатывающих производств и пр. И не отказываюсь от этих слов сейчас. С точки зрения ретроспективы и сравнения того, что было до того и что стало – это очевидный прогресс. Однако, оценка эта кардинально изменится, если сравнивать все эти вещи с уровнем развития петровских противников и тех задач, которые ставил перед собой царь.

Посудите сами. После того, как русская внешняя политика на рубеже XVII – XVIII вв. была переориентирована с Азова на Балтику, перед страной во весь рост встала перспектива вооруженного противостояния со Швецией. К моменту смерти короля Карла XI в 1697 г. эта страна пребывала на пике своего могущества. Она была влиятельным игроком на международной арене, владела колоссальной территорией (900 тыс. кв. км, на которых проживало 3 млн человек), обладала боеспособной регулярной армией (60 тыс. человек) и передовым флотом (42 линейных корабля и 12 фрегатов). В ходе ряда войн с соседями в первой половине XVII в. Швеция достигла своей давней заветной цели – утвердила за собой господство на Балтике, превратив ее по сути во внутреннее шведское море (так называемый «Балтийский доминант»).

Это стало возможным после существенных реформ в военном деле, проведенных еще королем Густавом Адольфом и продолженных в правление Карла XI. Со времен Тридцатилетней войны шведская армия комплектовалась на основе рекрутской повинности в основном из крестьян. В 1680 г. эта система была дополнена так называемой «молодой индельтой», суть которой заключалась в дополнении периодических рекрутских наборов постоянной повинностью крестьян содержать личный состав королевского войска. Группа крестьянских дворов, составлявшая индельту, обязывалась выставлять одного солдата или содержать офицера. Индельта выделяла солдату обмундирование, а при необходимости участок земли, дом, продукты питания. Солдаты, набранные индельтами одного лена (губернии), сводились в полк, носивший его название (например, Упсальский, Выборгский и пр.). Офицеры и унтер-офицеры проживали в специально построенных для них домах в той местности, где расквартировывался их полк, и содержались так же за счет закрепленных за ними крестьянских дворов.

Важным обстоятельством, способствующим росту боеспособности шведской армии, была высокая воинская дисциплина, поддерживающаяся, зачастую, жестокими методами (в шведской армии первой в Европе в качестве наказания было введено битье шпицрутенами), единообразное вооружение и обмундирование, обеспечивавшееся государством. Я не буду вдаваться в детали тактических построений и приемов, а также в новации ведения боя таких полководцев, как Густав-Адольф, Валленштейн, Тилли. Скажу лишь, что все это привело к формированию той победоносной регулярной шведской армии, с которой пришлось воевать Петру.

В течение XVII столетия, и особенно во второй его половине, Шведское королевство достигло серьезных успехов в области промышленности и торговли. В стране усиленно развивалась металлургия, высокого уровня достигло судостроение. Швеция заняла первое место в Европе по производству железа и меди. Это в значительной степени обеспечило успехи в металлообработке: армию надо было снабжать и вооружать всем необходимым. Большое количество металла вывозилось и за границу. Важными статьями шведского экспорта были смола и деготь, а также строевой лес, древесный уголь, пушнина, рыба. Большое значение в шведском хозяйстве имели леса. Они давали топливо для выплавки металла и служили сырьем для бумагоделательной промышленности.

С 60-х годов XVII в. шведское правительство настойчиво проводило в жизнь политику меркантилизма. Были введены многочисленные покровительственные пошлины, оказывалось содействие росту торгового судоходства. В целях финансирования внешней торговли и промышленности в 1668 г. был учрежден Государственный банк. В итоге страна имела устойчивые торговые связи с Англией, Францией, Голландией, Данией, Германией, Польшей, Россией.

Во всех перечисленных сферах Россия плелась в хвосте всей Европы. Мы говорили как-то о том, что в XVIII в. страна вступила, имея всего 25 мануфактур, из них от силы две-три специализировались в области выплавки железа и дальнейшей металлообработки. Они явно не могли составить конкуренцию шведской промышленности. Железо везли в огромных количествах с Запада, точнее говоря, из той же Швеции. Соб-

ственные запасы руд были незначительны или еще не разведаны. В России не добывали даже серебро – ввозили с Запада расхожие во всей Западной Европе талеры (ефимки), затем на них выбивали российский герб и в таком виде пускали в оборот.

Общероссийский рынок в современном понимании этого слова все еще отсутствовал, но признаки его появления уже чувствовались: началась специализация районов и развивалась ярмарочная торговля, однако все это не соответствовало потребностям, проистекавшим из замыслов царя. Внешняя торговля продолжала находиться в руках иностранцев. В страну ввозили самые разные товары, а вывозили исключительно сырье. Судостроения не было вовсе, а вместе с этим отсутствовал и флот. Единственный, построенный голландскими мастерами в царствование Алексея Михайловича, корабль «Орел» на Волге так никогда и не отвалился от причальной стенки и был сожжен разинцами в Астрахани в 1670 г. К тому же страна не имела полноценного выхода к морю. Фактически у России был только один порт – в Архангельске, который работал только в течение летних месяцев, когда караваны голландских, гамбургских, английских торговых судов, преодолев опасный путь вокруг Скандинавии, добирались туда. Лишь тогда город, собственно, и превращался в порт. Для иностранных купцов это был не менее опасный переход, чем какая-нибудь торговая экспедиция в Индонезию. Словом, страна задыхалась без выхода к морю, без порта, доступного большую часть года.

Многочисленные нестроения имелись и в военном деле. Несмотря на то, что все русские цари после окончания Смуты пытались перенять разного рода военные технологии и усовершенствовать военный строй (включая найм иностранных офицеров и создание по образцу европейских армий «полков иноземного строя»), результаты были не столь впечатляющими, как хотелось бы. Десятилетиями длилось противостояние русской армии с войсками основного геополитического конкурента России в то время – Речи Посполитой. По мнению западноевропейских наблюдателей польская армия в XVII в. считалась самой архаичной в Европе. И ведь дважды – в 1634 г. и 1659 г. – русские войска капитулировали перед ней вместе

со своими главнокомандующими, воеводами, знаменами, литаврами и пушками! Не лучше обстояло дело и в отражении нападений другого извечного врага – крымского хана. Со времен малоуспешных Чигиринских походов 1674 -1678 гг. стало ясно, что русская армия теряет боеспособность и как будто фатально обречена на неудачи. Крымские походы 1687 г. и 1689 г. это подтвердили, а попытки правительства царевны Софьи что-либо изменить, к успеху не привели. Существует такой позорный, а потому малоизвестный факт. Не имея возможности оградиться от нападений крымцев с помощью оружия, русское правительство до 1704 г., по сути, откупалось от этой напасти, уплачивая крымскому хану выкуп («тыш»). Из собственного вооружения известных успехов достигло лишь изготовление артиллерийских орудий. Да и то, в ходе ревизии «Большого государева наряда» (артиллерийского арсенала), которую провел Петр после поражения под Нарвой, чуть ли не две трети этих пушек были отправлены в переплавку. Все остальное, включая мушкеты, пистоли и палаши, закупалось за границей.

Причиной подобного положения дел был глубокий упадок заложенного в основу русской армии еще реформами Ивана Грозного принципа наделения служилых людей поместьями в качестве условного владения – как натуральной оплаты за их службу. Теоретически, пока эти люди служили в армии, поместья оставались за ними, но, когда несение службы прекращалось, земля изымалась. Весь XVII в. всеми правдами и неправдами наши дворяне стремились превратить поместья в вотчины, т.е. перевести эту землю в свою родовую неотчуждаемую собственность. И кому-то это удавалось. Но к концу XVII в., как говорится, количество перешло в качество. Это приводило к незаинтересованности помещика служить «с земли» и вело к распаду традиционной системы службы, основанной на иерархии поместных окладов. А если к этому добавить уже упоминавшийся нами ранее факт «обрастания» другой части русской армии – стрельцов – имуществом и «бизнесами», которыми они занимались в свободное от службы время, что снижало их боеготовность, то картина окажется еще более удручающей. Таким образом, в основе военного кризиса лежал серьезнейший социальный кризис – недееспособной ока-

залась не только армия, но и вся система служилых чинов, которые, собственно, эту армию и составляли. У Петра даже не было необходимости разрушать старую чиновную систему – к концу XVII в. она окончательно выродилась и быстро распадалась.

Эти проблемы гармонично дополнялись и общим состоянием государственных структур. Архаичная Боярская дума, состоящая из напыщенных представителей древних родов, многочисленной царской родни и ее клиентелы в лице думных дворян и дьяков, мало что решала. Всем заправляли фавориты – «ближние люди» царя, чье влияние было обусловлено чем угодно, но не их деловыми качествами, а где кончалось их радение за собственный карман и начиналось радение за благо государства, и сегодня установить очень трудно. Исполнительная власть была сосредоточена в десятках центральных учреждений – приказов с их расплывчатыми, пересекающимися компетенциями и примитивным делопроизводством. Государство жило не просто без бюджета, но даже без примитивной сметы текущих доходов и расходов, «на глазок». Не лучше обстояло дело и с местной властью. Россия делилась на огромные, величиной в среднюю европейскую страну, уезды, во главе которых сидели воеводы – сохранившие много преемственных черт от былых удельных князьков, целью которых являлось опять же преимущественно личное обогащение. Все это неповоротливое государственное хозяйство было не в состоянии ни производить идеи, ни реализовывать что-либо стоящее на практике.

Россия, конечно же, считалась европейской страной. Однако в преамбуле Вестфальского мирного договора, завершившего в 1648 г. общеевропейскую Тридцатилетнюю войну и закрепившего на бумаге своего рода первую общеевропейскую систему коллективной безопасности, Россия была упомянута в конце списка европейских стран, наряду с Молдавией и Валахией – в то время турецкими вассалами. И в этом, судя по всему, была изрядная доля истины.

Одним словом, вставая на путь конфронтации со Швецией, Петр не мог не понимать необходимости радикальных перемен. Какими должны были быть эти перемены, он мог лично наблюдать в ходе Великого посольства. Однако, судя по все-

му, единого плана реализации реформ у него не было. Более того, втянувшись в войну, царь, по всей вероятности, действовал реактивно, отвечая на насущные запросы момента. Требовался флот – он строил корабли, требовалось пополнение армии – вводил рекрутскую повинность и строил заводы для необходимого ее вооружения и т.д. По крайней мере, наблюдая простую хронологическую последовательность проводимых реформ, трудно уловить какую-то строгую систему и разбить ее на этапы. Этот пазл складывался на протяжении всего царствования Петра, а осознан и оценен гораздо позже. Что не скажешь о непосредственных результатах правления, которые современникам были более чем очевидны. Поэтому попробуем рассмотреть петровские реформы через предметно-ориентированный подход: что было сделано в тех или иных областях жизни.

Итак, начнем с **реформ армии и флота**. Строго говоря, решение о создании русского флота было принято Петром еще в 1696 г., когда после взятия Азова Боярская дума приняла историческое постановление о начале строительства флота на Азовском море. Годом позже стрелецкие полки, являвшиеся основой армии, были расформированы, а впоследствии вовсе упразднены. Они оказались не готовы к ведению постоянных боевых действий. К тому же стрелецкие бунты подрывали доверие к ним царя. Вместо стрельцов в 1699 г. были сформированы три новых полка, которые укомплектовывались за счет также распущенных полков иноземного строя и рекрутов. Знаменитый петровский указ о наборе «даточных людей» в пожизненную службу от 16 ноября 1699 г. положил начало созданию новой русской регулярной армии на основе рекрутской повинности.

Новый принцип комплектования армии предусматривал сложную систему набора: дворяне, находящиеся на государственной или военной службе, выставляли одного человека с каждых 50 крестьянских дворов своего поместья, не занятые на службе дворяне давали одного человека с 30 дворов, а церковь и монастыри – одного с 25 дворов. При этом указ прямо запрещал записывать в солдаты крестьян «с пашни» – чтобы не затронуть основы экономики. В армию пока набирали лишь слуг, ремесленников и прочих крепостных работников «непро-

изводственного» сектора. По всей России по этому указу набрали в армию 31 692 человек. И первые пять лет начавшейся войны со Швецией, даже несмотря на поражение под Нарвой, царь обходился этими солдатами. Лишь в 1704 г. для вновь созданного флота объявили набор среди ямщиков – по одному рекруту «с двух жилых ямщицких дворов». Фактически царь тогда отправил в матросы половину молодежи из этой профессиональной группы (ямщики, много ездившие по России, считались более развитыми и толковыми, чем обычные крестьяне и даже горожане).

В 1705 г. в связи с возросшими потерями на фронте все вышеперечисленные ограничения были сняты и вне зависимости от владельца крестьян было предписано забирать в солдатскую службу одного человека с 20 крестьянских дворов. Тогда же в официальных русских документах появился термин «рекрут», а набор 1705 г. стал считаться первым регулярным рекрутским набором в России.

Обученные и вымуштрованные солдаты этого набора, собственно говоря, и одержали знаменитые победы в Северной войне: под Лесной и под Полтавой.

После того как Прибалтика была окончательно занята русскими войсками, надобность в таком большом наборе солдат отпала, и норма один рекрут с 20 крестьянских дворов более не применялась. Следующие пять «номерных» наборов в разные годы варьировались с одного человека от 25 дворов, до 40-50 и даже 75 дворов. В итоге к концу правления Петра численность русской армии составила около 200 000 человек и еще 100 000 нерегулярных, в основном конных, формирований (казаки, калмыки, башкиры и пр.).

Как известно, регламентация военной и военно-морской службы была детально прописана царем в собственноручно подготовленных Воинском (1716 г.) и Морском (1720 г) уставах. Оба документа определяли организацию и порядок несения военной службы, правила взаимоотношений военнослужащих, систему воинских чинов, а также имели дисциплинарные разделы, регламентирующие наказания за проступки, совершенные военнослужащими.

Костяк офицерства должны были составить дворяне. Они также обязаны были служить в армии пожизненно. В 1701 г. в

Москве в помещении Сухаревой башни была открыта первая школа, призванная готовить командиров для создаваемой армии. Это была Школа навигацких и математических наук.

Стремясь принудить дворян к обязательной государственной (в первую очередь, военной) службе, в 1714 г. Петр своим Указом о единонаследии разрешил наследовать имение отца лишь старшему из дворянских детей. Остальные отпрыски благородных фамилий для получения земельных владений и поместий обязаны были поступать на службу. Одновременно с этим, данный указ упразднял разницу между *поместьем* (условным владением) и *вотчиной* (наследственным владением), что на практике приводило к консолидации правящего класса в рамках единого сословия служилого дворянства.

Наконец, важным документом, регламентирующим условия и порядок прохождения государственной (в т.ч. военной) службы стал принятый в 1722 г. знаменитый Табель о рангах. В этом документе государственная служба была разделена на три вида: военная, гражданская и придворная. Каждая из этих отраслей управления была поделена на 14 рангов. Предполагалось, что, вступая в государственную службу, чиновники должны будут последовательно проходить все ступени этой служебной лестницы. Чем выше ранг, тем больше привилегий имел чиновник. Так, начиная с 12 ранга (прапорщик, коллежский асессор, камер-юнкер), он получал личное, а начиная с 8 ранга (полковник, статский советник, камергер), и потомственное дворянство. Рассматриваемый нами документ допускал также внеочередное получение чина, учитывая личные заслуги получателя.

Главное значение Табеля о рангах 1722 г. состояло в том, что теперь продвижение по службе больше не зависело исключительно от знатности рода. Выслуга лет и личные заслуги человека стали цениться выше, чем родовитость его родителей, а это полностью меняло привычный карьерный уклад, принятый на Руси. Теперь добиться успехов мог не только знатный человек, но и простолюдин, а его дети имели возможность в дальнейшем получить дворянский титул. Дворяне стали делиться на потомственных (знатные роды) и личных (те, кто дослужился до дворянского титула).

Но, как мы уже говорили выше, создаваемую армию требовалось одевать, вооружать и снабжать всем необходимым.

И здесь происходили самые очевидные **перемены в области промышленности, сельского хозяйства и торговли**. Для достижения этой цели Петру приходилось не просто открывать новые заводы и фабрики, но зачастую основывать в России целые отрасли хозяйства. Так, например, полотняное, шелкоткацкое, писчебумажное производство появилось в нашей стране только в период Северной войны. То же можно сказать о судостроении, геологоразведке, лесном хозяйстве и пр. К 1725 г. общее количество заводов и мануфактур выросло с 30 до 250. Развивая старые и открывая новые заводы, царь стремился перенести в свою страну лучшие производственные практики. С 1702 г. в Европе начался массовый набор иностранных специалистов для работы в России. Это были офицеры, ученые, ремесленники, инженеры. В условия их контрактов включалось требование «учить русских людей без всякой скрытости и прилежно». Вслед за специалистами импортировались и организационно-технологические формы.

Быстрыми темпами росло металлургическое производство, изготовление оружия и всего необходимого для военных нужд. К старым Олонецким металлургическим заводам добавились новые крупные производства на Урале. Это Невьянский, Каменский, Уктусский, Нижнетагильский, Алапаевский заводы. А модернизированные и открытые в Европейской части страны Тульский и Сестрорецкий оружейные заводы, Адмиралтейская верфь, Петербургский литейный двор, Хамовный, Канатный, Московский суконный, Портупейный и Шляпный дворы, суконные мануфактуры в Воронеже, Казани и Ярославле смогли вооружить и экипировать армию, оснастить всем необходимым флот.

Не довольствуясь государственными вложениями в промышленность, царь предпринял попытку использовать в этом направлении и частную инициативу. В 1719 г. была опубликована Берг-привилегия, которая позволяла всем жителям страны невозбранно заниматься поисками полезных ископаемых и, с разрешения Берг-коллегии, основывать и развивать производство на базе найденных месторождений. Ряд известных русских купеческих фамилий: Демидовы, Осокины, Баташевы, Мясниковы и др. сумели воспользоваться этим нововведением и, создав новые производства, сколотили громадные состояния.

Рост промышленности требовал новых рабочих рук, которых в крепостной стране, каковой была Россия, найти было трудно. Поэтому на заводы в принудительном порядке отправляли каторжников, «гулящих людей», раскольников, беглых крестьян и пр. Однако, эти категории населения не могли восполнить кадрового голода. В 1721 г. последовал указ, разрешавший владельцам заводов подкупать крепостных крестьян и переселять их на заводы. Таких «рабочих» стали называть посессионными крестьянами. Кроме того, на Урале, в Карелии, в Олонецкой земле, где нехватка рабочих рук при строительстве новых предприятий ощущалась более всего, было разрешено приписывать крепостных крестьян к заводам. Такие крестьяне продолжали обрабатывать свой надел, но государственные подати (если крестьяне были государственными) или барщину (для частновладельческих крестьян) они отрабатывали на предприятиях, к которым были приписаны. Ко всему сказанному выше, следует добавить, что специальным указом 1724 г. крестьянам запрещалось уходить от помещиков на заработки без их на то письменного разрешения. Считается, что этот указ положил начало российской паспортной системе, но я бы в этой связи отметил другое.

Таким образом, внедрение прогрессивных технологических и технических инноваций в нашей стране в петровскую эпоху, сталкиваясь с традицией феодальной организации труда, не упраздняло ее, а формировало еще более изощренные способы феодальной эксплуатации и демонстрировало слияние новой в технологическом плане русской фабрики с методами хозяйствования старой феодальной вотчины. Не случайно в перечне петровских преобразований мы не найдем ни одной новации, которая хоть каким-то образом подвергала сомнению крепостную основу организации труда в России. Кстати говоря, большинство купцов, поднявшихся и сделавших состояние на петровской индустриализации, в конце концов получили дворянские звания и соответствующие им сословные привилегии. Потому что именно эти привилегии позволяли им проще и быстрее решать насущные вопросы ведения бизнеса (покупку рабочей силы, получение кредита, сбыт продукции и пр.)

В отличие от промышленности, изменения в сельском хозяйстве были менее разительны. Продолжилось освоение

новых земель на юге страны, в Поволжье и Сибири. Расширялись посевы технических культур (льна, конопли, табака, винограда и пр.). Разводились более продуктивные породы скота (овцы-мериносы). Коневодство окончательно превратилось в отдельную отрасль сельского хозяйства, снабжавшую армию лошадьми. Были ввезены и акклиматизированы к местным условиям новые сельскохозяйственные культуры (томаты, картофель, подсолнечник и пр.).

Петр пытался стимулировать развитие внутренней торговли созданием новых транспортных путей, прежде всего водных. Были задуманы и осуществлены планы строительства каналов, соединявших Неву с Волгой (Вышневолоцкий и Ладожский каналы); начато строительство каналов между Москвой и Волгой, а также между Доном и Волгой. Однако из-за недостатка средств эти планы осуществить не удалось.

Получение Россией выхода к морю и строительство Санкт-Петербурга способствовало оживлению и внешней торговли. К концу петровского правления в столичном порту разгружались и брали товары на борт 400-500 кораблей ежегодно. В целях поощрения русского экспорта и развития внешней торговли в 1724 г. был введен в действие новый таможенный тариф, поощрявший вывоз за границу русских товаров. К 1726 г. экспорт превышал импорт во внешнеторговом балансе страны в два раза.

Приводя эти, довольно позитивные, цифры развития промышленности и торговли, я бы не хотел вводить кого-либо в заблуждение. Реформы проводились не для улучшения благосостояния народа (как мотивируются официальной пропагандой изменения в нашей повседневной жизни ныне), а для решения сверхзадачи – выхода к морю с помощью военных действий. Поэтому именно государство было в рассматриваемую эпоху и инициатором реформ, и крупнейшим предпринимателем, и торговцем. Промышленникам директивно определялись суммы капиталовложений, ассортимент выпускаемых товаров и объем его производства. Государство же выступало и главным покупателем этой продукции (по устанавливаемым им же ценам). Несоблюдение предписанных условий могло вести к очень печальным последствиям, особенно для частных владельцев.

В наиболее тяжелые годы Северной войны, государство вдобавок объявляло монополию на производство или торговлю определенными видами наиболее прибыльных товаров. В разное время ими были: пенька, строевой лес, железо, смола, меха, икра, соль и т.п. Часто экономически неоправданные или политически мотивированные решения властей вели к прямым убыткам для самой же казны. В качестве примера можно назвать указы царя, запрещавшие в разгар Северной войны вывоз экспортных товаров через традиционные пути их перемещения: порты Риги и Архангельска в пользу Санкт-Петербурга. Столица Российской империи мало того, что только строилась, так еще и была блокирована с моря шведским флотом. В этих условиях нарушение прежних хозяйственных связей вкупе с невозможностью наладить нормальный экспорт из Санкт-Петербурга приводили к прямым финансовым издержкам.

Та самая колоссальная помощь государства, которая в краткосрочной перспективе обеспечила достижение страной поставленных Петром внешнеполитических целей, в долгосрочной перспективе оказала русской промышленности и торговле медвежью услугу. Жесткие условия владения и пользования предприятиями, регламентация производства и сбыта не способствовали их самостоятельному развитию. Стопроцентный государственный заказ, с одной стороны, упрощал дело – промышленник знал, что казна скупит весь произведенный им продукт и не надо думать о рынке, конкуренции, модернизации и ценах. Ведь на все есть инструкции из Мануфактур-… или Берг-коллегии (главное – не провалить заказ, а то пойдешь с сумой по дороге). С другой стороны, заводчик при всем его желании не имел возможности развивать свое дело, если на это не было государевой воли. В сущности, он был полукрепостным предпринимателем, жестко привязанным к государственной телеге.

Неизбежным итогом такой индустриализации стало низкое качество русских товаров, их неконкурентоспособность на европейском рынке. На Запад шло преимущественно русское сырье или полуфабрикаты: железо, пенька, сало, мед, зерно. В этом-то парадоксальный результат экономических преобразований Петра: активно поощряя развитие промышленности,

он невольно воспрепятствовал ее естественному переходу к капиталистическим формам производства и естественному совершенствованию в условиях рынка.

Существенные изменения произошли **в налогообложении и финансах**. Рост военных расходов, инвестиции в промышленность и другие насущные траты поглощали все больше денег и привели к существенному изменению всей системы налогообложения. В 1718-1724 гг. была проведена подушная перепись населения, которая зафиксировала в стране 5,6 млн. душ мужского пола. Именно «душа мужского пола» вместо крестьянского двора и была объявлена основной единицей налогообложения. Все мужское население от дряхлых стариков до новорожденных младенцев записывалось в «ревизские сказки» и обязано было платить денежный налог – подушную подать: 74 копейки с каждого крепостного мужского пола из владельческих крестьян, 1 рубль 14 копеек с государственных крестьян.

Жители городов, составлявшие 3% населения страны, также были прикреплены к месту уплаты подушной подати. Все ремесленники были обязаны жить в городах и записаться в цехи. Городских налогоплательщиков разделили на две категории по степени их платежеспособности: на «регулярных» и «нерегулярных» граждан. В «регулярные» записывали купцов, промышленников и ремесленников, а также мещан, обладавших недвижимостью в городе; в «нерегулярные» – «обретавшихся в наймах и черных работах и иных «подлых людишек». Размер их подушевого оклада был определен в 1 рубль 20 копеек. Сбор налогов, а также судопроизводство и городское благоустройство было возложено на новые органы управления – магистраты, для руководства которыми в 1721 г. был создан Главный магистрат. Новая налоговая система принесла в казну доход в 8,5 млн. рублей, однако же не покрыла всех расходов, оценивавшихся в 9 млн.

Дефицит бюджета погашался за счет новых нерегулярных налогов, над созданием которых непрестанно работали специальные царские «прибыльщики». Помимо уже упоминавшегося нами ранее налога на бороды, появились новые денежные повинности: драгунские, корабельные, банные деньги, налоги на дубовые гробы и серые глаза (!) и т.п. К этому добавлялись и натуральные повинности: работы по строительству Санкт-Пе-

тербурга (40 тыс. человек в год), рытье каналов, возведение мостов, крепостей, доставка казенных грузов и пр.

Существенную прибавку бюджет получил за счет изменений в денежном хозяйстве. В ходе проведенной Петром I в 1703-1706 гг. денежной реформы прежняя монетная система была упразднена[1]. Основой новой монетной системы стал серебряный рубль, равнявшийся 100 копейкам или 200 деньгам. Печать рублей была дополнена появлением разменной монеты: полтины (50 коп.), полуполтины (25 коп.) гривенников (10 коп.), пятаков и копеек. Были выпущены также и медные разменные деньги: денежка (0,5 коп.), полушка (0,25 коп.) и полуполушка (0,125 коп.) Таким образом, старый неразменный рубль, бывший с XV в. условной денежной единицей, использовавшейся в качестве эталона при обменных операциях, заменился наличным рублем в современном понимании этого слова. Основной же обиходной денежной единицей стала копейка. Ее название стало печататься на монетах. В целях удовлетворения потребностей бюджета в период правления Петра Великого содержание серебра в новых деньгах и вес монет несколько раз понижались, что, конечно, давало возможность напечатать лишние деньги, но в то же время вело к социальным протестам, а также росту фальшивомонетничества. Однако же в целом, предпринятые Петром I меры в монетарной политике в известной степени облегчили финансовое положение в воюющей стране.

Все вышеперечисленные меры ожидаемо дополнялись **реформами в системе государственного управления**. Если до Полтавской битвы в действиях Петра было очевидно желание приспособить прежнюю систему к новым задачам и реалиям, то после нее царь убедился в необходимости слома всей системы управления страной и начал осуществление полномасштабного ее переустройства.

В 1721 г. по итогам Северной войны Россия была объявлена империей, а Петр принял титул Императора. С 1699 г. царь перестал «сказывать боярство», то есть пополнять состав Боярской думы, ограничиваясь совещаниями с некоторыми боярами в так называемой Ближней канцелярии. Но это все же

[1] До описываемой реформы основу русского денежного счета составляла копейка, делившаяся на 2 деньги по 0,5 копейки.

была не Дума, а именно канцелярия. В итоге естественная убыль членов Думы постепенно привела к ее физическому исчезновению. А в 1711 г. последовал указ об учреждении Сената. В него вошли девять ближайших к Петру сановников. В перечень прерогатив нового высшего органа власти входила разработка новых законов, контроль за финансами, координация деятельности администрации. Сенат должен был замещать императора во время отлучек или ведения боевых действий, а к концу правления Петра этот орган получил широкие судебные полномочия. Руководство деятельностью Сената с 1722 г. было возложено на генерал-прокурора, которого Петр называл «оком государевым». Первым обер-прокурором стал П. И. Ягужинский. Сенаторы были приведены к присяге, составленной лично императором.

Один из последних пунктов указа об учреждении Сената содержал положение о введении в России института *фискалов* – тайных правительственных агентов, обязанных доносить о всех финансовых, административных и иных нарушениях во вновь создаваемом государственном аппарате как в центре, так и на местах. Свои доносы фискалы обязаны были представлять по инстанции *обер-фискалам,* в обязанность которых входило фильтровать эту информацию. Руководство же деятельностью обер-фискалов и общий надзор за этой первой русской системой государственного контроля было поручено все тому же обер-прокурору Сената.

Интересно, что были установлены правила, согласно которым если донос окажется правдой, то половина взысканной суммы штрафа передавалась в казну, а другая – оставалась в качестве премии обер-фискалу за хорошую службу. Но фискалу ничего не грозило в случае передачи ложных сведений. Это приводило к многочисленным злоупотреблениям доносителями своим служебным положением, но с другой стороны раскрыло Петру глаза на общие масштабы коррупции и воровства в стране. Известный русский историк и биограф Петра Великого Н. И. Бантыш-Каменский ссылался, к примеру, на такой факт. Как-то во время своего очередного доклада императору обер-прокурор Сената П. И. Ягужинский сообщил царю о фактах мздоимства и казнокрадства, которые касались не только рядовых чиновников, но и ряда «особ, приближенных к

императору». Речь шла прежде всего о А. Д. Меншикове. Царь был разгневан, и грозился издать специальный указ, по которому, «если кто насколько украдет, что можно купить веревку, тот, без дальнейшего следствия, повешен будет». На это Ягужинский невозмутимо ответствовал: «Подумайте, Ваше Величество, какие следствия будет иметь такой указ? Неужели вы хотите остаться императором один, без служителей и подданных? Все мы воруем, с тем только различием, что один более и приметнее, нежели другой». Как утверждает легенда, в ответ на это заявление Петр рассмеялся и отказался от идеи издания подобного распоряжения. Так бесславно провалилась одна из первых антикоррупционных кампаний в нашей стране.

Еще в 1712 г. последовали первые петровские распоряжения русским дипломатам и чиновникам собирать сведения и изучать системы центрального и местного управления Австрии, Дании, германских княжеств и даже Швеции, с которой Россия находилась в состоянии войны. Однако же, главным идеологом грядущей реформы, оказавшим большое влияние на царя, был замечательный немецкий ученый-математик и философ Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646-1716 гг.). Первая встреча Петра и Лейбница состоялась в 1711 г. в Торгау. Через год состоялась их повторная встреча в Карлсбаде. Лейбниц сопровождал царя в его поездке в Дрезден и Теплице. Петр пожаловал Лейбницу чин советника юстиции, установил жалованье (ни разу не выплаченное) и попросил его составить проект предполагаемых реформ в сфере образования, законодательства и управления. Уподобляя государство часовому механизму, Лейбниц в беседах с царем, в частности, утверждал что «опыт достаточно показал, что государство можно привести в цветущее состояние только посредством хороших коллегий, ибо, как в часах одно колесо приводится в движение другим, так и в великой государственной машине одна коллегия должна приводить в движение другую и если все устроено с точною соразмерностью, то стрелка жизни непременно будет показывать стране счастливые часы». Общение с Лейбницем подвигло царя на ряд важных начинаний и создание коллегий было первым из них.

В 1718-1721 гг. громоздкая и запутанная приказная система управления страной подверглась преобразованию на новых

принципах. Вместо полусотни приказов, чьи функции частично дублировались и пересекались, были образованы совершенно новые органы исполнительной власти, получившие название коллегий. Для них специально на Васильевском острове было возведено здание, получившее название «Двенадцати коллегий», в котором сегодня располагается Санкт-Петербургский Государственный университет. Однако поначалу было образовано всего десять подобных учреждений: Военная коллегия, Адмиралтейская коллегия, коллегия Иностранных дел, Юстиц-коллегия, Берг-коллегия, Мануфактур-коллегия и Коммерц-коллегия, а также Штатс-коллегия, Ревизион-коллегия и Камер-коллегия. Впоследствии к ним добавились Главный магистрат (о чем речь была выше) и Вотчинная коллегия. Несколько в стороне стоит образованная в 1721 г. Духовная коллегия или Святейший Правительствующий Синод, о котором мы поговорим отдельно.

Кардинальным отличием новых высших органов исполнительной власти от прежних было гораздо более четкое распределение компетенций и сфер ответственности на основании отраслевого принципа, что позволило существенно сократить их численность. В основу управленческой деятельности коллегий был принят принцип коллективного и согласованного принятия решений. В отличие от приказов, коллегии обладали единообразной структурой и штатом сотрудников, строились на четком правовом основании своей деятельности и вели единообразный документооборот.

Во главе коллегии стоял президент, который назначался непосредственно царем. Его заместитель – вице-президент также назначался царем, но по представлению Сената. Кроме президента и вице-президента в коллегию входили советники и асессоры (приблизительно по 5 человек). В структуру коллегии также входила канцелярия, которая занималась не только делопроизводством, но и осуществляла контроль за исполнением принятых решений. Коллегии работали по понедельникам, вторникам, средам и пятницам, а в четверг президенты коллегий заседали в Сенате.

Первоначально каждая из коллегий имела собственный регламент – нормативный акт, который определял структуру, состав и порядок деятельности каждого учреждения. Всего

было принято около 7 подобных регламентов. Однако после того, как 1720 г. был введен в действие Генеральный регламент, определивший основные принципы организации управления и делопроизводства для всех органов власти, необходимость создавать отдельные «отраслевые» регламенты отпала.

От прежней системы государственного управления сохранился единственный Преображенский приказ, ведавший политическим сыском и расправой.

В 1721 г. вышеописанная система управления была дополнена еще одной своеобразной коллегией. Ею стал Святейший Правительствующий Синод или Духовная коллегия. Новое учреждение стало центральным органом государственного управления по делам русской православной церкви и организационно завершало довольно длительный процесс подчинения русской православной церкви светским властям. Напомню, что еще в 1700 г. по смерти патриарха Адриана Петр запретил избрание нового предстоятеля Русской православной церкви. На его место был назначен местоблюститель патриаршего престола. А в 1721 г. сам патриарший титул был упразднен и создана Духовная Коллегия. «Духовный регламент» – документ, по которому проводилась эта реформа, был написан Феофаном Прокоповичем.

По сути, прежняя форма управления церковью заменялась на коллегиальный принцип, идентичный тому, что сформировался в других коллегиях. Наблюдение за деятельностью Синода перешло к его главе, который также назначался императором и, по сути, мало чем отличался от президентов других коллегий. Он назывался обер-прокурором Святейшего Синода. Первым человеком, исполнявшим эту должность, стал Стефан Яворский, а затем Феофан Прокопович. Формальным главой русской церкви в соответствии с «Духовным регламентом» был сам император. Как и прочие чиновники, члены Синода приносили присягу императору и получали соответствующее должностным окладам жалование. Новыми установлениями фактически была отменена и тайна исповеди. В 1722 г. были утверждены штаты священнослужителей (один священник на 150 дворов). Все представители духовного сословия, оказавшиеся за штатом, подлежали обложению подушной податью. Двойная подать была наложена на старообрядцев. Приход-

ским священникам вменялось в обязанность во все недельные праздники после литургии зачитывать вслух воеводские «публикации». Кроме того, под страхом лишения священства от них требовалось давать «подтвердительные сказки» об отсутствии беглых в приходах «и сообщать буде они услышат даже и на исповеди Слово и Дело Государево» – т.е. сведения о готовящихся политических преступлениях.

С целью укрепления власти на местах в 1708 г. вместо прежних волостей и уездов страна была разделена на восемь губерний: Московскую, Петербургскую, Киевскую, Архангелогородскую, Смоленскую, Казанскую, Азовскую и Сибирскую. Во главе их стояли губернаторы. Они командовали расквартированными в губерниях войсками и управляли вверенными территориями. Каждая губерния делилась на провинции, возглавляемые провинциальными воеводами. В каждой провинции размещался полк солдат, что давало возможность оперативно направлять армию на подавление народных волнений. Провинции, в свою очередь, делились на дистрикты (округа) во главе с земскими комиссарами. В провинциях появились новые чиновники: камерир (ответственный за сбор налогов), ландбухгалтер, рентмейстер (казначей) и ландрихтер (судья), а также ряд единообразных учреждений. Так Петр пытался создать местные органы власти, подчиненные центральным коллегиям.

Перечисленные выше преобразования привели к численному росту бюрократии и к замене старого, служебно-родового механизма работы государственного аппарата, новым, бюрократическим, закрепленным в «Табели о рангах». Для контроля над этими изменениями появляются совершенно новые для России учреждения. Как мы упоминали выше, в 1711 г. возник институт фискалов: 500 чиновников (по двое в каждом провинциальном городе) обязаны были «над всеми делами тайно надсматривать и проведывать» и доносить вышестоящим чиновникам – обер-фискалам. В 1722 г. эта система негласного надзора была дополнена явной. Была образована прокуратура, подчинявшаяся генерал-прокурору Сената. Прокуроры контролировали фискалов, но и фискалы имели возможность доносить на прокуроров.

Таким образом, в ходе реформ государственного аппарата сложилась единая для всей страны централизованная адми-

нистративно-бюрократическая система управления. Значительно выросло число чиновников. Выросли и расходы на содержание бюрократического аппарата. Были созданы единые, унифицированные правила его функционирования.

Наконец, я не могу не сказать несколько слов про те глубочайшие изменения, которые благодаря деятельности царя-реформатора произошли в **области культуры**. Более подробно мы рассмотрим эти изменения в соответствующем разделе, посвященном русской культуре XVIII в., а сейчас хотя бы перечислим основные новации, потому что без этого наше дальнейшее повествование будет не полным.

Итак, преобразования в экономике и в системе государственного управления, создание новой армии и флота требовали во все возрастающем количестве образованных специалистов. Сначала Петр возобновил (впервые со времен Бориса Годунова) посылку студентов за границу. Первая партия молодых дворян отправилась за кордон в 1698 г. Эта практика сохранялась и позже, однако, уже с 1701 г. были созданы упоминавшиеся нами выше школы в Сухаревой башне в Москве: Школа математических и навигацких наук (1701 г.), Медицинская школа (1707 г.) и Инженерная школа (1712 г.). В провинции для обучения дворян за время петровского правления были открыты 42 «цифирные» школы. Интересно, что получение образования не пользовалось популярностью среди отпрысков дворянских фамилий. Поэтому одним из своих указов Петр запретил дворянским недорослям жениться до окончания одного из перечисленных учебных заведений. Увы, тогда этот перл отечественной административно-демографической политики претворить в жизнь не удалось в силу слабости местной власти и отсутствия традиций.

В 1700 г. страна перешла с византийского летоисчисления на европейский юлианский календарь. Счет лет стал вестись не от мифической даты Сотворения мира, а от Рождества Христова. Соответственно началом года было приказано считать не 1 сентября, а 1 января. Именно 1 января 1700 г. по новому календарю в России состоялись первые новогодние торжества, с фейерверками и маскарадами.

С 1702 г. стала выходить первая печатная газета «Ведомости», сменившая начавшую издаваться еще при Алексее

Михайловиче рукописную газету «Куранты». Я в свое время рассказывал об этом издании, сейчас повторяться не буду. «Ведомости» уже обладали всеми признаками настоящей газеты – периодического печатного органа, рассчитанного не для служебного пользования, а для широкой (читающей) публики. Не в последнюю очередь это стало возможным после введения для общеупотребительных целей нового, гражданского шрифта. В модернизированный алфавит не вошли буквы старого, церковно-славянского алфавита со сложным звуковым сочетанием типа «кси» и «пси». Упрощалось начертание букв, были удалены надстрочные знаки – титлы. Первые книги, напечатанные новым шрифтом, увидели свет в 1708 г. Еще раньше свое современное «арабское» начертание получили цифры. До того они обозначались буквами со специальными надстрочными знаками.

Это произошло потому, что для учебы во вновь образованных светских учебных заведениях требовалась учебная литература. Особенно это касалось точных наук. Поэтому столь важное значение имело издание в 1703 г. «Арифметики» Леонтия Магницкого, «Букваря» Федора Поликарпова и ряда других учебных пособий. Реформа алфавита вообще привела к увеличению выпуска печатной литературы. К концу правления Петра в Москве и Санкт-Петербурге действовало около десятка типографий, которые в общей сложности выпустили более 600 книг, из которых 320 книг светского (в основном учебного, юридического, справочного и военного) содержания.

В лекции, посвященной петровскому «Великому посольству» мы говорили о том, что, посетив дрезденскую «Зеленую комнату» и осмотрев хранящиеся там диковинные предметы, Петр загорелся идеей создания подобного хранилища редкостей в России и стал закупать в Европе разные раритеты. Вернувшись в Россию, он занялся обустройством собранной таким образом коллекции. Распорядившись перенести столицу России из Москвы в Петербург, Петр также приказал перенести туда и «государев Кабинет». Вся коллекция была размещена в Летнем дворце. Помещение было названо на немецкий манер Кунсткамерой, то есть «кабинетом редкостей». Событие это произошло в 1714 г. и стало считаться датой основания музея. Коллекция все время разрасталась, и в 1718 г. было

решено построить специальное здание на стрелке Васильевского острова – «Палаты Санкт-Петербургской Академии Наук, Библиотеки и Кунсткамеры», благо именно в этом году Петр всерьез задумал создать Российскую Академию наук.

Приготовления к открытию Академии наук затянулись не в последнюю очередь потому, что в России просто физически не было ученых, которые к тому же могли бы претендовать на высшую научную квалификацию. Царь решил этот вопрос привычным для себя способом – с помощью приглашения академиков из-за рубежа. Технически Санкт-Петербургская Академия наук была учреждена одним из последних указов Петра в 1724 г., однако первые академики (они по-преимуществу были выходцами из немецких земель) прибыли в Россию уже после смерти царя.

В том же 1718 г. в русской жизни произошла еще одна новация. Своим указом «О достоинстве гостевом, на ассамблеях быть имеющем» Петр законодательно ввел и регламентировал новую форму проведения досуга и развлечений придворных кругов – ассамблеи. Идея этих собраний была заимствована царем из форм проведения досуга, виденных им в Европе. Они проводились во все времена года, летом – на открытом воздухе. В программу ассамблей входили еда, напитки, танцы, игры и беседы. Согласно указу, посещение ассамблей было обязательно не только для самих приглашенных придворных, но и для их жен и детей, за чем должен был следить генерал-прокурор Сената П. И. Ягужинский. Каждый сенатор должен был проводить ассамблеи у себя дома в порядке очередности. Эти собрания довольно быстро вошли в обиход русской жизни и стали прообразом тех пышных балов, которыми славился русский Двор в XVIII - начале XX веков. Не буду говорить о том, что светские увеселения новой российской элиты вызвали к жизни множество новых потребностей: необходимость соответствовать европейской моде породила спрос на европейских портных, модисток, учителей танцев, пения, иностранных языков, гувернеров всех мастей, поваров и тому подобного обслуживающего персонала. Новая одежда, этикет, манеры существенно меняли повседневную жизнь русского дворянства.

Особо хочу рассказать об одном петровском распоряжении, которое часто ускользает из поля зрения комментаторов

петровских преобразований, но которое имело важное нравственное и этическое значение для будущего страны. 30 декабря 1701 г. был издан указ, которым предписывалось писать в челобитных и прочих документах имена полностью вместо уничижительных полуимен (Ивашка, Сенька и т. п.), на колени перед царем не падать, зимой на морозе шапку перед домом, в котором находится царь, не снимать. Он так пояснял необходимость этих нововведений: «Менее низости, более усердия к службе и верности ко мне и государству – сия то почесть свойственна царю…». Можно сказать, что благодаря этому документу русские люди получили не только привычные нам сегодня имена-отчества, но и первые начала человеческого достоинства.

В заключение мне остается рассказать о петровской реформе, которая, обычно, выносится за рамки реформаторской деятельности царя, однако, также была существенным нововведением, неизменно влиявшим на весь ход истории России в XVIII веке. Речь идет о наследовании престола. Напомню, что в допетровской России не существовало специального закона, определяющего порядок и очередность передачи власти. При этом свято соблюдалась традиция, заведенная еще Дмитрием Донским, предполагавшая передачу княжеской (царской) власти старшему сыну почившего монарха. Когда по какой-либо причине такового наследника не оказывалось, допускалось вступление на престол царствующей вдовы, как это было скажем, после смерти великого князя Василия III. Однако, ситуация отсутствия наследника в условиях, когда не было юридически значимого документа, регламентирующего порядок престолонаследия, грозила (и часто оборачивалась) династическими и вместе с тем политическими кризисами.

Долгое время Петр обходил своим вниманием этот вопрос, полагаясь на существующую традицию. Однако, обстоятельства его семейной жизни, как и сложные отношения со старшим сыном от первого брака вынуждали его искать какое-то решение этого вопроса.

Как известно, царь был женат дважды. Первый брак с Евдокией Лопухиной продлился с 1689 г по 1698 г. От него и происходил старший сын Петра Великого царевич Алексей Петрович. Он родился в 1690 г. и до шести лет воспитывался

матерью. Восьми лет от роду царевич фактически ее лишился: вернувшись из-за границы из-за волнений стрельцов, Петр настоял на разводе с женой. Ее отправили в суздальский Покровский женский монастырь и заставили принять постриг под именем Елены. Это обстоятельство наложило в дальнейшем отпечаток на отношения отца и сына. Опеку над малолетним Алексеем взяла сестра Петра царевна Наталья Алексеевна, а его обучение поручено было сначала Никифору Вяземскому, потом – немцу Мартину Нейгебауеру и, затем, после удаления последнего, другому немцу – Генриху Гюйсену. Гюйсен обучил царевича немецкому и французскому языкам. На французском же он преподавал Алексею некоторые научные предметы. В 1705 г. Петр отозвал немца в свое распоряжение и отправил в Европу с дипломатическим поручением. Царевич остался без учителя, с одним своим воспитателем Никифором Вяземским, а сверх того, наблюдение над ходом учения поручено было А. Д. Меншикову. Как известно, этот любимец Петра до конца жизни был не в ладах с русской грамматикой и не умел читать. Кроме того, ему некогда было следить за царевичем, жившим в Москве, тогда как сам он пребывал в Петербурге и постоянно отвлекался на разные военные, морские и административные предприятия. По некоторым свидетельствам Меншиков обращался с царевичем весьма грубо, драл его за волосы. Алексей впоследствии упрекал Светлейшего князя в том, что тот нарочно пристрастил его к алкоголю и праздности, не заботясь о его воспитании.

Живя в Москве, Алексей, таким образом, фактически был предоставлен самому себе и влиянию людей, случайно окружавших его. Ими были: четверо князей Нарышкиных, пятеро князей Вяземских, домоправитель царевича Еварлаков, сын кормилицы Алексей Колычев, крутицкий архиерей Илларион и несколько протопопов, из которых один Яков Игнатьев, был духовником царевича и имел на него громадное нравственное влияние. Все они недолюбливали царя Петра и критически относились к преобразованиям, им проводившимся. Эти взгляды стал разделять и Алексей.

Под влиянием этого окружения наследник проводил время сообразно старинным приемам русской жизни: то слушая богослужение и занимаясь душеспасительными беседами, то

учреждая пиры, постоянным участником которых был и его духовник. Он же был тайным посредником между Алексеем и заточенной в монастыре матерью. В 1707 г. в нарушение запрета Петра, царевич при посредничестве Игнатьева тайно съездил к ней в Суздаль, но царевна Наталья, прознавшая про это, донесла брату. Отец сильно разгневался и лишь заступничество Екатерины позволило Алексею получить отцовское прощение.

Петр начал привлекать сына к государственным делам, когда ему исполнилось 17 лет. Вначале при всех нареканиях отца, царевич более или менее справлялся с порученными ему делами. Осенью 1707 г. ему было приказано контролировать работы по укреплению Москвы на случай нападения Карла XII, в августе 1708 г. на него же был возложен осмотр продовольственных магазинов в Вязьме. В начале 1709 г. царевич представил царю в Сумах пять полков, комплектованием и снаряжением которых он занимался лично, затем присутствовал в Воронеже при спуске на воду кораблей, а осенью отправился в Киев, чтобы находиться при той части армии, которая предназначалась для действий против Станислава Лещинского. В 1709 г. по приказу царя наследник отправился в заграничное путешествие в Германию для продолжения образования, а также выбора невесты (ею по рекомендации Гюйссена стала сестра будущей австрийской императрицы принцесса Шарлотта Вольфенбюттельская).

Бракосочетание Алексея состоялось 14 октября 1711 г. в Торгау (на свадьбе присутствовал даже Лейбниц). Говорили, что Алексей страстно любит свою невесту. Отношения царевича с отцом в это время казались удовлетворительными. Они переписывались до свадьбы, обсуждали детали брачного договора. Петр приехал, чтобы присутствовать при свадебной церемонии, и ласково обращался с кронпринцессой. Однако, в дальнейшем отношения молодых супругов испортились. Царевич был груб с молодой женой. Она, в свою очередь, стала раздражительной. Алексей своими попойками в кругу приятелей давал этому массу поводов. Утверждают, что однажды, возвращаясь с подобной пирушки в нетрезвом виде, он в сердцах говорил своему камердинеру: «Жену мне на шею чертовку навязали; как-де к ней ни приду, все-де сердится и не хочет-де со мной говорить».

Первый серьезный конфликт с отцом состоялся у Алексея после его возвращения из Германии. Петр решил лично удостовериться в знаниях, полученных сыном за границей, и проэкзаменовать его по фортификации. Эта перспектива настолько испугала Алексея, что, вернувшись к себе домой, он взял пистолет и попытался прострелить правую руку. Выстрел оказался неудачным: ладонь лишь сильно опалило порохом. Петр был настолько разгневан поступком сына, что избил его и приказал больше не показываться при Дворе.

В начале 1714 г. Алексей по совету врачей уехал на воды в Карлсбад и вернулся лишь в декабре. За это время принцесса Шарлотта разрешилась от бремени дочерью Натальей. А 12 октября 1715 г. на свет появился сын Петр – будущий император России Петр II. Через десять дней после родов Шарлотта скончалась. После возвращения на родину Алексей Петрович жил в Санкт-Петербурге. К тому времени у него вышла размолвка с Яковом Игнатьевым. Теперь в круг ближайших друзей царевича кроме камердинера Ивана Афанасьева и бывшего воспитателя Никифора Вяземского вошел еще и Александр Васильевич Кикин – бывший денщик царя, получивший благодаря своей расторопности чин главы интендантской службы Адмиралтейства. Но в 1714 г. он проворовался и попал под следствие. Ему грозила смертная казнь. С перепугу Кикина хватил апоплексический удар, но в последний момент за него заступилась жена Петра I – Екатерина. Вняв увещеваниям супруги, царь сохранил бывшему интенданту жизнь и даже разрешил жить в столице, но лишил содержания и всех наград. Оправившись от этих ударов судьбы, Кикин вошел в доверие к Алексею Петровичу, и, затаив злобу на его отца, решил поквитаться с царем через сына. С 1714 г. в ближний круг Алексея вошла и крепостная девка воспитателя царевича Никифора Вяземского Ефросинья Федорова, ставшая его любовницей.

В день похорон Шарлотты, 27 октября 1715 г. Алексей получил от Петра письмо, в котором перед царевичем ставился один вопрос: либо он одумается и будет вместе с отцом воплощать в жизнь планы создания Российской империи, либо отказывается от наследования престола. Реакция Алексея на письмо оказалась противоположной той, что ожидал Петр. Алексей отвечал ему, что слаб здоровьем для исполнения обя-

занностей наследника престола: «Веду себя к сему делу неудобно и непотребно – писал он,– понеже памяти лишен (без чего ничего невозможно сделать) и всеми силами умными и телесными ослабел…», а потому готов отказаться от престола и провести остаток дней в деревенском уединении.

Целый месяц царь размышлял и ничего не предпринимал. Потом в события вмешалась слепая судьба. Во время пирушки у адмирала Апраксина у Петра случился судорожный припадок, что стало прологом серьезной болезни. Положение было настолько критическим, что последующие двое суток ближайшие сподвижники и члены Сената не покидали комнаты рядом с его спальней. 2 декабря наступил кризис. Однако Петр преодолел болезнь и стал поправляться. Пока он болел, Алексей хранил молчание и только раз навестил родителя. Едва оправившись, Петр написал новое послание к сыну, в котором требовал определиться: или стать наследником или постричься в монахи. В ответ Алексей изъявил желание принять схиму.

Царь вновь был ошарашен решением сына. В этот момент он собирался в путешествие по Европе и за два дня до отъезда посетил царевича: тот лежал в постели и трясся от озноба. Отец снова спросил, что решил Алексей. Сын поклялся перед Богом, что хочет стать монахом. Царь заявил: «Одумайся, не спеша, потом пиши ко мне, что хочешь делать, а лучше бы взяться за прямую дорогу, нежели в чернецы. Подожду еще полгода».

Но минул и этот срок, а ясности в вопросе престолонаследия у Петра так и не прибавилось. Алексей писал отцу письма, в которых речь шла только о его здоровье и повседневных делах. В начале октября от царя пришло письмо, которого так боялся царевич. Это был окончательный ультиматум: или постричься в монахи, или немедленно отправиться к отцу. Алексей объявил, что едет к отцу, в Копенгаген, но решился бежать к императору Карлу VI, своему родственнику (императрица была родной сестрой супруги Алексея, Шарлотты). Всего двумя месяцами ранее Кикин, уезжая сопровождать тетку Алексея, царевну Марию в Карлсбад, обещал царевичу поискать для него удобное и безопасное место на Западе.

Чтобы отвлечь от себя подозрения, Алексей попрощался с сенаторами и 26 сентября 1716 г. покинул Петербург. Его со-

провождали переодетая в пажа Ефросинья, ее брат Иван и трое слуг. В Миттаве состоялась встреча царевича с Кикиным, который сообщил, что из всех имевшихся вариантов наиболее надежный – ехать в Вену. Туда Алексей добирался в своей карете через Данциг, Бреславль и Прагу под именем русского подполковника Коханского. Вечером 10 ноября 1716 г. он был уже в столице Священной Римской империи и предстал перед вице-канцлером австрийского двора графом Шенборном.

Появление Алексея Петровича в Вене поставило австрийскую дипломатию перед довольно сложным выбором. С одной стороны, открытое предоставление убежища беглому наследнику русского престола грозило военным конфликтом с Россией, что не входило в планы австрийцев. С другой же стороны наследник был слишком крупной картой в дипломатической игре, и Вена не сразу отказалась от попыток ее использовать. В итоге было принято решение приютить Алексея Петровича, но без лишней огласки. Его отправили в крепость Эренберг в Тироле.

После более чем двухмесячного бесплодного ожидания сына, Петр потребовал от командующего русскими войсками в Мекленбурге генерала А. Вейде организовать его поиски. Из Вены в Амстердам был вызван русский дипломат Авраам Веселовский, который получил задание выследить Алексея. Он же должен был передать конфиденциальное послание Петра императору Священной Римской империи Карлу VI с просьбой оказать содействие в поисках пропавшего царевича и сопровождавших его лиц.

Поиски Вейде ожидаемо не принесли никаких результатов, зато Веселовский напал на след беглецов и проследил их путь от Франкфурта-на-Одере через Бреславль в Вену. Но дальше следы терялись. Тогда в помощь Веселовскому в столицу Австрии прибыл гвардии капитан Александр Румянцев, который к тому времени уже имел опыт успешного исполнения ряда деликатных поручений царя. Тем временем Веселовский на аудиенции у Карла VI вручил ему письмо Петра, не раскрывая свою осведомленность о месте пребывания царевича. После месяца молчания, когда скрывать пребывание Алексея в пределах Священной Римской империи уже не имело смысла, австрийская сторона дала официальный ответ и косвенно

признавалась, что царский наследник находится в Австрии. Впрочем, точное место его пребывания не уточнялось. Не было ничего сказано в письме о готовности австрийцев выдать беглеца. Сам же он, по решению австрийских властей, был под крепкой охраной спешно перемещен в неаполитанский замок Сен-Эльмо.

Все это время капитан Румянцев, не жалея сил, времени и денег, колесил по владениям Священной Римской империи, добывая сведения о точном пребывании Алексея. Сопоставляя полученную информацию, он обнаружил беглого царевича в Неаполе. После того, как Румянцев сообщил об этом Петру, в Вену был направлен опытный дипломат П. А. Толстой с новым письмом императору. В нем в более официальных тонах заявлялось об осведомленности русской стороны о пребывании царевича Алексея под охраной в Эренберге и Неаполе, выражалось требование допустить до него Толстого для передачи сыну «отеческого увещевания» и далее – отпустить Алексея с русским посланником на Родину.

Письмо это было передано Карлу VI 29 июля 1717 г., а выраженная в нем осведомленность русской стороны о месте и условиях содержания царевича заставили императора приказать вице-королю Неаполя графу Дауну оказать Толстому содействие в свидании с обитателями замка Сен-Эльмо. 24 сентября 1717 г. Толстой и Румянцев уже были в Неаполе. На первой встрече с посланцами Петра онемевшему от ужаса царевичу были вручены два письма: от отца и от матери почившей принцессы Шарлотты, герцогини Вольфенбютельской, с которой П. А. Толстой имел аудиенцию накануне.

До следующей встречи с Алексеем капитан Румянцев развил бурную деятельность в Неаполе. Ему удалось подкупить секретаря Дауна и заручиться его содействием в деле возвращения беглого наследника в Россию. На следующем свидании 28 сентября Алексей заявил, что «боится предстать перед разгневанным лицом государя». На это ему было заявлено, что государь не остановится ни перед чем, включая военные действия, чтобы вернуть сына на родину. Присутствовавший при разговоре секретарь Дауна, «по секрету» сообщил царевичу, чтобы тот не надеялся на военную защиту Священной Римской империи, ибо в тот момент она была вовлечена в

военные конфликты с Османской империей и Испанским королевством. Поэтому развязывание еще и третьей войны не входит в планы Карла VI.

Продолжая дезинформировать Алексея, Толстой доверительно сообщил ему 1 октября, что русские войска, сосредоточенные в Польше, готовы перейти австрийскую границу, а сам государь вот-вот объявится в Неаполе. Это Алексея напугало более всего и 3 октября он заявил о своем согласии вернуться в Петербург. Царевич написал письмо отцу с мольбой о прощении. В ответном письме отец обещал свое прощение и даже разрешил сыну жениться на Ефросинье и жить в деревне по возвращении в Россию.

14 октября 1717 г. Алексей со спутниками, Толстой и Румянцев покинули Неаполь и через Инсбрук, Вену и Берлин направились на родину. В Москву царевича доставили 31 января 1718 г. Свидание с родителем состоялось 3 февраля в Кремлевском дворце. При виде отца Алексей пал ему в ноги и умолял о прощении. Петр подтвердил свое обещание, если сын чистосердечно откроет ему всю правду о своих сообщниках и отречется от престола. Алексей согласился и тут же подписал заготовленный «присяжный лист», признав законным наследником своего сводного брата трехлетнего Петра Петровича (сына царя от второго брака с Екатериной). На следующий день был обнародован Манифест об отречении Алексея от престола.

Затем Алексей сообщил отцу имена своих единомышленников. Он назвал Александра Кикина, Никифора Вяземского, Василия Долгорукова, брата царицы Евдокии Авраама Лопухина, Ивана Нарышкина, царевну Марию Алексеевну и ряд более мелких лиц. Была образована следственная комиссия, возглавлявшаяся самим царем. Среди следователей были все тот же П. А. Толстой, гвардии майор А. И. Ушаков, генерал И. И. Бутурлин и капитан-поручик Г. Г. Скорняков-Писарев.

Следствие велось по трем главным эпизодам дела: розыск, собственно, по делу царевича Алексея, розыск по делу главного его сообщника Кикина и розыск по делу матери Алексея Евдокии Лопухиной (в иночестве Елены).

Раньше всех опале подвергся Кикин. Его виновность была быстро доказана, и он кончил свои дни, подвергнутый мучи-

тельной казни в Москве. Суздальский розыск исходил из подозрений Петра о тайных связях инокини-матери с сыном. Однако же, несмотря на все ухищрения следствия, это предположение не нашло доказательств. Зато вскрылись другие нарушения.

Было установлено, в частности, что Евдокия Лопухина, пребывавшая в стенах Спасо-Ефимьевского монастыря, с ведома и разрешения ростовского епископа Досифея не только пренебрегала монашеским одеянием, не соблюдая монастырского устава, но даже осмелилась завести себе любовника. Им стал майор Степан Глебов, направленный в Суздаль для набора рекрутов. Наказания для всех фигурантов этого дела были жестокими. Глебов за сожительство с бывшей царицей по приговору суда был посажен на кол, епископ Досифей низложен и колесован. Царица Евдокия (старица Елена) осталась жива, но была отправлена в Ладожский женский монастырь с более строгим содержанием. Там она и жила до 1728 г., когда была освобождена по приказу своего внука императора Петра II. Она была доставлена в Москву и жила сначала в Вознесенском монастыре в Кремле, затем в Новодевичьем монастыре – в Лопухинских палатах. Умерла в 1731 г. и похоронена в соборной церкви Новодевичьего монастыря.

Весной 1718 г. начался основной этап розыска, связанный, собственно, с делом царевича Алексея. 18 марта он и находившиеся под следствием его приближенные (Василий Долгорукий, Авраам Лопухин, разрешившаяся от бремени Ефросинья Федорова и др.) были доставлены в Санкт-Петербург. Начались допросы. Алексей, вероятно, почувствовав скорый конец, цеплялся за жизнь, выгораживал себя, лгал, оговаривал других. Но главную роль в установлении виновности Алексея сыграла именно Ефросинья Федорова, которая изобличила царевича во лжи. В частности, при ее допросе выяснилось, что Алексей был готов для захвата власти использовать австрийскую армию и намеревался при удобном случае возглавить мятеж русских войск. На очной ставке Алексей подтвердил показания Ефросиньи, что предопределило его последующую судьбу. Согласно заключению следствия, Алексей «забыв должность сыновства и подданства, ушел и поддался под протекцию цесарскую и просил его о своем защищении».

14 июня Алексей был помещен в Петропавловскую крепость на положении обычного колодника. Поскольку Петр не знал всей вины сына, с 19 по 24 июня его пытали еще шесть раз, добиваясь чистосердечного признания в своих неправедных поступках. Но Алексей не проявил искреннего раскаяния. И тогда отец решил передать дальнейшее рассмотрение дела на суд духовных иерархов и высших государственных чиновников, дабы не совершить ошибки в силу отцовских чувств. Судьи получили от царя указание судить без оглядки на его мнение и не опасаясь царского гнева или опалы в случае, если их вердикт будет не совпадать с ним.

Судьбу Алексея решал суд, состоявший из 127 высших чинов гражданской, военной и духовной администрации. Практически все они единогласно и независимо друг от друга объявили, что царевич достоин смертной казни. Против проголосовал лишь один – фельдмаршал Б. П. Шереметев. Согласно сообщению историка М. М. Щербатова, он сопроводил свое решение следующими словами: «Я рожден служить своему государю, а не кровь его судить».

Объявленный Алексею приговор должны были привести в исполнение 26 июня 1718 г. Однако, казнь не состоялась. Когда рано утром в назаченный день священник в сопровождении коменданта крепости вошел в камеру Алексея для причастия, то обнаружил его лежащим на полу без признаков жизни. По официальной версии, после ознакомления с приговором царевич «впал в беспамятство» и умер от апоплексического удара. По другой версии, отец помог ему умереть до казни, чтобы не подвергать себя и сына публичному позору.

Так или иначе, но описанная выше драма Петра не была только его личной трагедией. На личном уровне она, как в капле воды, отражала борьбу двух концепций развития страны внутри русского правящего класса: прогрессистскую, реформистскую, которую отстаивал император и которая предполагала введение России через преобразования в число могущественнейших держав Европы, и прямо противоположную – проповедующую развитие страны на традиционалистских принципах.

История с Алексеем обострила назревавший династический кризис и противоречия между сторонниками перечис-

ленных выше групп интересов. Следующим испытанием для царя была непредвиденная смерть в 1719 г. младшего сына – Петра, родившегося в 1715 г. от второй жены – Екатерины. Манифестом 3 февраля 1718 г. он был провозглашен наследником престола после отстранения Алексея Петровича. Новому наследнику была принесена особая присяга (которую отказывались приносить, несмотря на угрозы казни и анафемы, некоторые сторонники старых порядков). Тем не менее, присягу брату принес в том числе и находившийся под судом Алексей. Петр возлагал большие надежды на Петра Петровича как продолжателя своего дела. Однако, 25 апреля 1719 г. он трагически погиб от удара шаровой молнии. В тот день Петр вместе с Екатериной находились в Кронштадте. За царевичем присматривала прислуга под началом Якова Брюса. С утра царевича навестил Меншиков, играл с ним. Светлейший князь очень любил четырехлетнего мальчика, и все было в порядке. Затем он уехал. Однако буквально через несколько часов от Брюса прискакал посыльный с известием о трагедии. Меншиков бросился во дворец. Когда он прискакал, то еще застал царевича живым. Мальчик был без сознания, парализован, и, что самое странное – кости его были переломаны. Когда князь взял наследника на руки, тельце малыша прогнулось, весь он как-то ватно обвис. Яков Брюс был тоже в крайней степени волнения: губы его дрожали, он не мог связно изложить, что произошло. Меншикову с трудом удалось выяснить следующее: Брюс приказал слугам приоткрыть окна в комнате, где находился наследник, чтобы проветрить помещения, поскольку было жарко, а сам уединился в соседней комнате для работы с бумагами. Но неожиданно начался ливень, засверкали молнии, раздался треск, потом взрыв и крик – кричала нянька. Судя по всему, мальчик сидел у нее на коленях, когда, по ее словам, в залу влетел «огнедышащий дракон и пыхнул на дите», оставив синий след на его темени. Говоря современным языком, наследник российского престола погиб от удара шаровой молнии.

Когда трагические известия достигли Кронштадта, Петр срочно прибыл в столицу и даже учредил розыск виновных. Однако же, войдя в суть дела, отменил его, рассудив, что гибель младшего сына была ему ниспослана свыше в качестве

божественной кары за смерть сына старшего. Утверждают, что Петр очень тяжело переживал смерть младшего сына. Закрывшись в кабинете, он целых три дня никого не принимал и отказывался от пищи.

Однако же в сложившихся обстоятельствах требовались неотложные меры для прояснения дальнейшей судьбы престола новоявленной Российской империи. И они последовали. В 1722 г. царь подписал Указ о престолонаследии. Этим актом на смену обычаю наследования престола старшим сыном почившего монарха пришел новый, юридически оформленный порядок передачи власти. Согласно ему «правительствующий государь» сам назначал себе преемника. Этот важный закон имел еще одно весьма существенное дополнение: государь мог в любой момент изменить ранее принятое им решение, если наследник не оправдывал возлагавшихся на него надежд. Придавая большое значение этому государственному акту, Петр потребовал клятвенного обещания всех сенаторов, а также высших чиновников выполнять его неукоснительно и безоговорочно.

На этом формальный перечень основных преобразований, предпринятых в царствование Петра Великого, можно было бы закончить, если бы не одно обстоятельство. Дело в том, что столь радикальные изменения, произошедшие в стране за неполных тридцать лет, вызвали к жизни не только дворцовые интриги и заговоры противников изменений при Дворе. Они вылились и во вполне открытые массовые протесты, выразившиеся в форме народных восстаний. Не упомянуть о них в свете всего сказанного – значит лить воду на мельницу русской проправительственной исторической пропаганды, вот уже четыреста лет как акцентировавшей лишь победно-созидательную сторону петровских реформ.

Первым из подобных выступлений было Астраханское восстание, вспыхнувшее в июле 1705 г. и продолжавшееся до марта 1706 г. Строго говоря, это выступление было направлено не против самих петровских реформ, а против тех непомерно тяжелых налогов и повинностей, которыми они сопровождались.

Астрахань в начале XVIII в. была крупным торговым центром, перекрестком торговых путей между Россией, закавказскими владениями Персии и государствами Средней Азии. Со-

циальный и национальный состав здесь был тоже довольно пестрый. Много пришлых, «гулящих» людей обреталось на местных рыбных и соляных промыслах, было занято в проводке караванов и судоходстве. Среди них были русские, татары, ногайцы, калмыки. Среди купцов, постоянно живших в Астрахани, были армяне, персы, русские. Гарнизон города составлял три тысячи человек, из которых было много опальных стрельцов, сосланных сюда после подавления последнего стрелецкого бунта.

Возросшая с началом Северной войны налоговая нагрузка дополнялась мздоимством местных чиновников. Особенно возмущала горожан алчность местного воеводы Тимофея Ржевского. Он сдал на откуп всю торговлю хлебом и вошел в долю с откупщиками. Такая махинация привела к подорожанию не только хлеба, но и других продуктов питания. В 1705 г. в связи с неудачами на фронте было урезано жалование стрельцов на 40%. Все это на фоне роста натуральных повинностей подготовило почву для выступления.

Поводом к восстанию послужило насильственное брадобритие и введение одежды иноземного покроя. Те, кто не хотел подчиняться этим нововведениям, обкладывались большим штрафом. 30 июля восстал астраханский гарнизон. Стрельцы перебили около 300 начальных людей и иноземцев на русской службе. На следующий день восставшие образовали совет старшин, который и стал осуществлять власть в городе. По их приговору был казнен воевода Ржевский, конфискован арсенал, казна, из которой стрельцам выдали жалование, отменены все введенные царской администрацией налоги. Вскоре к восставшим примкнули жители Красного Яра, Черного Яра, Гурьева и Терок. Астраханцы пытались поднять на восстание донских казаков и жителей Царицына, однако же и те и другие ответили отказом.

Когда Петр узнал о случившемся в Астрахани, он находился в Гродно в действующей армии. Не желая снимать войска с фронта, сначала он намеревался урегулировать этот конфликт мирным путем, однако потом пересмотрел свое решение и послал для усмирения восставших войска под командованием фельдмаршала Б. П. Шереметева. Фельдмаршалу была не по душе поездка в Астрахань, поэтому он откровенно медлил. От-

быв из лагеря Петра 12 сентября 1705 г., он только 20 октября прибыл в Москву и лишь 18 декабря добрался до Казани. Оттуда он обратился к царю с просьбой разрешить ему вернуться в Москву на зимовку. Однако, получив отказ, он 2 марта появился-таки под Астраханью и с ходу взял Черный Яр. 12 марта его войска подошли к Астрахани. Штурм начался на рассвете следующего дня. Защитники города пытались сдерживать наступающие войска огнем пушек со стен астраханского кремля, однако, ответным артиллерийским огнем правительственным силам удалось поджечь кремль. Начался пожар и осажденные вынуждены были сдаться. Затем Шереметев, практически без боя овладел Гурьевым и Красным Яром. Руководители и активные участники восстания были взяты под стражу и отправлены в Москву в Преображенский приказ. Следствие по астраханскому делу велось почти два года. В итоге около 300 человек окончили свои дни на эшафоте, а руководители восстания были казнены колесованием.

Астраханское восстание было подавлено. Несмотря на поражение, оно все же оказало определенное влияние на внутреннюю политику правительства. В ряде уездов был прекращен сбор недоимок, а некоторые повинности были упразднены вовсе. Вместе с тем, Астраханское восстание стало прологом более мощных выступлений.

Новое народное восстание вспыхнуло тоже на юге, но уже на Дону осенью 1707 г. Рост эксплуатации, рекрутские наборы в армию, налоговый гнет и вообще кардинальный слом привычных и понятных устоев жизни, характерный для петровской эпохи, привел к значительному росту побегов крепостных крестьян от своих хозяев. Одним из мест, куда традиционно стремились скрыться беглые, была область Войска Донского. Старый казацкий принцип здесь исстари гласил: «С Дона выдачи нет». Однако же и в жизнь на Дону петровское время внесло свои коррективы.

После того, как русские войска овладели Азовом и закрепились на берегах Азовского моря, земля Войска Донского из опасного пограничья и военного форпоста превратилась во внутреннюю территорию государства. Это изменило отношение к казакам со стороны властей. Началось планомерное наступление на казацкую автономию. Так, по указу Петра у каза-

ков были отобраны соляные варницы в Бахмуте и переданы в управление Семеновской канцелярии. Этим царь лишил казаков существенных доходов от торговли солью. В дополнение к этому, стремясь покрыть дефицит рабочей силы в стране, Петр решил покуситься на традицию и возвращать с Дона беглых крестьян. Собственно говоря, это обстоятельство и послужило поводом к восстанию.

2 сентября 1707 г. в Черкасск прибыл полковник князь Ю. В. Долгорукий с большим отрядом солдат и заявил на казацком кругу, что имеет предписание царя переписать всех беглых и затем всех их под конвоем с женами и детьми отправить в места, откуда они сбежали. Воров, татей и прочих преступников велено было собирать отдельно и под охраной этапировать в Москву. Эти требования вызвали всеобщее возмущение станичников. Войсковой атаман Лукьян Максимов с трудом удержал собравшихся от немедленной расправы над царским послом. Учитывая столь накаленную атмосферу, Долгорукий побоялся ловить беглых в самом Черкасске, но в отдаленных станицах солдаты по его приказу хватали и заковывали в кандалы всех пришлых с семьями. Непокорным резали носы и губы. В итоге на Дону началось восстание. Его возглавил домовитый казак Кондратий Булавин. Долгорукий был схвачен и казнен восставшими в Шульгинском городке. Сопровождавший его отряд перебит.

Такой поворот событий привел к расколу между основной массой казаков и старшиной. Зажиточные казаки во главе с атаманом Максимовым не только выступили против восставших, но и отправили против Булавина несколько казацких сотен. Они нанесли поражение восставшим, а Кондратий Булавин вынужден был бежать в Запорожскую Сечь. Там он заручился поддержкой некоторой части украинских казаков, набрал из них полторы тысячи добровольцев и в марте 1708 г. вновь появился на Дону. Бунтовщикам удалось занять Пристанский городок, ставший центром восстания. Появление Булавина дало новый толчок антифеодальному движению. Ширилось число его участников, занимавших все новые территории. Восстание охватило весь север Дона, Придонье, Слободскую Украину, приближаясь к Воронежу, Тамбову и Саратову.

Петр знал о том, что происходило на Дону, однако же в силу того, что шведские войска, вторгнувшиеся в Россию, в тот

момент угрожали Минску и Москве, долгое время не мог выделить для подавления восстания достаточных сил. Наконец, в апреле 1708 г. он распорядился послать на Дон родного брата убитого Юрия Долгорукова – Василия, передав под его командование армию, насчитывавшую около 32 000 солдат. В то же время, не дожидаясь подхода царских войск, казацкая старшина также решила выступить против булавинцев. 21 марта 1708 г. 8-тысячный отряд казаков под командованием того же атамана Максимова выступил из Черкасска в сторону Пристанского городка. Прознав про это, булавинцы выступили навстречу. Противники встретились в бою у реки Лисковатки. Победа восставших была полной. Повстанцы захватили обоз, четыре пушки, боеприпасы к ним и войсковую казну. 1 мая Булавин овладел Черкасском. Лукьян Максимов и ряд его сподвижников были казнены, а предводителя восставших избрали новым войсковым атаманом.

Эта победа Булавина привела к расширению масштабов восстания. Правительственные гарнизоны были разгромлены в Царицыне, Саратове и Валуйках. Под влиянием этих побед подняли восстание башкиры, еще недавно присягнувшие царской власти, а также марийцы, вотяки и татары. Кубанские казаки отправили в помощь Булавину отряд в 1000 сабель. Еще один отряд в распоряжение Булавина поступил из Запорожской Сечи.

В то же время к Дону со всех сторон стягивались правительственные силы: Василий Долгорукий с отрядом преображенцев начал карательные операции на Северном Донце, князь Андрей Гагарин с внушительным отрядом выступил против повстанцев из Курска, а бригадир Шидловский готовился выступить из Изюма.

Стремясь обеспечить свой тыл, в начале июля 1708 г. повстанцы предприняли попытку овладеть Азовом. Однако же, начавшийся 6 июля штурм города был остановлен шквальным артиллерийским огнем крепостной артиллерии и пушек с кораблей азовской флотилии. После этой неудачи булавинцы вынуждены были снять осаду. А днем позже в Черкасске группой заговорщиков из числа домовитых казаков было совершено нападение на дом Булавина. Атаман с группой соратников (не более 10 человек) сопротивлялся отчаянно и застрелил

нескольких нападавших, но погиб при прорыве из загоревшейся избы (по официальной версии – застрелился сам, не желая сдаваться). Тело Булавина, для удостоверения жителей в его смерти, отвезено в Азов и там, по отсечении головы, повешено за ногу.

Известие о смерти предводителя деморализовало восставших, однако же отдельные очаги сопротивления продолжали тлеть на Дону и в Поволжье еще два года. В верховьях Дона действовал отряд Н. Голого, на Волге – отряды ближайшего сподвижника Булавина Игната Некрасова, Беспалого, Павлова и других атаманов. Попытки Игната Некрасова объединить действия повстанцев оказались безрезультатными. В начале 1709 г. остатки их отрядов числом около 2000 человек ушли на Кубань.

На определенном этапе с восстанием Кондратия Булавина было тесно связано и крупное восстание в Башкирии, которое началось еще в 1704 г. и длилось до 1711 г. Прологом к этому выступлению стала попытка петровской администрации в августе 1704 г. ввести в Башкирии 72 новых налога, в том числе на мечети, мулл и на каждого приходящего в молитвенный дом. В указе также требовалось строить мечети только по образцу христианских храмов, устраивать кладбища рядом с мечетями, фиксировать муллам заключение браков и смерть прихожан только в присутствии русского священника. Все это было воспринято как прямой шаг к будущему полномасштабному насильственному крещению и послужило отправной точкой для начала выступления. Однако же толчком к началу боевых действий стало прибытие в Уфимский уезд карательного отряда А. С. Сергеева, потребовавшего от выборных башкир безвозмездно отдать для нужд армии 5 тысяч лошадей. Под угрозой смерти они вынуждены были подчиниться. Сбор лошадей весной 1705 г. превратился в массовый грабеж. В ответ башкиры отказались платить налоги и повиноваться русским властям. Повстанцы Казанской даруги[2] во главе с Дюмеем Ишкеевым напали на Закамские крепости, жители Ногайской даруги под руководством Имана-батыра действовали около Солеваренного городка. Башкирские повстанцы предложили

[2] Даруга – единица военно-административного деления Башкортостана, принятая в в XVII-XVIII вв. и подразделявшаяся этнически на волости (роды).

обратиться к царю с челобитной, которую повезли в Москву летом 1706 г. восемь выборных башкир во главе с Дюмеем Ишкеевым. Но царское правительство отказалось рассмотреть челобитную. Ишкеева повесили, а остальных арестовали. Узнав об этом, башкиры продолжили борьбу.

В 1707 г. движение приобрело массовый характер. Повстанцы из Ногайской и Казанской даруг во главе с Алдаром Исянгильдиным и Кусюмом Тюлекеевым разгромили полк Хохлова около Солеваренного городка. Многие крепости края подверглись штурму. В декабре повстанцы перешли через Каму, вторглись в соседние Кунгурский, Вятский и Казанский уезды.

Отказавшись от русского подданства, башкирская феодальная верхушка сделала попытку создать Башкирское ханство, связанное вассальными отношениями с Крымским ханством или Османской империей. Один из участников восстания, уроженец Юрматынской волости Хази Аккускаров был объявлен ханом, а его посол Мурат-султан ездил к крымскому хану и оттуда к турецкому султану. По возвращении обратно он не смог проехать в Башкирию и направился на Северный Кавказ, где чеченцы и аксайцы, нарушив перемирие, напали на центр Терской казачьей области городок Терской. Однако подошедшие войска из Астрахани принудили горцев снять осаду и отойти.

В апреле-мае 1708 г. башкиры установили связь с восставшими под предводительством Булавина казаками Дона. Правительство, в свою очередь, направило против башкирских повстанцев карательные силы во главе с П. И. Хованским. В мае 1708 г. Хованский от имени правительства обещал отменить требования «прибыльщиков», простить повстанцев и рассмотреть жалобы на произвол местных властей. Башкиры согласились прекратить борьбу. Но власти нарушили условия соглашения и восстание продолжилось.

Весной 1709 г. восстание переместилось на территории Сибирской и Ногайской (восточной ее части) даруг. В Зауралье развернулась борьба под руководством Алдара Исянгильдина и Уракая Юлдашбаева. Повстанцы установили связь с каракалпаками и совместно с ними нападали на остроги, слободы, заводы, монастыри и села, расположенные на баш-

кирских землях в бассейнах рек Исеть, Миасс и Теча. Правительство направило в Зауралье два полка под командованием И. Я. Якушкина. В борьбе с повстанцами царскими властями использовалась также калмыцкая конница под командованием Чакдор-Джаба, который нанес повстанцам поражение летом 1710 г. Последние очаги сопротивления в Ногайской и Казанской даругах были подавлены в 1711 г.

После окончания башкирского восстания правительству пришлось пойти на некоторые уступки местному населению. Было подтверждено вотчинное право башкир на свои земли, отменены новые налоги, осуждены представители местных властей, повинные в произволе и беззаконии. Данные меры привели к тому, что к концу 1711 г. выступления в крае прекратились и до конца правления Петра не возобновлялись. Это позволило в 1725 г. провести присягу башкир на верность Российской империи.

Ну вот теперь, после всего сказанного, я хотел бы немного поговорить об оценке Петра и его преобразований в русском общественно-политическом и историческом дискурсе. В первые постпетровские десятилетия XVIII в. отношение к Петру в российской историографии было восторженно-комплиментарное. Всем преемникам Петра на русском троне хотелось (и приходилось) считать себя продолжателями его дела, хотя в реальности могло быть и по-другому. Неудивительно, что тогдашняя историческая наука воспринимала его не иначе как демиурга, создавшего новую Россию (П. П. Шафиров) или воплощенного бога (М. В. Ломоносов). В немалой степени подобному взгляду способствовало популярное не только на Западе, но и в нашей стране сочинение Вольтера «История Петра Великого», написанное на основе присланных из России материалов. Оценки Вольтера также были исключительно положительными. Этот «аплодисментный» тон историографии в значительной мере сохраняется по сей день, несмотря на неоднократную смену политических и идеологических приоритетов в руководстве нашей страны.

Первые сомнения в правильности подобных оценок появились в царствование Екатерины Великой. Вышли они из-под пера профессионального историка князя М. М. Щербатова. Формально он принадлежал к когорте почитателей велико-

го преобразователя. Это и понятно: попробуй он в открытую критиковать деятельность предтечи своей государыни императрицы Екатерины Великой, поставившей Петру памятник, ставший ныне символом города на Неве, глядишь и закончил бы свои дни не в своем дворце в Санкт-Петербурге, а в ссылке, как А. Н. Радищев. Как свидетельствуют современники, князь Щербатов был мизантроп и критикан, однако критиковал Петра необычайно тонко. В 1773 г. он написал работу под названием «Рассмотрение о пороках и самовластии Петра Великого». В ней Щербатов приводит негативные оценки некоторых анонимных недоброжелателей Петра и его дел и… решительно опровергает их в русле господствующего историографического взгляда на государя-реформатора. При этом Щербатов раскрывает всю палитру тогдашних негативных суждений о Петре, знакомя читателей с новыми, для многих ошеломляющими идеями. Он будто бы цитирует чьи-то обвинения Петра в жестокости, любви к казням и пролитию крови, в нецивилизованном отношении к окружающим, разврате, сыноубийстве, склонности к пьянству, в установлении свирепого режима самовластия, небрежения человеческими жизнями, за которые он, как самодержец отвечает перед Богом и т. д. Как бы оправдывая вторжение в эту явно запретную сферу, Щербатов ссылается на свой долг историка – писать правду.

Следующей вехой стало знаменитое произведение историка и писателя Н. М. Карамзина «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», написанное в 1811 г. и сместившее фокус дискуссии с личности Петра к общефилософским, историософским проблемам: нужна ли была России такая реформа, продуктивны ли были усилия Петра по перенесению на русскую почву институций и порядков чужих стран, не слишком ли дорого достались России плоды западной цивилизации, стоило ли ломать традиции, разрушать уклад оригинальной русской жизни, порочить прошлое? «Искореняя древние навыки, представляя их смешными, хваля и вводя иностранные, государь России унижал россиян в собственном их сердце. Презрение к самому себе располагает ли человека и гражданина к великим делам? Имя русского имеет ли для нас теперь ту силу неисповедимую, какую оно имело прежде? Мы стали гражданами мира, но пере-

стали быть в некоторых случаях гражданами России. Виною – Петр» – писал главный историограф Российской империи.

Как известно, рассуждения Карамзина о Петре (вкупе с другими обстоятельствами) во многом послужили толчком к возникновению двух основных идейных направлений борьбы в русской интеллектуальной элите: западников и славянофилов. Эта борьба, порой ожесточенная, в конечном счете вращалась вокруг Петра – центральной исторической фигуры русского Нового времени. Затихая и возобновляясь, этот ожесточенный спор, следуя метаморфозам непростой русской истории и сменам идеологических концепций, продолжается, в известной степени, до сих пор.

Есть еще один, зачастую невидимый со стороны конфликт внутри историографии. Так вышло, что между историками, изучающими XVII и XVIII вв., лежит некая пограничная полоса со столбом, на котором написано «1700 год». Исследователям победной эпохи петровских преобразований и всего XVIII в. допетровская эпоха кажется в лучшем случае «черновиком», подготовительным этапом великих преобразований Петра, «вытащивших Россию из болота Средневековья», этакой «взлетной полосой» для России Нового времени. Многих же их коллег, занимавшихся историей века XVII, особенно второй его половины, часто смущает такая постановка вопроса. На материале своих источников, они видят, что до петровских реформ Россия двигалась в том же направлении, что и Европа, но своим путем и своим темпом. Поэтому им быстрые и не считающиеся с русской спецификой радикальные перемены, привнесенные петровской эпохой, видятся как разрыв традиции, своего рода «прерванный полет» отечественной истории. В своем искреннем желании показать своеобразие развития страны в XVII в. они часто впадали и впадают в крайности, выдавая желаемое за действительное.

Наконец, условия второй половины XX в. – времени существенных трансформаций в экономическом, политическом устройстве мира, эпохи повсеместного и повального «реформизма», когда требование перемен стало своего рода религией постоянно ускоряющегося прогресса – поставили перед историками петровской эпохи целый ряд вопросов, в большей степени характерных для общественно-политического, нежели

исторического дискурса. Например, признавая историческую необходимость проведения петровских преобразований, общественное мнение ставит вопросы экономической и политической их целесообразности в тех формах и сроках, в которых они были проведены, высказываются претензии к продуманности и последовательности их осуществления, к тому, что проводились они без учета необходимых внутри- и внешнеполитических условий. Наконец, в ситуации никем не оспариваемой в конце XX века высокой ценности человеческой жизни, звучат обвинения царя-реформатора в том, что за его преобразования была заплачена слишком высокая цена. Можно ли было, к примеру, избежать столь большого числа жертв при строительстве новой столицы, которых только по официальной и признаваемой властями статистике было более 300 тысяч человек, избежать больших небоевых потерь русской армии и флота в ходе Северной войны, более эффективно бороться с чудовищным казнокрадством и мздоимством, в котором были напрямую замешаны приближенные царя и т.д. и т.п.?

К тому же реалии современной жизни настойчиво продвигают несколько иное, отличное от классического, отношение к прошлому. Возьмем, к примеру, индустрию компьютерных игр. Во многих из них, эксплуатируются сценарии двух прошедших мировых войн или хода их отдельных сражений, строительство империй или экономических моделей развития. Причем условия компьютерных стратегий допускают закончить игру вовсе не с тем результатом, с каким эти события вошли в историю. Жанр альтернативной истории стал сегодня неотъемлемой частью научной фантастики и пользуется популярностью у значительной части читательской аудитории. При этом любители данного жанра, похоже, плохо разбираются, где проходит грань между реальным и вымышленным прошлым. Масштабные экранизации подобных произведений с применением компьютерных технологий только усугубляют проблему.

У «классических» историков не может быть ответов на поставленные в таком контексте вопросы, ибо они исходят из озвученного нами где-то ранее базового принципа исторического знания о том, что история не знает сослагательного наклонения. Она (история) уже состоялась в тех формах, которые мы имеем. Поэтому историк должен интерпретировать и изучать

те факты, которые были, и не обязан отвечать на вопрос, что могло бы случиться, если бы… К тому же моральные, этические и правовые нормы века XVIII и XXI сильно различаются друг от друга. То, что считалось нормальным тогда, может сегодня рассматриваться как преступление или извращение. Например, русский посланник граф С. В. Рагузинский, выполнявший в 1706 г. дипломатическую миссию в Османской империи, не погнушался не только купить на невольничьем рынке Константинополя раба-арапчонка, но и подарить этого раба своему просвещенному монарху. А монарх соблаговолил такой подарок принять. Другое дело, что год спустя арапчонок этот был Петром крещен в православную веру под именем Авраам, сам царь стал его крестным отцом и дал фамилию Ганнибал. Так в России появился предок нашего великого поэта Александра Сергеевича Пушкина. За быстрый ум, находчивость, способность к наукам, чрезвычайную чуткость к звукам Петр приблизил его, сделал своим камердинером и секретарем и в конечном счете дал свободу и даже статус русского дворянина. Но начинал-то Авраам Петрович Ганнибал рабом Его Величества… Означает ли это, что граф Рагузинский и Петр Великий разделяли идеологию рабовладения или напрямую участвовали в работорговле? И меняется ли, в связи с этим наше отношение к петровским реформам? И этот вопрос отнюдь не адресован лишь русскому реформатору. Скажем, Джорджд Вашингтон – первый президент Соединенных Штатов, один из авторов первой вопплощенной на практике в жизнь демократической конституции, был ввполне состоятельным землевладельцем и рабовладельцем. На его плантациях в Маунт-Верноне трудилось около 3000 рабов. Но обесценивает ли это обстоятельство тот вклад, который внес Вашингтон в процесс государственного становления США или распространения демократических ценностей в мире? Отнюдь нет. Поэтому без понимания того, что в XVIII в. формировались не только высокие идеи гуманизма и просвещения, но и самые бесчеловечные практики работорговли и крепостничества, понять и объяснить исторический процесс невозможно. А оцениваем мы историческое значение Петра Великого и Джорджа Вашингтона не потому, что один был крепостником, а другой рабовладельцем, а по тому вкладу в развитие своих стран, который оба этих

исторических деятеля внесли (а не могли внести, но этого не сделали по тем или иным причинам). Впрочем, эти аргументы никак не сказываются на регулярной постановке подобных вопросов.

Литература

Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII - начала XVIII вв. – Уфа: Китап, 1998.

Анисимов Е. В. Время петровских реформ. – Ленинград, 1989.

Буганов В. И. Петр Великий и его время. – М.: Наука, 1989.

Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). – М.: РГГУ, 2001.

Костомаров Н. И. Царевич Алексей Петрович. (По поводу картины Н. Н. Ге). Самодержавный отрок. – М., 1989.

Лебедев В. И. Булавинское восстание (1707-1708). – М., 1967.

Павленко Н. И. Петр Великий. – М.: Мысль, 1990.

Петр Великий: *pro et contra*. – СПб.: РХГИ, 2003.

Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. – М.: Наука, 1984.

БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ ПЕТРА I. НАЧАЛО ЭПОХИ ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ

ОПОРНЫЕ ДАТЫ:

1725 28 января	Смерть Петра Великого
1725 26 января	Первый дворцовый переворот
1725 – 1727	Правление Екатерины I
1725	Создание Верховного тайного совета
1725	Открытие Российской Академии наук
1725 – 1730	Первая Камчатская экспедиция Витуса Беринга

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ТЕРМИНЫ:

Верховный тайный совет; дворцовые перевороты; фаворитизм.

Благодаря роману А. К. Толстого «Петр I» и снятым по его мотивам фильмам «Петр I» (1937 г.), «Юность Петра» (1980 г.) и «В начале славных дел» (1980 г.), а также «Россия молодая» (1981 г.) у неискушенных читателей и зрителей создается впечатление, что Петр I обладал крепким здоровьем, под стать крепости создаваемой им Российской империи. Однако, вопреки навязываемому официальной исторической пропагандой мифу, на самом деле состояние его здоровья с детства внушало серьезные опасения.

Начнем с того, что с 1682 г. царь был регулярно подвержен психомоторным приступам, которые проявлялись наклонением шеи в левую сторону и непроизвольным движением мускулов на одной части лица. По мнению отечественных историков, это было следствием Стрелецкого бунта, когда его мать царица Наталья Кирилловна вынуждена была продемонстрировать малолетних царевичей Петра и Ивана разъяренным стрельцам. На двадцатом году жизни у Петра стала трястись голова, а на лице в минуты напряженного размышления появлялись судороги. Эти симптомы дополнялись приступами безудержной ярости, во время которых царь плохо контролировал себя. Вспышки ярости возникали внезапно под воздействием неприятных известий или каких-то иных внешних раздражителей, а иногда и без видимой причины. Припадки гнева императора мог снимать только один человек – его супруга Екатерина I. Очевидцы сообщали, что она сажала его, брала за голову, прижимала ее к себе и слегка поглаживала. Это производило на царя магическое действие, и он мгновенно засыпал. Чтобы не нарушать монарший сон, Екатерина держала его голову на своей груди, сидя неподвижно в течение двух-трех часов, пока царь не проснется. Просыпался он в бодром расположении духа. Эти симптомы дают основание некоторым историкам медицины констатировать наличие у Петра локализованной эпилепсии.

Ощутимый вред здоровью царя наносило и его пристрастие к спиртным напиткам. После знакомства Петра в шестнадцатилетнем возрасте с обитателями Немецкой слободы (особенно с Францем Лефортом, склонным к неумеренному употреблению алкоголя), в обиход молодого царя прочно вошли дружеские попойки, перераставшие временами в пьяные оргии. Для этих целей им был создан специальный «Всешутейший, всепьянейший и сумасброднейший собор», председателем которого был назначен еще один, уже знакомый нам по прошлым лекциям, почитатель зеленого змия в окружении Петра – его наставник Никита Зотов. По свидетельству князя Куракина иногда эта «кумпания» запиралась дня на три «для пьянства, столь великого, что невозможно описать, и многим случалось от того умирать. Уцелевшие от таких побоищ хворали по нескольку дней...». В более зрелые годы до проявления

первых признаков расстройства желудочно-кишечного тракта, почечных колик и других симптомов, царь был не чужд поддержать традицию пьяных кутежей со своими соратниками.

Постоянная кипучая деятельность, строительство новой столицы, разъезды и участие в боевых действиях приводили к частым простудным заболеваниям. С 1697 г. мы имеем массу сообщений о том, что Петр страдал разного рода лихорадками, часто с ознобами и сильными пароксизмами (так именовали повышенную температуру).

Наконец, с 1718 г. царь постоянно возил с собой «цидулки» с лекарствами и сетовал на здоровье. В письмах к жене он называл себя стариком, жаловался в основном на проблемы с желудком, боли в кишечнике, почечуй[1], отсутствие аппетита и на общую слабость. По советам врачей с 1708 г. царь неоднократно прибегал к лечению минеральными водами как в России, так и за рубежом. Кстати, накануне последнего зарубежного визита на воды в 1716 г. личный лечащий врач Петра Л. Блюментрост составил его историю болезни, текст которой сохранился до наших дней. Анализ изложенных там симптомов царских недугов убеждает современных медиков в том, что у царя с большой долей вероятности был хронический колит.

В 1721 г. в Астрахани во время похода в Персию у Петра I впервые проявились приступы мочекаменной болезни и задержки мочеиспускания. Зимой 1723 г. эти припадки усилились. Придворным медикам выпала довольно трудная работа с державным больным, так как он не мог подолгу соблюдать прописываемую ему строгую диету. Вообще воздержание было не в характере страстной натуры самодержца. Царю трудно было выносить наложенный докторами запрет выходить на свежий воздух. Как только он чувствовал себя лучше, тотчас со стен Петропавловской крепости раздавались орудийные выстрелы – сигнал того, что государю легче и он разрешил себе покататься по Неве. Однако следствием таких преждевременных прогулок и пиров с соответствующими возлияниями было возобновление недуга.

С 1724 г. приступы почечных колик и затрудненное мочеиспускание становились все чаще; лето и осень 1724 г. государь

[1] Почечуй – старорусское название геморроя

очень недомогал, не расставался с лекарствами, но помощь от них была небольшая. Летом 1724 г. болезнь приняла воспалительный характер. Лечили императора Л. Блюментрост и гоф-хирург Х. Паульсон. Для консилиума из Москвы был вызван доктор Николай Бидлоо. В сентябре 1724 г. император начал было поправляться и подал надежду на выздоровление. Считая себя совершенно здоровым, он предпринял морское путешествие в Шлиссельбург и Лахту. Став свидетелем крушения бота с солдатами, севшего на мель, он лично участвовал в спасении людей. Но проведя длительное время по пояс в воде, царь вновь сильно простудился. Согласно рапорту Блюментроста, при лечении простуды применялось втирание горячего гусиного сала с тертым чесноком в обе половины грудной клетки, а от «ломоты в затылке накануне непогоды» – прикладывание пиявок. Кстати говоря, эта последняя оговорка свидетельствует в глазах современных диагностов еще и о том, что у царя, судя по всему, было повышенное кровяное давление.

Болезнь усугубилась после того, как Петр в сильный мороз 6 января 1725 г. присутствовал на богослужении в честь праздника – Крещения Господня. 16 января у него появился сильный озноб, и царь слег в постель окончательно.

Лечивший Петра Л. Блюментрост обратился за советом к знаменитым в то время европейским врачам Герману Бургааву в Лейдене и Эрнсту Шталю из Берлина, собрал на консилиум всех врачей, находившихся в Петербурге. Но ничто не помогало. Наступила острая задержка мочеиспускания. Приступ колик следовал за приступом. Император испытывал страшные мучения. Боль в эти дни была столь сильна, что крики императора слышались не только во дворце, но и по всей округе. Блюментрост и Бидлоо не отходили от постели больного.

В итоге врачи, лечащие царя, 25 января решились на операцию – пункцию мочевого пузыря, из которого было извлечено около литра гноя. Измученный этой процедурой император ненадолго уснул, однако затем «впал в обморок». На следующий день начался новый приступ лихорадки, сопровождавшийся судорогами, во время которых больной терял сознание.

Вполне отдавая себе отчет, что он умирает, Петр распорядился еще 17 января 1725 г. разместить в соседней со своей спальней комнате походную церковь. 22 января его исповеда-

ли. Одним из последних царских указов 27 января была объявлена амнистия осужденным на смерть или каторгу (за исключением особо тяжких преступлений). В тот же день в исходе второго часа Петр потребовал бумаги, начал было писать, но перо выпало из его рук, из написанного смогли разобрать только два слова: «Отдайте все…». Царь велел позвать тогда дочь Анну Петровну, чтобы она писала под его диктовку, но, когда она пришла, Петр уже впал в забытье[2].

Уже накануне смерти Петра I, среди высших чинов империи возник раскол. Одна группировка (президент Юстиц-коллегии Ф. М. Апраксин, президент Коммерц-коллегии Д. М. Голицын, президент Военной коллегии А. И. Репнин, сенатор В. Л. Долгорукий, президент Штатс-коллегии И. А. Мусин-Пушкин и канцлер Г. И. Головкин) выступила за возведение на престол внука Петра I – царевича Петра Алексеевича и установление системы регентства – правления жены Петра I Екатерины Алексеевны вместе с Сенатом.

Другая группировка (светлейший князь А. Д. Меншиков, генерал-прокурор Сената П. И. Ягужинский, генерал И. И. Бутурлин, дипломат и руководитель Тайной канцелярии П. А. Толстой, вице-президент Синода Феофан Прокопович и др.) отстаивала кандидатуру Екатерины как самодержавной государыни. Чтобы понять суть аргументов сторон, самым кратким образом познакомимся с тем династическим пейзажем, который Петр оставил после себя.

Итак, в двух своих браках Петр стал отцом одиннадцати детей, большая часть которых умерла в младенчестве. Среди них было пять мальчиков и шесть девочек. Из трех сыновей от первого брака Алексей (род. 1690 г.), Александр (род. 1691 г.) и Павел (род. 1693 г.) до совершеннолетия дожил лишь Алексей. Но и он умер, не дождавшись исполнения приговора суда, учиненного над ним отцом в 1718 г. Об этом мы много говорили в предшествующей лекции, поэтому повторяться здесь не буду. Алексей Петрович был женат на принцессе Шарлотте Вольфенбиттельской и от этого брака происходил прямой наслед-

[2] Рассказ о словах Петра «Отдайте все…» и о приказе позвать Анну известен только по запискам голштинского тайного советника Г. Ф. Бассевича, и по мнению ряда историков является вымыслом, преследовавшим цель доказать права дочери Петра Анны Петровны (к тому времени герцогини Голштинской) на русский престол.

ник Петра по мужской линии (и будущий император) Петр II Алексеевич.

Во втором браке у Петра родилось двое сыновей: Петр (род. 1715 г.) и Павел (род.1717 г.). Царевич Павел Петрович умер через несколько часов после появления на свет, а о печальной судьбе Петра Петровича мы также говорили ранее. Таким образом, к моменту смерти императора у него оставались две дочери: Анна Петровна (род. 1708 г.) и Елизавета Петровна (род. 1709 г.). Анна Петровна незадолго до кончины отца была выдана им замуж за Голштейн-Готтропского герцога Карла Ульриха. Согласно брачному договору, она сохраняла православную веру, но теряла права на русский престол. Однако же произведенный в этом браке ребенок – Карл Петр Ульрих все же стал русским императором под именем Петра III. Но об этом будем говорить в свое время.

Что же касается младшей (и по слухам любимой) дочери царя – Елизаветы Петровны, то для нее отец не успел (а может и не хотел) подыскать партию, и она так официально никогда не вышла замуж, хотя и стала русской императрицей в 1740 году, о чем речь также пойдет ниже. Небезынтересно отметить, что обе дочери были рождены Екатериной еще до официального брака с Петром, что остро ставило вопрос о подтверждении их династического статуса.

Учитывая это, а также и печальное обстоятельство, что Петр к концу жизни потерял всех наследников мужеского пола, то по сей день среди историков ведется дискуссия о том, кого же император планировал назначить своим преемником. Видимо, некоторое время он всерьез подумывал передать власть жене – Екатерине Алексеевне (урожденной Марте Скавронской), с которой он официально венчался 19 февраля 1712 г. вскоре после возвращения из неудачного Прутского похода.

По отзывам современников и в личных письмах Петр с большой нежностью относился к жене. Упоминавшийся нами выше устроитель брака Анны Петровны и Карла-Ульриха Голштейн-Готтропского, голштинский посол Г.-Ф. Бассевич сообщает в своих воспоминаниях, что «он (Петр – *Д.Г.*) любил видеть ее всюду. Не было военного смотра, спуска корабля, церемонии или праздника, при которых бы она не являлась…

Екатерина, уверенная в сердце своего супруга, смеялась над его частыми любовными приключениями, как Ливия над интрижками Августа; но зато и он, рассказывая ей об них, всегда оканчивал словами: ничто не может сравниться с тобою». Не удивительно, что в мае 1724 г. Петр инициировал и провел в Москве коронацию своей жены как императрицы. Причем император собственноручно возложил на Екатерину признаки императорского достоинства: мантию и корону.

Однако, посвящая жену в свои многочисленные любовные интрижки и связи, царь оказался неспособен терпеть такое же поведение с ее стороны. Когда ему стало известно о связи Екатерины с камер-юнкером Виллимом Монсом (братом Анны Монс – пассии Петра времен Немецкой слободы), он настолько рассвирипел, что хотел открыто судить обоих участников прелюбодеяния. И лишь настойчивые увещевания ближайших сподвижников самодержца П. А. Толстого и А. И. Остермана, которые на коленях умоляли его не делать этого, ибо тогда дочери царя (которые только-только обрели свой статус цесаревен) будут опозорены на всю Европу и не смогут рассчитывать на законный брак с каким-либо мало-мальски достойным представителем европейских дворов. Поэтому судили только Монса.

Он был обвинен «в плутовстве, противозаконных действиях и взяточничестве» и приговорен к смертной казни. Экзекуция состоялась 16 ноября 1724 г. Царь не удовольствовался фактом смерти своего обидчика. Он провез Екатерину около эшафота, на котором торчала голова несчастного. Все эти события привели к разладу в императорской семье. Петр перестал разговаривать с супругой и воспретил ей доступ в свои покои. Лишь однажды, незадолго до смерти, когда Петру стало лучше, по просьбе младшей дочери Елизаветы, царь согласился отобедать с семьей. Весь обед участники трапезы провели в томительном безмолвии.

Екатерина проявила завидное самообладание и разрыв с мужем переносила стоически, покорно выслушивая гневные упреки царя. Но, с другой стороны, по причинам, указанным выше, ее имя никак не упоминалось в следственных бумагах по делу Монса и репутация ее в глазах незнакомых с существом дела людей оставалась незапятнанной. Некоторые ис-

следователи видят в изложенных выше событиях ключ к пониманию того, почему Петр заблаговременно не назвал имени своего преемника, и, по сути, не довел до конца процесс инаугурации Екатерины как российской императрицы.

Таким образом, гипотетический выбор между основными претендентами на власть сводился к фигурам законной императрицы и неверной жены умиравшего царя, а также прямого и законного, согласно русским традициям, наследника − внука императора – Петра Алексеевича. Последний, правда, к означенному времени был малолетним и потому мог стать царем лишь номинально, при регенте. В этой роли опять же виделась императрица Екатерина.

Вот в такой ситуации в ночь с 25 на 26 января по инициативе А. Д. Меншикова состоялось заседание высших сановников империи, которые должны были решить вопрос о власти. Обе сформировавшиеся придворные партии собрались, чтобы убедить друг друга в своей правоте (пока не прибегая к силе оружия). Дискуссия была крайне напряженной и напористой. К сожалению, протокола ее по понятным причинам не велось. Но можно предположить, что сила традиции была на стороне той партии, которая выступала за коронацию Петра II при регентстве Екатерины. Однако же сила военная, безусловно, находилась на стороне тех, кто ратовал за провозглашение императрицей именно Екатерины. В конце концов, это были люди, чье положение в обществе, состояние, богатство были приобретены в ходе петровских реформ, и они видели залог сохранения своего богатства и места при Дворе лишь в прямой преемственности власти от императора к императрице. Обсуждение затянулось далеко заполночь, и никто из противостоящих друг другу придворных партий не хотел уступать.

В какой-то момент стоявшие в зале на часах гвардейцы и офицеры стали громко выражать свое мнение о ходе дискуссии. При этом они обещали проломить голову всем присутствующим, если императрица будет отстранена от власти. Часть из них поднялась в покои Екатерины и поклялась отдать за нее свои жизни. В завершение под окнами дворца затрещали барабаны – там в боевом порядке построились оба гвардейских полка: Семеновский и Преображенский. Когда возглавлявший партию сторонников Петра II фельдмаршал А. И. Репнин, по-

интересовался, кто без его ведома осмелился вывести полки ко дворцу, стоявший на часах начальник караула подполковник Бутурлин заявил: «Я велел им прийти сюда по воле императрицы, которой всякий подданный должен повиноваться, не исключая тебя». После этого П. А. Толстой предложил считать Екатерину Алексеевну императрицей на основании акта о ее коронации. Это предложение было принято единогласно.

Так в России свершился первый дворцовый переворот, положивший начало целой эпохе, которую с легкой руки нашего замечательного историка В. О. Ключевского принято именовать «эпохой дворцовых переворотов». Сразу хочу оговориться, что эта «эпоха» в русской историографии имеет очень размытые границы как в содержательном, так и в хронологическом смысле. То немногое, что роднит эти пертурбации на русском престоле второй четверти XVIII в. – так это постоянное и активное участие гвардии в смещении одних персон и возведении на трон других. Известный польско-русский ученый и писатель К. Валишевский добавлял к этому то обстоятельство, что в подавляющем большинстве престол в это время занимали женщины. Поэтому свой известный роман о России второй четверти XVIII в. он так и назвал: «Царство женщин». А наиболее очевидной чертой, неизменно сопровождавшей пребывание на троне царственных особ слабого пола, был особый тип управления страной, осуществлявшийся через фаворитов – приближенных к монаршей особе придворных, которым делегировались те или иные функции государственного администрирования. Он получил название «фаворитизма». Строго говоря, фавориты и фаворитки у сильных мира сего были и до, и после рассматриваемого времени, но никогда их роль в управлении страной не была столь очевидной.

В хронологическом плане ситуация не менее запутанная. Сам Ключевский определял ее границы с 1725 г. по 1762 г. Однако же и после 1762 г. перевороты с участием гвардии продолжались как минимум до начала следующего, XIX в. Поэтому некоторые ученые продлевают эту «эпоху» до насильственного отстранения от престола императора Павла I с помощью гвардии в 1801 г. А отдельные историки декабристского движения видят в восстании декабристов 1825 г. также отголоски этой эпо-

хи, с той лишь разницей, что если раньше гвардейцы приводили к власти какого-то претендента на престол, то усилиями декабристских сообществ этот некто был заменен идеей абстрактной законности – Конституцией[3].

Я со своей стороны могу высказать предположение, что и нижняя хронологическая граница данной эпохи также может быть перенесена с 1725 г. в год 1682, когда стрельцы (сиречь – та же гвардия по тем временам) возвели на престол царевну Софью Алексеевну. И в этом, и в следующем (1689 г.) бунтах, инициированных Софьей, в полной мере присутствуют все признаки, характерные для времени «царства женщин»: гвардейские перевороты, женское правление, фаворитизм. Собственно, Петр Великий и пришел к власти в ходе этого последнего, неудавшегося стрелецкого путча. И с этой точки зрения, несмотря на то, что правление царя-реформатора выросло (вполне заслуженно) в глазах современников и потомков в самостоятельную «эпоху», она видится лишь значимым, но все же эпизодом более длительной эпохи дворцовых переворотов. Это же утверждение вполне можно распространить и на другую выдающуюся фигуру российской истории рассматриваемого времени – императрицу Екатерину II. Но это, к слову.

Вернемся в 1725 г. Императрица Екатерина I не получила в своей прежней жизни ни образования, ни воспитания, ни опыта, который позволял бы ей успешно справляться со свалившимися на нее обязанностями главы обширнейшей империи. Поэтому считается, что инициатором и вдохновителем переворота 1725 г., а также его главным бенефициаром был ближайший сподвижник и, можно сказать, наперсник Петра Великого Светлейший князь А. Д. Меншиков. Он также не получил образования, достойного того высокого положения, на которое вознесла его капризная фортуна. Но этот недостаток с лихвой компенсировался жизненным, военным и государственным опытом Меншикова, которого А. С. Пушкин характеризовал так: «счастья баловень безродный, полудержавный властелин».

[3] Хотя не могу в этой связи не отметить, что многие участники восстания на Сенатской площади из числа нижних чинов и рядовых были искренне уверены, что Конституция – это жена наследника престола Великого князя Константина Павловича.

Самым кратким образом напомню вехи его биографии. Дата, как и место рождения Александра Даниловича Меншикова доподлинно неизвестны. Разные историки называют 1670, 1672 и 1673 годы. То же и с происхождением. Все источники сходятся в том, что он происходил из незнатной семьи, однако кем был его отец, история умалчивает. По одной версии он – сын крестьянина из-под Владимира, пристроившего сына в обучение к пирожнику в Москве. По другой, его отец состоял на военной службе при Алексее Михайловиче, а сам Алексашка присматривал за конями на царской конюшне, где его и заметил Петр. Так или иначе, но карьера Алексашки Меншикова началась, когда он в возрасте 14 лет попал в потешные войска царевича Петра Алексеевича и сделался солдатом Преображенского полка. Петр приметил смышленого парня и взял его к себе в денщики.

Вскоре Алексашка стал неразлучен с царем. Они вместе были в Азовских походах, Меншиков сопровождал царя в Великом посольстве. Причем, имя его числится вторым после Петра Михайлова среди тех, кто во время этого посольства изъявил желание добровольно обучаться корабельному делу. Вместе с царем он тесал бревна на верфи в Заандаме, повсюду сопровождал царя и выполнял обязанности казначея. Вскоре отношения Петра и Меншикова переросли в тесную дружбу. Об этом свидетельствует сохранившаяся переписка между ними, где в отличие от других своих корреспондентов, Петр называл его «дитем моего сердца», «моим лучшим другом» и др. В общении один на один Петр именовал Меншикова Данилычем, а Меншиков – «моим сердцем» (часто по-немецки mein Herz).

По возвращении из Великого посольства Александр Данилович активно помогал царю в расследовании стрелецкого бунта и наряду с другими соратниками царя собственноручно участвовал в казнях стрельцов.

Во время начавшейся Северной войны он не только проявил такие личные качества, как воинская доблесть и храбрость, но и оказался не лишенным полководческих способностей. Александр Данилович – участник всех значимых сражений этой войны. Под его командованием русские войска одержали победы у деревни Калиш в Польше и при Лесной в

Белоруссии. Царь, как известно, назвал это сражение «матерью Полтавской баталии»

Именно Меншиков первый заподозрил в измене гетмана Мазепу, а когда тайное стало явным, именно ему Петр поручил штурм укрепленной ставки бежавшего Мазепы – крепости Батурин. И Данилыч с честью выполнил это поручение, разрушив укрепления и захватив провиантские и военные припасы.

При Полтаве Меншиков командовал русской кавалерией и ему принадлежит огромная заслуга в разгроме шведов. В ходе сражения под Меншиковым было убито три лошади. А после того, как шведы были обращены в бегство, он возглавил преследование неприятеля и настиг его на берегу Днепра у Переволочны. В итоге, несмотря на спасение Карла XII, в плен к нему попали генералы Левенгаупт, Шлипенбах, Крейц и другие высшие шведские офицеры. За свои подвиги в Полтавском сражении Меншиков был удостоин (вторым в русской истории, первым был Шереметев) чина генерала-фельдмаршала и ему были пожалованы огромные земельные владения вокруг городов Ямполь и Почеп с большим количеством крепостных.

Обласканный царем, Александр Данилович был наделен всеми титулами, которые существовали к тому времени в России (и не только): Светлейший князь, действительный тайный советник, фельдмаршал Российской империи и рейхсмаршал королевства Пруссии, первый генерал-губернатор Санкт-Петербурга и первый президент Военной коллегии, герцог Ижорский, кавалер многих русских и иностранных орденов, среди которых были Орден Андрея Первозванного, орден Александра Невского, прусский орден Черного орла и польский орден Белого Орла.

Мы уже упоминали о том, что именно Меншиков сыграл главную роль в судьбе Марты Скавронской, ставшей затем императрицей Екатериной. Возможно, в благодарность за это Екатерина на всю жизнь сохранила к Александру Даниловичу искреннюю дружбу и привязанность. А когда пришла к власти, сделала его практически своим соправителем. Сам же Светлейший князь выбрал себе в жены девицу Дарью Михайловну Арсеньеву, которую заприметил при дворе сестры царя Натальи Алексеевны. Свадьба была сыграна в 1706 г. в Киеве. Меншиков оказался хорошим семьянином. В браке у

него родились две дочери и сын. Одна из этих дочерей – Мария – была им впоследствии обручена с Петром II. Сын Александр на четырнадцатом году жизни получил чин обер-камергера. После опалы отца вся семья отправилась вслед за ним в ссылку в Березов, откуда в 1731 г. вернулись лишь младшая дочь и сын. Но об этом позже.

Однако же эта, можно сказать, образцовая биография одного из выдающихся сподвижников царя-реформатора полна парадоксов. Так, изучив за время своих путешествий по Европе иностранные языки (Меншиков сносно изъяснялся по-голландски и по-немецки), он до конца своих дней так и не научился читать и писать по-русски. Удивительно, но по отзывам современников собственноручно он умел ставить лишь свою подпись. В остальном он пользовался услугами секретаря. При этом, будучи неграмотным, он уважительно относился к науке и был первым русским человеком, который в 1714 г. был удостоин чести стать членом Королевского общества Великобритании. В его архиве сохранилось письмо, извещавшее об этом Светлейшего князя, подписанное сэром Исааком Ньютоном.

При незаурядном уме, цепкой памяти, способности держать в голове детали многочисленных указаний и обязанностей, Меншиков был не лишен тщеславия, властолюбия, высокомерия. С теми, кто беспрекословно исполнял его волю, Александр Данилович был щедр, милостив и великодушен. Он прощал их ошибки и даже брал под защиту в случае совершения некоторых мелких проступков. Однако же тех, кто пытался ему перечить, он не щадил и был крайне мстителен. При этом Светлейший князь не был особо щепетилен в выборе средств для устранения конкурентов.

Любил он и роскошь. Получив от царя в подарок по итогам Северной войны одиннадцатую часть земель, отвоеванных у шведов в устье Невы и на побережье Финского залива, Меншиков решил обустроить там свою резиденцию. Благо, став с 1703 г. Санкт-Петербургским генерал-губернатором, он нуждался не только в собственном доме в новой столице, но и в соответствующем его должности присутственном месте. В итоге на берегу Васильевского острова под руководством архитекторов Д. М. Фонтаны и Г. И. Шеделя развернулось боль-

шое строительство. К 1714 г. основные работы были закончены и первый каменный дворец Северной столицы предстал перед изумленным взором ее немногочисленных обитателей и гостей. Сегодня он широко известен как Меншиковский дворец. Такого великолепия и художественной отделки на берегах Невы еще не видели. Поэтому за неимением в столице других общественных присутствий подобного уровня, дом Светлейшего князя использовался для многочисленных государственных и придворных церемоний. Здесь проводили приемы иностранных послов (Петр I не случайно именовал Меншиковский дворец «Посольским домом»), пиры и ассамблеи. Именно здесь состоялась русская часть свадебных торжеств царевича Алексея и принцессы Шарлотты Вольфенбиттельской, будущей императрицы Анны Иоанновны и герцога Курляндского, а также бракосочетание «князя-папы» Никиты Зотова и много других значимых мероприятий. У Меншикова была лучшая в столице кухня, роскошный выезд, большая свита (в 1717 г. она насчитывала 47 человек, из которых только денщиков было 19 человек), огромный штат слуг и целый оркестр, состоявший из иностранных музыкантов. Сам он был всегда очень модно и дорого одет.

Находясь на вершине власти, Александр Данилович не особенно различал собственный и государственный карман. Он был богатейшим человеком страны (не считая самого императора, конечно). Историки дотошно подсчитали его ежегодный доход. Так вот, в 1727 г. он составлял астрономическую по тем временам сумму в 1 300 000 рублей. Я здесь не буду перечислять другие источники его благосостояния. И при этом он был одержим манией стяжательства.

Если в начале карьеры он еще боялся запятнать свою честь перед государем, то позже стал менее щепетилен. До поры до времени эти «шалости» Светлейшего князя не выходили за пределы царского дворца. Пойманный за руку, он неоднократно обращался за заступничеством к Екатерине… и его регулярно получал. На одном из ходатайств жены, в котором она просила простить Данилыча за очередную махинацию, Петр собственноручно начертал: «Меншиков в беззаконии зачат, во грехах родила мать его и в плутовстве скончает живот свой, и если не исправится, то быть ему без головы». Это не мешало

царю ценить деловые и управленческие качества своего сподвижника. Известно, что после смерти Лефорта в 1699 г. царь произнес знаменательную фразу, имея в виду Меншикова: «Осталась у меня одна рука: вороватая, но верная».

Вместе с тем, масштабы хищений Меншикова росли, и в какой-то момент даже императору стало неудобно покрывать его. В 1710 г. по приказу государя была образована специальная канцелярия, которая занялась незаконными махинациями Меншикова, а вместе с ним и других высокопоставленных чиновников. Согласно отчету этой канцелярии, официальный долг Светлейшего князя казне составлял 144 788 рублей и еще за 1 018 237 рублей подрядных денег, имевших признаки хищения, он должен был отчитаться. Меншиков не соглашался с выводами ревизоров, предъявлял встречные претензии и контрдоводы – в общем, как всегда, в Российском государстве. Следствие тянулось. Долг рос. К 1718 г. он уже составил 1 620 177 руб., а за 285 107 руб. сверх означенной ранее суммы от него ждали объяснений. Наконец, в мае того же года всплыли факты незаконного присвоения Светлейшим князем земельных владений в районе города Почепа. Дело дошло до Сената. В Почеп дважды отправлялись дознаватели и межевики, но все они, как один, выгораживали царского фаворита. Есть большие подозрения, что Данилыч щедро оплачивал эти услуги. В конце концов, от Меншикова отвернулся весь Двор. На именины его жены в 1720 г. к нему во дворец демонстративно никто не пришел. Вот тогда-то Меншиков всерьез испугался. По отзыву прусского посла в Санкт-Петербурге, он от страха совсем осунулся и даже заболел. В конце-концов ему удалось вернуть благорасположение царя, но только после того, как он пошел на попятную и вернул ограбленным им землевладельцам их имущество.

В критический момент междуцарствия, не желая потерять все, часть петровских соратников, забыв о своих былых обидах, сплотилась вокруг Меншикова, и он не подвел. Вероятно, это именно Меншиков спланировал и со свойственной ему энергией провел первый дворцовый переворот. Императрицей стала Екатерина. А он встал у кормила государственной власти. Однако те, кто стоял за его спиной, очень скоро пожалели об этом своем выборе.

Лишившись в лице почившего монарха единственного сдерживающего фактора в своей мании стяжательства и тщеславия, и располагая полным доверием императрицы, Меншиков дал волю своим порокам. Первым делом он добился не только снятия всех обвинений в незаконном расходовании средств, но и отмены гигантского штрафа в сотни тысяч рублей, который он должен был уплатить в казну. Но это было только начало. В порыве неуемного тщеславия он добился получения чинов адмирала и генералиссимуса (с соответствующим содержанием, конечно – *Д.Г.*), а также домогался получения титула владетельного герцога Курляндии (и добился-таки своего − *Д.Г.*)

Эти шаги Светлейшего князя сочетались с пренебрежительным отношением к официальным органам власти империи. Сенаторов возмущало, что на заседаниях он заставлял их часами обсуждать вопросы, по которым он вместе с императрицей давно уже все решил. В итоге очень быстро его прежние соратники объединились с противниками, и уже вместе противостояли Меншикову в Сенате. Дело чуть не дошло до бойкота сенаторами заседаний высшего законодательного органа империи.

Не желая обострять конфликт, Александр Данилович по совету своих ближайших сторонников А. И. Остермана и бывшего секретаря Петра I Алексея Макарова выступил инициатором создания нового высшего правительственного органа – Верховного тайного совета, которому должны были быть подчинены и Сенат, и коллегии. Формально председательствовать в этом новом органе власти должна была сама императрица. Это обстоятельство позволяло Меншикову, обладавшему неограниченным влиянием на нее, надеяться на сохранение своей ведущей роли в новой конструкции власти. Противники же Светлейшего князя полагали, что создание Совета и присутствие на его заседаниях императрицы, обязанной подписываться под всеми его решениями, поможет обуздать чрезмерное честолюбие Александра Даниловича. 2 февраля 1726 г. был обнародован указ об учреждении Верховного тайного совета и о составе его членов. В него вошли: А. Д. Меншиков, глава Тайной канцелярии П. А. Толстой, канцлер Г. И. Головкин, вице-канцлер А. И. Остерман, действи-

тельный тайный советник Д. М. Голицын и генерал-адмирал Ф. М. Апраксин.

Однако, хрупкий компромисс придворных партий оказался непродолжительным. В начале 1727 г. Екатерина неожиданно заболела и это вновь обострило вопрос о престолонаследии. Опасаясь неминуемой опалы в случае смерти своей покровительницы, Меншиков решился на совершенно беспрецедентную (и, добавим от себя, бессовестную) в глазах окружающих придворную интригу. Он стал склонять императрицу к согласию на брак внука Петра – цесаревича Петра Алексеевича с его дочерью Марией.

Эти намерения Меншикова вызвали активное сопротивление со стороны всех членов Верховного тайного совета. Более того, бывшие сторонники Светлейшего князя П. А. Толстой, И. И. Бутурлин и А. И. Девиер выступили с идеей возвести на престол после кончины действующей императрицы кого-то из ее дочерей (Анну или Елизавету). Столкнувшись с этой оппозицией, Меншиков решил ни больше ни меньше, как немедленно убрать с дороги инициаторов данного плана, пока Екатерина не отошла в мир иной.

В апреле 1727 г. по его приказу был арестован Девиер, затем Толстой, Бутурлин и их предполагаемые сообщники. Для проведения следствия был образован Учрежденный суд в составе канцлера Головкина, князя Голицына, генерал-лейтенантов Волкова и Дмитриева-Мамонова, а также обер-коменданта Санкт-Петербурга бригадира Фамицына. Следователи выбивали показания из арестованных под пытками. Девиера пытали девять раз, Бутурлина два, Толстого единожды. Естественно, были получены «доказательства» причастности означенных лиц к действиям, «направленным к великому возмущению». В итоге Девиера и Толстого приговорили к смертной казни, а Бутурлина к лишению чинов и званий и ссылке. Другие «сообщники» получили более мягкие наказания. Однако, за несколько часов до своей смерти, 6 мая 1727 г. Екатерина подписала указ о смягчении участи осужденных: П. А. Толстого предписано было сослать на Соловки, Девиера – в Сибирь, а Бутурлина – в деревню, оставив за ним его владения. Приговор был приведен в исполнение 27 мая того же года уже после смерти императрицы.

Последние месяцы жизни Екатерину также мучал вопрос о наследнике престола. С одной стороны, в обществе были сильны настроения в пользу избрания на престол внука Петра Великого цесаревича Петра Алексеевича. С другой, есть свидетельства, что сама императрица хотела бы видеть на троне после себя одну из своих дочерей – Анну или Елизавету. Зная об этих терзаниях Екатерины, вездесущий вице-канцлер А. И. Остерман составил проект династического брака между Петром Алексеевичем и Елизаветой Петровной. Как полагал автор проекта, такая комбинация примирит стоявшие за каждым из этих кандидатов придворные партии и даст стране политическую стабильность. Однако, этот план оказался неосуществим в связи с тем, что русская православная церковь выступила категорически против брака между ближайшими родственниками.

Когда провал замыслов Остермана стал очевиден, Меншиков, взвесив все за и против, решительно занял сторону Петра Алексеевича и умножил свои усилия с целью заставить немощную императрицу благословить планируемый им брак наследника со своей дочерью. И таковое благословление было получено!

Дальнейшее было делом техники. Когда императрица совсем занемогла, для решения вопроса о престолонаследии во дворце собрались члены высших правительственных учреждений: Верховного тайного совета, Сената и Синода. Приглашены были и гвардейские офицеры. Это совещание решительно настояло на назначении наследником малолетнего внука Петра I − Петра Алексеевича. Под составленным вслед за тем завещанием («Тестаментом») в силу наступившей недееспособности матери-императрицы подпись поставила ее дочь Елизавета Петровна. Согласно этому завещанию на российский престол взошел новый император – Петр II.

Завершая рассказ о правлении императрицы Екатерины I, я хотел бы вкратце перечислить те факты ее правления, которые, несмотря на крайне короткий срок ее пребывания на престоле, все же вошли в российскую историю. Так, в августе 1725 г. в соответствии с предначертаниями почившего императора Петра Великого, начала функционировать Российская Академия наук. В январе того же года из Санкт-Петербурга

была отправлена Первая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Инструкцию для нее также составил покойный император. В 1727 г. произошли незначительные изменения в системе городского самоуправления: городские магистраты были переданы в подчинение воеводам и губернаторам. Незначительно уменьшилась подушная подать и сократилось число бюрократических учреждений. Были отменены казенные монополии и снижены таможенные пошлины на некоторые товары. Эти меры не затрагивали финансовых и экономических интересов государства, но в то же время были призваны несколько сгладить недовольство, вызванное ростом цен на хлеб из-за неурожая 1726 г.

В целом же в правление Екатерины процветали казнокрадство, произвол и злоупотребления. Ни о каких серьезных реформах и преобразованиях речи не было, а внутри Верховного тайного совета шла непрекращающаяся борьба за власть.

Литература

Анисимов Е. В. Россия без Петра. – СПб., 1994.

Анисимов Е. В. Женщины на российском престоле. – СПб, 1998.

Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). – М.: РГГУ, 2001.

Павленко Н. И. Александр Данилович Меншиков. – М.: Наука, 1983.

Павленко Н. И. Екатерина I. Серия ЖЗЛ. – М., Молодая гвардия. 2009.

Павленко Н. И. Страсти у трона. – М, 1996.

Павленко Н. И. Меншиков: Полудержавный властелин. Серия ЖЗЛ. 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2005.

Хоруженко О. И. О происхождении Екатерины I. Европейские монархии в прошлом и настоящем. XVIII-XX вв. – СПб. 2001. – С. 142-146.

РОССИЯ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в. (От Петра II до Анны Иоанновны)

ОПОРНЫЕ ДАТЫ:

1727 – 1730	Правление императора Петра II
1727	Опала и ссылка Меншикова
1730 – 1740	Правление Анны Иоанновны
1730	Создание новых гвардейских полков – Измайловского и Кавалергардского
1731	Отмена петровского Указа о единонаследии
1732	Открытие Императорского сухопутного шляхетского кадетского корпуса в Санкт-Петербурге
1733 – 1743	Великая Северная экспедиция
1733 – 1735	Война за польское наследство
1735 – 1739	Русско-турецкая война
1736	Сокращение до 25 лет срока службы в армии для дворян
1736	Указ о прикреплении работных людей к заводам
1740	Заговор А. П. Волынского

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ТЕРМИНЫ:

Верховный тайный совет; дворцовые перевороты; Кабинет министров; «кондиции»; фаворитизм; Тайная канцелярия; шляхетский кадетский корпус.

Итак, 7 мая 1727 г. на престол был возведен двенадцатилетний Петр II. Опеку над ним до наступления совершеннолетия должен был осуществлять Верховный тайный совет. Правда, члены оного, присутствовавшие при оглашении завещания, были несказанно удивлены, узнав, что по воле покойной императрицы они были обязаны всемерно содействовать к обручению Петра Алексеевича с одной из дочерей князя Меншикова, а затем по достижении совершеннолетия содействовать и их браку. С одной стороны, такой пассаж свидетельствовал о том, чьей волей направлялась длань умирающей императрицы. Но, с другой стороны, обозначенное в завещании право на престол внука Петра Великого для всех в России было бесспорно и вступило в законную силу.

С самого своего рождения 12 октября 1715 г. Петр II Алексеевич с одной стороны оказался сиротой (мать его умерла при родах), а с другой − стал заложником взаимоотношений своего великого деда и собственного отца. Царевич Алексей, который, как известно, неприязненно относился к преобразованиям родителя, словно насмехаясь над желанием последнего иметь европейски образованных наследников, приставил к сыну двух всегда пьяных «мамок» из Немецкой слободы, которые, по слухам, чтобы меньше возиться с царственным младенцем, поили его вином, от которого тот засыпал. А в 1718 г. после смерти отца Петр Алексеевич стал полным сиротой. Правда, тогда дед обратил на него внимание, прогнал нерадивых «мамок» и заменил их двумя учителями: Семеном Афанасьевичем Мавриным и Иваном Алексеевичем Зейкиным. Первый должен был обучать малолетнего царевича истории, географии и математике, а второй – латинскому и немецкому языкам. Известно, что Петр как-то проверил знания внука и пришел в ярость. Тот вовсе не умел объясняться по-русски, немного знал немецкий язык и латынь, но гораздо лучше – «татарские ругательства». Император тогда выместил свою злость на учителях: он самолично поколотил Маврина и Зейкина своей тростью, однако дать внуку более стоящих наставников не успел.

Во время болезни деда Петр Алексеевич познакомился со своим ровесником, представителем родовитого клана Долгоруковых Иваном Долгоруковым, ставшим впоследствии его фаворитом. Петр Алексеевич стал часто посещать дом Дол-

горуковых, в котором собиралась столичная молодежь из старинных знатных родов. Там же он познакомился со своей теткой - Елизаветой Петровной. Утверждают, что несколько позже он даже по-юношески увлекался своей молодой тетушкой, что позволило А. И. Остерману составить проект их династического брака. Проводя время в кампании новых друзей, юный наследник в итоге так и не получил достойного своей будущности образования.

Начало царствования Петра II было ознаменовано всесилием и всевластием А. Д. Меншикова. Он безраздельно руководил действиями малолетнего императора, распоряжался в Верховном тайном совете и опять дал волю своим известным порокам: указом императора подтвердил уже состоявшееся назначение себя генералиссимусом и адмиралом. Затем он позаботился о том, чтобы изолировать наиболее опасных, как ему казалось, недоброжелателей. Так, герцогине Миттавской Анне Иоанновне было запрещен приезд в Россию для участия в коронационных торжествах ее племянника. Анна Петровна со своим мужем герцогом Голштейн-Готтропским, наоборот, вынуждена была покинуть Россию. Из Коммерц-коллегии под благовидным предлогом был удален ее президент, давний недруг Меншикова Петр Шафиров и т.п. Дабы еще больше приблизить к себе императора, Светлейший князь 17 мая 1727 г. перевез его в свой дворец на Васильевском острове. Там 25 мая того же года в присутствии всего Двора произошло обручение одиннадцатилетнего Петра II с шестнадцатитлетней дочерью Меншикова Марией[1]. Она получила титул «Ее императорское высочество» и… годовое содержание в 34 000 рублей.

Непосредственную же опеку над малолетним монархом, Светлейший князь поручил заботам своего ближайшего помощника А. И. Остермана. Однако тот, будучи непревзойденным мастером придворных интриг, затеял собственную игру. С одной стороны, он рекомендовал своему патрону в отношениях с Петром прибегать к методам принуждения, а с другой – под-

[1] Пикантность этой ситуации заключается в том, что к этому моменту Мария Меншикова была обручена с сыном Великого гетмана Литвы Петром Сапегой. Невзирая на чувства Марии и Петра, под давлением отца невесты помолвка была расторгнута, а Сапега в качестве «утешительного приза» женился на племяннице императрицы Екатерины I графине Софье Скавронской.

держивал и культивировал в своем подопечном охлаждение и недоверие к своему будущему тестю.

Наконец, не желая окончательно ссориться с партией родовитых аристократов, Меншиков не противился дружбе Петра II с Иваном Долгоруковым. И Долгоруковы не упустили своего шанса. Они поощряли юного царя к охоте, пьянству, карточной игре, порочным увеселениям, всячески пытаясь помешать ему общаться с Меншиковым, настраивая императора против него и навязываемой ему невесты. В какой-то момент Долгоруковым при содействии Остермана удалось извлечь из архива следственное дело царевича Алексея и показать его Петру II. Ознакомившись с ним, император был потрясен циничным отношением судей к искренним, по его мнению, признаниям покойного отца. После этого он велел перевезти двор и свою резиденцию из дома Меншикова в Петергоф и запретил выдачу кому-либо казенных средств на любые цели без особого на то императорского распоряжения. В конечном счете, потеряв опору в глазах юного монарха, Александр Данилович по решению Верховного тайного совета 8 сентября 1727 г. был арестован. 10 сентября Верховный тайный совет издал распоряжение об опечатании документов канцелярии Меншикова, изъятии находившихся у него казенных сумм и драгоценных камней.

Его огромное состояние было конфисковано. Примечательно, что дознаватели, пунктуально описывавшие арестовываемое имущество, обнаружили у него: крестьянских душ 90 тысяч, городов – 6, наличных денег – 4 млн. руб., ценных бумаг и активов в зарубежных банках на 9 млн. руб., драгоценностей на 1 млн. руб., золотой посуды – 105 пудов и большое количество столового серебра, вес и цена которого в виду его «незначительности» по сравнению с предыдущим списком не указаны. Затем последовало лишение Меншикова всех его званий, титулов и наград. По отзывам современников, Александр Данилович перенес это испытание стоически, возмутившись лишь раз, когда его лишили ордена Андрея Первозванного. «Уж его-то я заработал честно!» − сказал он срывавшему с него награды майору Салтыкову.

Первоначально местом ссылки Меншикова было определено его имение в городе Раненбурге (ныне Чаплыгин), куда он

вместе с семьей был доставлен под конвоем 11 сентября. Но и в новой для себя жизненной ситуации Светлейший князь не пал духом и продолжил борьбу. Негласный надзор, установленный за ним, перехватывал массу писем, которые арестант отправлял разным корреспондентам. Некоторые из них были адресованы сенаторам, чиновникам разных ведомств, офицерам гвардейских полков и пр. Кроме того, жена Меншикова с детьми несколько раз тайно приезжала в Петербург и слезно на коленях просила хоть малейшего помилования. Но Петр II был холоден к этим мольбам. 4 апреля 1728 г. был подписан указ о ссылке семьи Меншикова в острог Березов Тобольской губернии (выстроенный еще при Борисе Годунове), который находился на берегу реки Сосьвы. Меншиковы отправились в дальний путь. В 1728 г., не доехав до места ссылки, в 12 верстах от Казани скончалась жена Александра Даниловича Дарья Михайловна. Прибыв в Березов в июле того же года, опальный князь сначала поселился в остроге, но затем с восемью последовавшими за ним слугами сам построил себе дом и небольшую церквушку. Как он говорил знавшим его людям: «С простой жизни начинал, простой жизнью и закончу». Дети Меншикова в ссылке были вынуждены самостоятельно заниматься хозяйством: Мария − стряпней на кухне, Александра – стиркой белья.

Александр Данилович Меншиков умер 12 ноября 1729 года в возрасте 56 лет от апоплексического удара. Чуть позже, 26 декабря 1729 года, от оспы (в Сибири бушевала эпидемия) скончалась его старшая дочь Мария. Их похоронили у алтаря церкви, построенной руками опального князя. Могила эта до наших дней не сохранилась, потому что была смыта рекой Сосьвой во время одного из паводков. В 1730 г. последовало всемилостивейшее разрешение детям Меншикова вернуться из ссылки. Когда его сын и младшая дочь вернулись в Санкт-Петербург, на русском престоле была уже Анна Иоанновна. Она частично вернула Меншиковым конфискованные владения и права состояния. В дальнейшем Александра стала женой всесильного временщика и фаворита Анны Иоанновны Эрнста Бирона, а сын Меншикова (тоже Александр) сделал военную карьеру и дослужился до генерал-аншефа.

После падения Меншикова молодой царь первым делом 19 сентября 1727 г. провозгласил себя императором с неогра-

ниченными полномочиями и в этот же день публично расторг свою помолвку с дочерью Меншикова Марией. У неё был отобран обручальный перстень. В дальнейшем Петр II делил свои симпатии между Остерманом и Долгоруковыми. Последние продолжали потворствовать любым прихотям молодого царя. Соперничество за влияние на царя привело к ссоре между фаворитами. Чтобы примирить их, Петр II поручил Остерману вести государственные дела, а заботу о своей персоне вверил Долгоруковым.

Стремясь закрепить свою победу в придворной борьбе и получить поддержку армии, члены Верховного тайного совета кооптировали в его состав двух фельдмаршалов – М. М. Голицына и В. В. Долгорукова. В итоге в высшем правительствующем органе страны кроме А. И. Остермана и Г. И. Головкина заседали две олигархические семьи: родные братья Дмитрий Михайлович и Михаил Михайлович Голицыны и четверо Долгоруковых – Василий Лукич, Василий Владимирович, Алексей Григорьевич и его сын, наперсник императора Иван Алексеевич.

Численное превосходство в этом раскладе имели Долгоруковы. Они этим активно пользовались. Ни о какой продуманной государственной политике и решении стоящих перед государством задач в этих условиях не могло быть и речи. Демонстративное стремление вернуть страну к старым, допетровским временам внешне выразилось в переезде Двора в Москву и подчеркнутом пренебрежении к Санкт-Петербургу. Стремясь минимизировать реальное участие молодого императора в управлении государством и контроле над ними, «верховники» всячески поощряли увлечение царя охотой и приверженность разным развлечениям. Дело дошло до того, что члены дипломатического корпуса вынуждены были составить официальную жалобу в Сенат, где подчеркивалось, что с февраля 1728 г. по ноябрь 1729 г. (т.е. 21 месяц) император 8 месяцев (243 дня) провел на охоте.

А с некоторых пор отец и сын Долгоруковы частенько возили Петра II в свое родовое подмосковное имение Горенки, в общество семнадцатилетней дочери Алексея Григорьевича (и сестры Ивана Алексеевича) Екатерины. Она и была объявлена 19 ноября 1729 г. невестой четырнадцатилетнего самодерж-

ца. Торжественное их обручение состоялось 30 ноября того же года. Казалось, что ничто не сможет остановить семейство Долгоруких, преуспевших в той комбинации, которую в свое время замышлял А. Д. Меншиков в отношении Петра и своей дочери. Но судьба распорядилась иначе. Во время очередной охоты накануне свадьбы, император простудился, заболел ветряной оспой. 17 января 1730 г. после парада в честь водосвятия на Москве-реке у него начался жар, он слег и скончался практически в день торжества бракосочетания 19 января[2].

Видя, что их план срывается, Долгоруковы предприняли отчаянную попытку удержать власть. Они решились на составление подложного завещания императора, согласно которому он завещал престол не кому-нибудь из числа законных наследников, пусть даже и по женской линии, а своей «государыне-невесте» Екатерине Долгоруковой. Однако подписать у умиравшего царя этот «документ» они уже не сумели, и позже именно он послужил главным поводом для жестокой расправы над ними.

Сразу после смерти императора, члены Верховного тайного совета собрались в «особую камору» в Лефортовском дворце, рядом с покоями почившего монарха, и заперлись на ключ. Их было четверо: канцлер граф Г. И. Головкин, князь Д. М. Голицын и князья А. Г. и В. Л. Долгоруковы. Вице-канцлер барон Андрей Остерман, несмотря на настойчивые приглашения, хотя и находился во дворце, но уклонился от обсуждения. Первым делом Долгоруковы предъявили поддельное завещание, но были осмеяны Д. М. Голицыным, который на правах старшего вел это собрание. План Долгоруковых с треском рухнул.

В качестве альтернативы плана Долгоруковых из небытия был извлечен «Тестамент» Екатерины I, о котором мы упоминали на прошлой лекции и в котором, предусматривалась возможность смерти Петра II при отсутствии у него наследников. В этом случае, в соответствии с посмертными распоряжениями императрицы, власть должна была быть передана кому-либо из ее дочерей: Анне или Елизавете. Однако, Анна Петровна (герцогиня Голштейн-Готтропская) к тому времени уже умерла (1728 г.), а ее наследник Карл-Петр-Ульрих (будущий русский импера-

[2] Петр II является последним русским монархом, который похоронен в Архангельском соборе Московского кремля.

тор Петр III) находился в младенческом возрасте. Что касается младшей дочери первого русского императора – цесаревны Елизаветы, то формально она имела право на престол. Но учитывая юность, политическую неопытность цесаревны и отсутствие каких-либо властных амбиций, верховники решили просто отстранить ее от власти. Кроме того, почувствовав себя хозяевами положения, они решили, что сложившаяся ситуация благоприятна для того, чтобы трансформировать существующий политический строй в какую-то форму аристократической олигархии. Однако же сделать они это хотели не с помощью легитимной реформы государственного порядка, а используя привычные практики келейных договоренностей и джентельменских соглашений. Поэтому им понадобилась такая кандидатура на пустующий императорский трон, которая при видимой законности, по сути, была бы игрушкой в их руках.

Для реализации этого плана по предложению Д. М. Голицына Верховный тайный совет принял следующие решения:

− считать что у императора Петра Великого более не существует законных наследников, поскольку все его прямые потомки по мужеской линии умерли, а по женской оставшаяся в живых цесаревна Елизавета была рождена матерью своей Мартой Скавронской до того, как она стала законной супругой государя и стала императрицей Екатериной Алексеевной;

− «завещание» императора Петра II в пользу «нареченной государыни-невесты» не считать законным из-за имеющихся серьезных признаков его фальсификации;

− дочери царя Ивана V Екатерина и Анна сохраняют за собой права на российский престол;

− поскольку Екатерина Иоанновна находится в законном браке с герцогом Мекленбургским, подписав в официальном брачном контракте отказ от претензий на русский престол, то наиболее достойной кандидатурой на него является вдовствующая бездетная герцогиня Курляндская Анна Иоанновна;

− чтобы «себе полегчить и воли себе прибавить» надлежит с будущей императрицей подписать соглашение о полномочиях, которые она соизволит передать Верховному тайному совету.

Принимая в целом эту программу, разработанную Голицыными, клан Долгоруковых в лице А. Г. Долгорукова пытался

протестовать против кандидатуры Анны Иоанновны, однако, безуспешно, и означенные выше предложения были полностью приняты.

На следующий день Д. М. Голицын и В. Л. Долгоруков составили перечень условий, на которых Анна Иоанновна могла принять из рук верховников корону Российской империи. Они были настолько обширны и всеобъемлющи, что императрице в проектируемой системе власти оставалось только занимать трон. Без санкции Верховного тайного совета ей запрещалось: вступать в брак, назначать наследника, издавать новые законы, начинать к кем-либо войну или заключать мир, вводить новые налоги, производить траты государственных средств, не жаловать никого чинами выше полковника, не жаловать вотчины и деревни, и самолично ни чинов, ни имений ни у кого не конфисковывать. Кроме того, ей вменялось в обязанность содержать Верховный тайный совет в составе восьми персон. Подстраховались верховники и на случай очередного переворота. Гвардии и прочим войскам, предписывалось подчиняться не императрице, а Верховному тайному совету. В заключение этого списка следовала многозначительная приписка: «А буде чего по сему обещанию не исполню, то лишена буду короны российской». В российскую историю этот знаменательный документ вошел под названием «Кондиции Анны Иоанновны».

Здесь нам следует прерваться, чтобы прокомментировать хотя бы в нескольких словах оценки этого документа, бытующие в русской историографии. Несмотря на то, что олигархический и откровенно шкурный замысел верховников был ясен уже их современникам и это послужило причиной резкого неприятия кондиций со стороны значительной части дворянства (что в конечном счете и привело к власти Анну Иоанновну в качестве самодержавной императрицы), часть довольно известных людей в прошлом, да и настоящем, полагали что кондиции были неудавшейся попыткой введения в России конституционно-демократической монархии. Среди таких авторов, например, был упоминавшийся мною ранее М. М. Щербатов, который в памфлете «О повреждении нравов в России» оценивал попытку «верховников» как «великое намерение». Он пишет: «Ежели бы самолюбие и честолюбие оное не помрачило,

то есть учинить основательные законы государству и власть государеву сенатом или парламентом ограничить». В наше время с подобными идеями выступали известный общественный деятель недавнего прошлого В. И. Новодворская, считавшая, в частности, что «Это была великая попытка, потому что они (верховники – *Д.Г.*) планировали, по сути дела, сочетание польских политических традиций с английскими... Это могло бы ускорить «конституционное» развитие России. Вы помните, почему это не вышло, да? Потому что помешали гвардейские полки. Они завопили что хотят самодержавия, что не хотят, чтобы между ними и «царицей-матушкой» был еще кто-то. Подобные взгляды развивал и писатель Я. Гордин в своей работе «Меж рабством и свободой» и ряд других авторов.

Примечательно, что все, кто когда-либо отстаивал данную точку зрения не являются профессиональными историками. М. М. Щербатов увлекался историческими штудиями с явной целью повлиять на текущую политику, В. И. Новодворская любила экскурсы в историю по той же причине, а Я. Гордин, хотя и пишет книги исторического содержания, не является при этом профессиональным историком. Профессионалы же так вопрос не ставят. Связано это с тем, что изучение биографий авторов «Кондиций» не позволяет их причислить ни к миру просветителей, ни к людям, искренне разделявшим (или хотя бы знакомым) с набиравшими популярность в Европе идеями теории естественного права и общественного договора. Поэтому специалисты вот уже полтора века дискутируют не столько о том, можно ли считать «верховников» отцами русской демократии, сколько о том, была ли политика всех многочисленных наследников Петра продолжением его реформаторского курса, необходимым отступлением от него или же своего рода эпохой контрреформ, обусловленных желанием вернуться в допетровские реалии. Что же касается современников этих событий, то в этой связи чаще всего вспоминают слова известного царедворца времен царствования Анны Иоанновны А. П. Волынского, который, по слухам, узнав о кондициях, сказал: «Боже сохрани, чтоб не сделалось вместо одного самодержавного государя десяти самовластных и сильных фамилий: и так мы, совсем пропадем и принуждены будем горше прежнего идолопоклонничать и милости у всех искать...».

И сами верховники прекрасно понимали, что их проект вызовет, мягко говоря, противоречивые чувства. Об этом говорит тот факт, что текст «Кондиций» так никогда ими не был опубликован. Поэтому, когда слухи о существовании этого документа распространились среди дворянства, то о его содержании заинтересованные лица не из числа членов Верховного тайного совета могли лишь догадываться. Они вызвали противоречивую реакцию в дворянском обществе. С одной стороны, появились альтернативные проекты «Кондиций», но с другой – стала оформляться оппозиция грядущей политической конструкции.

Между тем, заговорщики свои действия ни с кем не согласовывали, хотя в переговорах с Анной Иоанновной и выдавали содержащиеся в «Кондициях» условия за требование всего народа. Их расчет заключался в том, что сначала новая императрица утвердит условия, а уж затем все остальные россияне будут поставлены перед свершившимся фактом.

Несколько слов хочу сказать и о самой Анне Иоанновне. Она родилась в 1693 г. и была четвертой дочерью старшего брата Петра Великого Ивана Алексеевича и его жены царицы Прасковьи Федоровны. До смерти Ивана Алексеевича семья жила в Кремле, а затем переехала в одну из царских загородных резиденций – село Измайлово. В период пребывания там вдовствующей царицы, Измайлово оставалось островком старой России, которого не затронули бурные преобразования царя Петра. Двор ее составлял две с половиной сотни стольников, а обслуживали покои царицы и царевен десятки слуг, мамок, нянек и приживалок. По отзывам современников, царица Прасковья не конфликтовала с Петром и сумела сохранить с ним довольно хорошие отношения. Правда, сам царь не жаловал свою сноху, называя за глаза ее Измайловский двор «гошпиталем уродов, ханжей и пустосвятов».

Программа образования Анны Иоанновны (как и других дочерей царя Ивана Алексеевича) включала изучение арифметики, азбуки, французского и немецкого языков и танцев. Известно, что немецкий язык им преподавал брат будущего вице-канцлера А. И. Остермана Иоганн Христиан Дитрих Остерман, а французский язык и танцы – француз Стефан Рамбург. В 1709 г. после «Полтавской виктории» по желанию Петра Прасковья Фе-

доровна с дочерьми перебралась в Санкт-Петербург. Ее двор разместился в специально выделенном под эти цели дворце на Московской стороне в районе нынешнего Смольного.

Тем временем русские войска продолжали теснить шведов по всей Прибалтике и, после взятия Риги в 1710 г., вышли на границы Курляндского герцогства. Затем, продолжая наступление, русская армия заняла его. Вообще, к тому моменту Курляндия (территория, составляющая ныне западную часть Латвии) находилась в вассальной зависимости от Речи Посполитой. Положение герцогства было сложным. В ходе Северной войны оно было оккупировано шведами. Номинальный глава герцогства, владетельный герцог Фридрих Вильгельм с 1701 г. пребывал в изгнании в Данциге. В придворных кругах Речи Посполитой периодически возникали идеи о ликвидации герцогства и разделе его территории на воеводства и поветы. Дядя герцога Фридриха-Вильгельма, прусский король Фридрих-Вильгельм I тоже лелеял замыслы присоединить герцогство к своим владениям. Ну а после изгнания шведов Курляндия оказалась занятой уже русскими войсками. В связи с этим Петр I также оказался небезучастным к судьбе герцогства. И она решилась в октябре 1709 г. во время встречи Петра с прусским королем Фридрихом Вильгельмом I в Мариенвердере. На волне растущей и вполне осязаемой военной мощи страны царю удалось получить от короля согласие на брак юного герцога с одной из представительниц русской царствующей фамилии. Выбор пал на потомство брата Петра царя Ивана V. Точную кандидатуру Петр предложил выбрать самой царице Прасковье, которая назвала в качестве таковой Анну.

Новоявленная невеста не блистала красотой. У неё была крупная фигура с большой грудью и длинными красными руками. Лицо ее было изъедено крупными оспинами – следствие перенесенной в детстве ветрянной оспы. Не удивительно, что за глаза царские вельможи, приглашенные на свадебные торжества, называли ее «царицей престрашного зраку».

Свадьбу сыграли 31 октября 1710 г. в Петербурге, во дворце князя Меншикова, а на следующий день там же был дан свадебный пир. Через два месяца 8 января 1711 г. молодые отправились в Курляндию. Едва выехав из Петербурга в свои владения, герцог Фридрих-Вильгельм скончался на Дудер-

гофской мызе 10 января 1711 г. По общему мнению современников, к которым присоединяются современные историки, смерть наступила в результате невоздержанности герцога в еде и напитках. Официальное медицинское заключение называет в качестве непосредственной причины заворот кишок, а неофициальная версия упирает на острое алкогольное отравление, ибо накануне отъезда молодой герцог позволил себе состязаться в искусстве пития с самим императором всероссийским…

В итоге, Анна Иоанновна вернулась обратно в Санкт-Петербург и лишь год спустя по личному распоряжению Петра прибыла в столицу Курляндии в ранге вдовствующей герцогини. В качестве управляющего при ней в Миттаву[3] был послан П. М. Бестужев-Рюмин, получивший инструкции, не стесняясь в средствах, обеспечить доходы для содержания двора герцогини, а если будет нужно, то даже просить вооруженной помощи у рижского коменданта. Находясь неотлучно при Дворе Анны Иоанновны, этот царедворец стал вдобавок и ее фаворитом. Когда его связь с вдовствующей герцогиней стала известна, он был отозван из Миттавы. После этого Анна Иоанновна, поубивавшись с полгода, увлеклась внебрачным сыном союзника Петра Великого по Северному союзу польского короля Августа Сильного Морицем Саксонским. Несмотря на то, что Мориц даже сделал герцогине официальное предложение руки и сердца и получил ее согласие, комбинация эта не удалась из-за позиции А. Д. Меншикова, который после смерти Петра Великого лелеял мечту самому стать владетельным герцогом Курляндии. Вот тогда-то на горизонте Анны Иоанновны замаячила фигура нового фаворита – Эрнста Иоганна Бирона.

Тем временем в Миттаву спешило официальное посольство от Верховного тайного совета в составе князей В. В. Долгорукова, М. М. Голицына и М. И. Леонтьева. Отъезд их был сопряжен с чрезвычайными мерами секретности. Чтобы обеспечить таковые, на границах Москвы были выставлены дополнительные заставы, имевшие приказ всех пускать и никого не выпускать из первопрестольной. 28 января 1730 г. посланцы Верховного тайного совета достигли Миттавы и передали Анне Иоанновне предложения верховников. В тот же день курляндская герцоги-

[3] Миттава (ныне Елгава) – столица герцогства Курляндии

ня подписала предложенный ей документ. 29 января был назначен отъезд новой императрицы в Москву.

А там происходили не менее важные события. Слухи о свершаемом верховниками государственном перевороте все же просочились из-за стен Лефортовского дворца и вызвали у многочисленных представителей дворянства, собравшихся в Москве на похороны Петра II, предсказуемую реакцию. Кое-кто стал собираться в кружки для обсуждения складывающейся ситуации, а кто-то высказывал свое несогласие с действиями инициаторов переворота публично. В отношении них власти активно применяли метод запугивания. Был произведен ряд громких арестов. Так, за решетку угодил один из явных противников «затейки» верховников, соратник Петра, бывший генерал-прокурор Сената П. И. Ягужинский. Однако, это не помогало успокоить ситуацию. Брожение умов в столице продолжались. Все «прожекты» дворянских кружков наталкивались на противодействие Верховного тайного совета, среди самих прожектеров усиливались внутренняя борьба и распри. В этих условиях все большую силу приобретали сторонники восстановления абсолютной монархии, имевшие ясную цель – установление самодержавной власти бесспорного кандидата на престол, самодержицы – Анны Иоанновны. Среди главных идеологов этой концепции были младший сподвижник Петра и известный в будущем историк, географ и государственный деятель В. Н. Татищев и богатейший человек своего времени, бывший губернатор Сибири князь А. М. Черкасский.

15 февраля Анна Иоанновна торжественно въехала в Москву, где войска и высшие чины государства в Успенском соборе присягнули государыне. В новой по форме присяге некоторые прежние выражения, означавшие самодержавие, были исключены, однако не было и выражений, которые бы означали новую форму правления, и, главное, не было упомянуто о правах Верховного тайного совета и о подтвержденных императрицей условиях.

23 февраля сторонники самодержавия собрались в доме князя И. Ф. Барятинского и составили челобитную к Анне с требованием ликвидации Совета, восстановления самодержавия, уничтожения «Кондиций» и восстановления власти Сената. Под текстом челобитной поставили подписи 87 дворян. Затем

текст этой челобитной был согласован с князем Черкасским. Ему и предложили подать ее императрице.

25 февраля 1730 г. на аудиенцию в Кремлевский дворец среди двухсот приглашенных представителей высшего генералитета, сенаторов, родовитого дворянства явился князь Черкасский во главе большой группы сочувствующих дворян и подал Анне Иоанновне челобитную. Текст ее публично озвучил В. Н. Татищев. Этот демарш вызвал ярость у членов Верховного тайного совета. Князь В. Л. Долгоруков набросился на князя Черкасского с обвинениями. Между ними завязалась словесная перепалка. Стоявшие на часах гвардейцы, шумно бряцая оружием, выразили сочувствие изложенным в челобитной требованиям. Выслушав челобитчиков, Анна Иоанновна попросила присутствующих еще раз обсудить свои предложения. А пока суть да дело, пригласила членов Верховного тайного совета на обед. Те не могли отказать императрице и оказались изолированы, не имея возможности выработать ответ на возникшие обстоятельства. После трапезы состоялась вторая аудиенция императрицы. На ней Антиох Кантемир от лица еще одной группы дворян зачитал петицию, в которой дворянство просило Анну Иоанновну «всемилостивейше принять самодержавство таково, каково ваши славные достославные предки имели, а присланные Вашему Величеству от Верховного совета и подписанные Вашего Величества рукою пункты уничтожить». Анна Иоанновна, публично выразив свое удивление, объявила, что члены Верховного тайного совета, вероятно, обманули ее в Миттаве, выдавая «Кондиции» за требование всего народа и тут же, на глазах у всех, надорвала подписанный ею документ, бросив его затем на пол. План верховников рухнул. 1 марта 1730 г. была проведена вторичная присяга на верность Ее Величеству самодержавной императрице Анне Иоанновне.

Вслед за тем начались репрессии против «верховников». Больше всех пострадали князья Долгоруковы. Алексей Григорьевич с женой, сыном Иваном и «государыней-невестой» Екатериной были сосланы в Березов – туда, где до недавнего времени отбывали ссылку Меншиковы и где незадолго до того умерла первая «царская невеста» Мария Меншикова. Алексей Григорьевич скончался там в 1734 г. В 1738 г. против его сына

Ивана было начато новое следствие. В следующем году он был этапирован в Новгород, где в связи с делом о подложном духовном завещании Петра II был приговорен к смертной казни и казнен 8 ноября 1739 г. Екатерина Долгорукова тоже была доставлена в Новгород и заключена в Воскресенский Горицкий монастырь. Пришедшая к власти Елизавета Петровна освободила ее и даже сделала своей фрейлиной. В 1745 г. бывшая «государыня-невеста» вышла замуж за племянника сподвижника Петра Великого Якова Брюса генерал-поручика Александра Романовича Брюса, однако через год после того умерла. Василий Лукич Долгоруков был сослан в Соловецкий монастырь, но после возбуждения следствия по «подложному завещанию» был отправлен в Новгород и казнен вместе с И. А. Долгоруковым. Фельдмаршал Василий Владимирович Долгоруков был сослан в Ивангород, но в связи все с тем же делом был переведен в Соловецкий монастырь. Императрица Елизавета Петровна вызволила его оттуда и даже, вернув звание фельдмаршала, назначила президентом Военной коллегии. В этом качестве он провел несколько улучшений в организации армейской службы и умер в 1746 г.

Голицыны на первых порах избежали опалы. С главным идеологом верховников Дмитрием Михайловичем окружение новой императрицы побоялось расправиться сразу же. Он даже оставался членом вновь восстановленного Сената. Однако политическая карьера его закончилась. Впрочем, в том же 1730 г. он удалился в свое подмосковное село Архангельское. Там он собрал богатейшую (около 6 000 томов) коллекцию книг европейских авторов и вскоре вовсе перестал участвовать в сенатских заседаниях. Несмотря на это, в 1736 г. он был привлечен к суду и приговорен к смертной казни, которая была заменена заключением в Шлиссельбург с конфискацией всех его имений. В январе 1737 г. Дмитрий Михайлович был доставлен к месту заключения, а 14 апреля того же года скончался. В отличие от брата, фельдмаршал Михаил Михайлович Голицын, наоборот, попал в фавор. После провала заговора верховников он просил прощения у новой императрицы и, похоже, получил его. Он не только сохранил свою должность президента Военной коллегии, но и был приближен ко Двору. Однако 10 декабря 1730 г. скоропостижно скончался, по офи-

циальной версии – «от огорчения», а по неофициальной – от несчастного случая, произошедшего с его каретой.

Ну а жизнь царского Двора после восшествия на престол Анны Иоанновны стала стремительно перестраиваться в соответствии с вкусами и пристрастиями новой хозяйки Зимнего дворца. Нравы эти оказались довольно грубыми. В составе Двора появился целый «штат дураков» – придворных шутов. Среди них выделялся воспетый в последней пьесе Григория Горина Иван Алексеевич Балакирев, столбовой дворянин, бывший посыльный Петра Великого, прислуживавший потом Екатерине. После ее известной размолвки с мужем, именно Балакирев под пытками дал показания на Виллима Монса. В итоге Монс был казнен, а Балакирев отделался трехлетней ссылкой в Рогервик (ныне г. Балтийск в Эстонии). После смерти Петра Екатерина вернула его в Санкт-Петербург и определила ко Двору без определенной должности. А при Анне Иоанновне Иван Алексеевич был назначен придворным шутом. В этом качестве он пробыл с 1731 г. до 1740 г., и, кстати говоря, за свои остроты он для острастки частенько оказывался заключенным в застенки Тайной канцелярии. Правда, ненадолго. Затем он удалился в свое имение в г. Касимове и там умер в 1763 г. Многие его шутки и прибаутки вошли в народный фольклор и рассказываются ныне как исторические анекдоты.

Шутами при русском дворе числились также еврей Лакоста (пожалованный еще Петром I «должностью» самоедского короля); постоянный партнер Анны Иоанновны по карточной игре итальянский скрипач Педрилло, внук фаворита царевны Софьи В. В. Голицына Михаил Алексеевич Голицын[4], князь

[4] Биография М. А. Голицына достойна романа. Он родился в 1687 г. в Москве, а уже в 1689 г. после подавления стрелецкого бунта был отправлен вместе с семьей в Каргополь, где вырос и получил неплохое по тем временам домашнее образование под руководством деда – В. В. Голицына. После смерти последнего семья Голицыных была возвращена из ссылки, и Петр даже послал Михаила Алексеевича учиться за границу. После возвращения он находился на военной службе, вышел в отставку в чине майора. В 1729 г., сразу после смерти своей первой супруги, Марфы Хвостовой, Михаил Голицын, оставив в России двух детей, выехал за границу, где принял католичество и женился во второй раз на итальянке. В 1732 г. супруги с малолетней дочерью вернулись в Россию. Здесь они узнали, что государыня весьма строго относится к религиозным вопросам. Поэтому Голицын, тща-

Никита Федорович Волконский и другие, более мелкие персонажи.

Шутовские увеселения и грубые шутки соседствовали с небывалой расточительностью и роскошью Двора. Ярким примером этого может служить сооруженный в 1740 г. по приказу императрицы ледяной дворец для шутовской свадьбы князя М. А. Голицына и царской шутихи камчадалки Авдотьи Буженинновой. Императрица взялась за дело с размахом, создав специальную «Маскарадную комиссию», которой предстояло готовить торжества. На свадьбу приказано было денег не жалеть. Ледяной дворец спроектировал архитектор П. М. Еропкин и академик Российской академии наук Г. В. Крафт, а к оформлению действа (стихотворные оды, рецептура «ночезрительных огней») был привлечен и первый русский академик М. В. Ломоносов. Место для строительства выбрали на Неве между Адмиралтейским и Зимним дворцом на месте нынешнего Дворцового моста. Лед разрезали на большие плиты, укладывали их одну на другую и поливали водой, которая тотчас же замерзала, накрепко спаивая отдельные блоки.

Фасад дома имел длину около 16 метров, ширину 5 метров и высоту около 6 метров. Вокруг всей крыши тянулась галерея, украшенная статуями. Крыльцо с резным фронтоном разделяло здание на две половины. В каждой было по две комнаты: одна – гостиная и буфет, другая – туалет и спальня. В спальне стояли два ледяных зеркала, туалетный стол, несколько подсвечников, большая двуспальная кровать, табурет и камин с ледяными дровами. В гостиной – ледяной стол, два дивана, два кресла и резной буфет с посудой. Перед домом были выставлены шесть ледяных пушек и две мортиры, которые могли производить самые настоящие выстрелы. У ворот установили двух ледяных дельфинов, выбрасывавших из челюстей горящую нефть. На воротах стояли горшки с ледяными растени-

---

тельно скрывая от всех и иностранку-жену, и смену вероисповедания, тайно поселился в Москве. Однако, факт его вероотступничества был вскрыт, сам он вызван в столицу, допрошен, а брак был признан незаконным. Жену Голицына отправили в ссылку, сам он был определен в штат придворных «дураков» по прозвищу «Квасник» т.к. в обязанность ему вменялось обносить гостей императрицы русским квасом. Шутом М. А. Голицын служил вплоть до смерти Анны Иоанновны. Умер он в 1775 г.

ями. На ветках сидели ледяные птицы. По обеим сторонам дома возвышались ледяные пирамиды, внутри которых висели большие восьмиугольные фонари. По правую сторону дома стоял в натуральную величину ледяной слон с ледяным персиянином наверху. По воспоминаниям очевидцев, днем из хобота слона били четырехметровые струи воды, а по ночам – аналогичные струи горящей нефти. Построенный для этой цели (первый в России) нефтепровод был уложен по дну реки и питался нефтью из бочек, установленных во дворе Академии наук.

Сама свадьба состоялась 6 февраля 1740 г. и сопровождалась костюмированным балом-маскарадом и большим стечением приглашенных гостей. Сначала состоялось бракосочетание сиятельного шута с шутихой – обычным порядком в церкви. После чего «свадебный поезд», управляемый канцлером Татищевым, проехал мимо дворца по всем главным улицам города. Молодые ехали в специальной клетке на слоне, который был обут в специально изготовленные для этого теплые «валенки». Следом за ними восьмерка лошадей везла золотую карету с императрицей, затем следовала рота гвардейцев в парадных мундирах, гости и специально доставленные в столицу по два представителя всех племен и народов, проживавших в России, в национальных одеждах и с национальными музыкальными инструментами. Свадьба продолжилась пиршеством и танцами. После бала Голицына и Буженинову отвезли в Ледяной дом и уложили на ледяную постель, приставив караул, дабы новобрачные до утра не вздумали сбежать со своего роскошного ложа.

Но более всего – даже больше шутов – Анна Иоанновна была одержима охотой. Утверждают, что в ее комнате всегда присутствовала пара-тройка штуцеров, которые она любила пускать в ход, стреляя по воронам и галкам из окна дворца. Часто это происходило во время официальных аудиенций к изумлению иностранных послов. В ходе регулярно проводимых придворных охот, императрица также подавала пример подданным. Скажем, только за лето 1739 г. она по официальным данным, настреляла: 9 оленей, 16 диких коз, 4 кабана, 374 зайца и аж 608 уток.

Подобно своим предшественникам, Анна Иоанновна предпочитала управлять страной через своих доверенных лиц –

фаворитов. Собственно говоря, эпоха ее правления вошла в русскую историю под названием «бироновщина» – по имени фаворита императрицы Эрнста Иоганна Бирона (1690-1772 гг.). Происхождение этого человека остается не вполне ясным. По одной версии он был сыном небогатого немецкого дворянина, проживавшего в Курляндии, по другой – дед его был конюхом у Курляндского герцога.

Согласно воспоминаниям самого Бирона, образование он получил в Кенигсбергском университете. Однако имени его в сохранившихся матрикулах (списках студентов) этого университета нет. Это свидетельствует либо о том, что он в данном учебном заведении не учился, либо был оттуда исключен до окончания курса. Впоследствии он пытался получить место камер-юнкера при супруге наследника российского престола Алексея Петровича, но ему было отказано по причине низкого происхождения. В 1718 г. Бирон по протекции влиятельного курляндского дворянина Г. К. Кейзерлинга был принят в штат Двора Анны Иоанновны в Миттаве. Однако тогда попытка привлечь к себе внимание молодой вдовствующей герцогини потерпела полное фиаско. Из-за вскрывшихся наветов и клеветы на придворных он был удален из Миттавы.

Вторично, не без содействия того же Кейзерлинга, Бирон поступил на службу к Анне Иоанновне в 1724 г. и с 1727 г. стал ее бессменным фаворитом. Он прибыл в Россию в свите будущей императрицы и сразу же после ее коронации был осыпан всевозможными милостями. 24 апреля 1730 г. он стал обер-камергером Двора. В том же году награжден александровской и андреевской лентами и возведен австрийским императором Карлом VI в графское достоинство Священной Римской империи. А в 1737 г., когда умер бездетный курляндский герцог Фердинанд, последний представитель старинного дома Кетлеров, Бирон, давно ожидавший этого события, при протекции Анны Иоанновны был возведен в ранг владетельного герцога Курляндии.

Автором термина «бироновщина» является фельдмаршал, граф Бурхард Христофор Миних, постоянный оппонент и первый кабинет-министр императрицы. Хотя по иронии судьбы широкое распространение этот термин получил в руках пропагандистов елизаветинского царствования, как аргумент закономерности

и неизбежности переворота, приведшего к власти дочь Петра Елизавету Петровну. Уже тогда основными признаками бироновщины считались: засилье иностранцев в высших эшелонах власти; хищническое разграбление казны, природных богатств страны и нещадная эксплуатация народа; жестокое преследование недовольных, поощрение доносительства; неумеренная роскошь, воровство, царящее в придворных кругах, сочетавшееся с непрофессионализмом и неумением управлять государством. И сейчас эти признаки перечисляются в научных трудах, посвященных эпохе Анны Иоанновны. Однако, непредвзятый взгляд вносит в них свои коррективы.

После вступления на престол одним из первых своих указов Анна Иоанновна упразднила Верховный тайный совет и восстановила в правах Сенат. А уже 24 января 1731 г. был учрежден Кабинет министров. Новый орган должен был оперативно и «безволокитно» решать текущие вопросы государственного управления. В его состав вошли: графы Бурхард Христофор Миних, Андрей Иванович Остерман, Михаил Гаврилович Головкин и Алексей Михайлович Черкасский. В дальнейшем же, Кабинет, как правило, составляли трое министров, из которых Миних и Остерман оставались в числе его членов постоянно, а третье кресло в разное время занимали: А. П. Волынский, А. П. Бестужев-Рюмин, канцлер Г. И. Головкин, П. И. Ягужинский. Подсчеты советских и современных российских ученых показывают, что чиновники иностранного, прежде всего немецкого происхождения, весь период «бироновщины» численно отнюдь не превалировали над русскими в государственном аппарате. Хотя многие ключевые должности действительно оставались за ними. Так, казенными горными заводами управлял саксонец К. А. фон Шенберг, Президентом Российской Академии Наук был выходец из Курляндии барон И. А. Корф, обер-гофмаршалом[5] Двора ее Величества был Рейнгольд Густав Левенвольде, а внешними сношениями Российской Империи ведал его брат Карл Густав Левенвольде.

[5] Обер-гофмаршал – ключевой придворный чин (2 класс в «Табели о рангах»). В его распоряжении находились все придворное хозяйство и придворные служители. Обер-гофмаршал следил за исполнением обязанностей низшими чинами, присматривал за дворцовым управлением, выполнял функции по церемониалу. В его отсутствие эти обязанности выполнял его заместитель – гофмаршал.

Редким исключением из этого правила стал начальник вновь учрежденной в 1731 г. Канцелярии тайных и розыскных дел (в просторечии Тайная канцелярия) Андрей Иванович Ушаков (1672-1747 гг.). Свою карьеру в качестве дознавателя «Слова и дела государева» он начал после смерти Ф. Ю. Ромодановского в 1717 г., когда ему, молодому майору в компании с престарелым графом П. А.Толстым было велено руководить учрежденной незадолго до того на место Преображенского приказа Тайной канцелярией. В этом качестве А. И. Ушаков принимал участие в расследовании дела царевича Алексея Петровича и Виллима Монса. После смерти Петра Великого в 1726 г. Тайная канцелярия была упразднена, но услуги Ушакова оказались востребованы новыми хозяевами жизни. Он вместе с Толстым поддержал переворот, приведший к власти Екатерину I, и именно Ушакову было поручено раздать гвардейцам 20 000 рублей, пожалованных императрицей участникам путча. Ему поручалось вести ряд громких уголовных дел, а сам он получил из рук Екатерины чин генерал-лейтенанта. После падения Меншикова Ушаков некоторое время был не в чести, пребывая на разных должностях в Ревеле и Ярославле. Во время «затейки верховников» он резко выступил против ограничения власти императора и поставил свою подпись под петицией дворянства Анне Иоанновне. За это в 1730 г. он вновь был вызван ко Двору, назначен сенатором и возглавил возобновившую свою работу Тайную канцелярию.

По отзывам современников, Андрей Иванович слыл крайне милым и обходительным человеком в обществе, благодарным слушателем, обладавшим при этом непреходящим даром исподволь, незаметно выведывать образ мысли своего собеседника. Однако в стенах своего ведомства, манеры его сильно менялись. Он производил суровые допросы, сопровождавшиеся подчас пытками, граничащими с истязаниями. Причем не гнушался этим заниматься лично. В историю русского политического сыска А. И. Ушаков вошел как создатель понятия «политическая смерть». Обычно до него, лица, хотя бы в какой-то степени угрожавшие обладателям престола в России, вырезались на корню. Ушаков несколько «гуманизировал» эту практику. Подвергшихся следствию по «слову и делу Государевому» теперь не казнили, а ссылали в Сибирь, но перед

тем давали новое имя и фамилию. А если несчастный еще не был изуродован пытками, сопровождавшими следствие, то наносили такие увечья, которые не позволяли даже при всем желании идентифицировать жертву. Характерный пример такой практики являет собой история прапорщика Семеновского полка Алексея Яковлевича Шубина. Статный гвардеец, он имел несчастье понравиться цесаревне Елизавете Петровне, когда нес караул в ее дворце. Эта симпатия стала известна Анне Иоанновне, испугала ее, и глава Тайной канцелярии получил приказ действовать. Против Шубина было возбуждено следствие. Под пытками в Тайной канцелярии он отрекся от своего имени и назвал себя Иваном «родства не помнящим». После этого вновь названного Ивана сослали на Камчатку и женили на камчадалке. Позже, когда Елизавета пришла к власти, она приказала вернуть Шубина из ссылки и послала для этого на Камчатку знавшего его офицера Семеновского полка Булгакова. Тот после длительных поисков разыскал государственного преступника. Он был помилован, возвращен в Санкт-Петербург и даже получил чин генерал-майора, но… признав себя Алексеем Шубиным, по отзывам современников, до конца дней продолжал именовать себя Иваном.

Всесилие Тайной канцелярии порождало в стране обстановку недоверия и доносительства, порождало у людей чувство постоянного страха и неуверенности в завтрашнем дне.

За все время десятилетнего правления Анны Иоанновны ею было подписано более 3500 законодательных актов. И лишь единицы из них были воплощены в жизнь. Тем не менее, попробуем перечислить те решения и действия правительства этой императрицы, которые все же остались в русской истории.

Одним из первых её распоряжений в 1730 г. был указ о создание двух новых гвардейских полков – Измайловского и Конногвардейского. Рядовые для этого полка набирались из русских, а офицеров и штаб-офицеров было приказано брать из курляндцев и лифляндцев, что в целом отражало кадровую политику новой имперской администрации. Лейб-гвардии Измайловский полк прослужил верой и правдой русскому престолу два с половиной века и, как и прочие русские гвардейские полки, был расформирован в конце 1917 г. За это время из его состава вышло довольно много военных и государствен-

ных деятелей, а также (как ни странно) писателей и артистов. Среди них: известный просветитель, журналист и издатель Н. И. Новиков, герой войны 1812 г., военный губернатор Санкт-Петербурга, убитый во время восстания декабристов генерал М. А. Милорадович, герой Первой мировой войны, генерал Н. Н. Кривицкий, президент Российской Академии наук и писатель К. К. Романов, латышский писатель Ф. Кемпс и др.

То же можно сказать и о кавалергардах. Изначально лейб-гвардии Кавалергардский полк создавался в целях обеспечения почетной охраны императрицы, но затем наравне с другими гвардейскими полками участвовал во многих военных кампаниях, которые вела Россия. Несмотря на то, что полк был расформирован в ноябре 1917 г., многие его солдаты и офицеры участвовали в Гражданской войне, формируя отдельные подразделения из числа своих ветеранов, а в эмиграции образовали отдельную организацию «Кавалергардская семья», члены которой оказывали друг другу посильную помощь. На 1951 г. ее численность еще составляла 59 человек.

Целая серия законодательных актов была направлена на расширение прав и привилегий дворянства в распоряжении своим имуществом и прохождении государственной службы. Вот главные из них: 17 марта 1731 г. был отменен петровский указ о единонаследии, который, напомню, позволял наследовать дворянское имение только старшему сыну почившего владельца. Остальные обязаны были получать земельные владения за службу – военную, гражданскую и придворную. Теперь отец-дворянин имел право делить свое имение между всеми сыновьями или отдавать его в приданое дочери. Таким образом, почти исчезнувшее к середине XVIII в. различие между вотчиной (земельное владение на правах частной собственности) и поместьем (земельное владение на правах условного владения за службу) было ликвидировано. Этот шаг существенным образом приблизил дворян к закреплению за собой имений на правах частной собственности.

С 30-х годов XVIII в. дворянских недорослей было разрешено записывать в гвардейские полки не по достижении совершеннолетия, а с рождения, обучать дома и после экзамена производить сразу в офицеры. Надо отдельно отметить, что при определении звания существенную роль играла выслуга,

которая у подобных «офицеров» составляла до 15-18 лет, что обеспечивало их вступление в службу в более высоком звании, чем унтер-офицер. О том, как это сказалось на боеспособности и эффективности русской армии поговорим позже. Здесь, правда, надо оговориться, что правительство Анны Иоанновны предусмотрело альтернативу домашнему обучению дворян. В 1732 г. был открыт Сухопутный шляхетский кадетский корпус для обучения дворянских детей. Выпускники этого учебного заведения имели право поступать в полки в младших офицерских званиях или получать классные чины (если служба была гражданская). Однако, популярностью у дворян эта альтернатива не пользовалась. Наконец, в 1736 г. дворянам был сокращен срок действительной военной службы с пожизненной до 25 лет.

Целый ряд указов был направлен на закрепощение крестьян. Так, указом 1731 г. частновладельческие крестьяне были лишены права приносить присягу. За них теперь это должны были делать помещики и их приказчики. В том же году помещикам были переданы прерогативы сбора и передачи государству подушной подати со своих крестьян. Наконец, в 1736 г. заводские работные люди были навечно прикреплены к своим заводам и не могли быть проданы или переданы другим собственникам иначе как вместе со своими предприятиями.

Важным вкладом в научное и экономическое развитие страны стала организация в 1733 г. Великой Северной экспедиции[6]. После своего возвращения из Первой Камчатской экспедиции в 1729 г. Витус Беринг предложил Адмиралтейству проект новой миссии к берегам Северной Америки, Японии и побережью Северного Ледовитого океана. Проект этот был поддержан тогдашним главой Адмиралтейства Н. Ф. Головиным и обер-секретарем Сената И. К. Кирилловым. По их инициативе план был расширен, переработан и представлен на рассмотрение Сената. В итоге 28 декабря 1732 г. был подписан указ Анны Иоанновны об организации экспедиции к берегам Северного Ледовитого океана, Аляски и Японии. По сути дела, разработанный план предполагал направить восемь отрядов под общим руководством Витуса Беринга для изучения

[6] В литературе эта экспедиция имеет несколько названий. Ее еще именуют Второй Камчатской экспедицией, Сибирской экспедицией, Сибирско-Тихоокеанской экспедицией.

пяти выделенных участков побережья Северного Ледовитого океана, а также Аляски и Японии. Великая Северная экспедиция стартовала в 1733 г. и растянулась в общей сложности на десять лет. В результате впервые было произведено описание отдельных участков побережья Северного Ледовитого океана, открыт американский берег и подтверждено наличие пролива между Азией и Америкой, открыты и нанесены на карту Южные Курильские острова, доказано отсутствие каких-либо земель между Камчаткой и Северной Америкой, обследованы побережье Камчатки, Охотского моря и отдельные участки побережья Японии. Эта экспедиция стала важной вехой в деле научного описания географии Российской империи и в дальнейшем способствовала хозяйственному освоению этих районов.

Во внешней политике правительство Анны Иоанновны проводило проавстрийскую политику. Это выразилось в том, какую позицию Россия занимала в ряде разразившихся в Европе кризисов. Первый из них связан с борьбой за польское наследство. В 1733 г. в Варшаве скончался союзник Петра Великого по Северному союзу курфюрст Саксонии и король Польши Август II. Вокруг кандидатуры его преемника на освободившийся престол закипели нешуточные страсти. Часть польской шляхты во главе с влиятельным семейством Потоцких выдвинула кандидатуру Станислава Лещинского (который в 1704 г. уже один раз ненадолго побывал на этом троне. См. лекцию о Северной войне). Эту кандидатуру поддерживала Франция. Другая часть выступала за передачу престола сыну почившего короля Августу III. Против кандидатуры Лещинского выступили совместно Россия и Австро-Венгрия. Между тем, в сентябре 1733 г. польский Сейм поддержал Лещинского, и он был объявлен королем. Тогда русские войска под командованием генерала П. П. Ласси были введены на территорию Речи Посполитой и свергли Лещинского. Изгнанный король бежал в Гданьск. Русские войска осадили этот портовый город. Сменивший Ласси на посту главнокомандующего фельдмаршал Миних нанес поражение гарнизону крепости. Лещинский вновь, как в 1704 г., бежал во Францию, а королем Речи Посполитой в 1735 г. был провозглашен Август III.

Вмешательство России и Австро-Венгрии в польские дела вызвало напряжение в русско-турецких отношениях. Вторым

раздражителем здесь выступала Кабарда, находившаяся в зависимости от Крымского ханства (вассала Османской империи) и желавшая перейти в российское подданство. В том же 1734 г. крымский хан Каплан Гирей пытался пройти через Кавказ в Персию, с которой вел войну. Отряды чеченцев, черкесов и кабардинцев не пропустили крымчаков, разбив их в Аргунском ущелье. Каплан-Гирей вынужден был повернуть назад. Вот на таком фоне осенью 1735 г. Россия объявила войну Османской империи. Войска под командованием фельдмаршала Миниха выступили к Азову. Однако, ранние морозы и начавшиеся эпидемии заставили русское командование отказаться от активных боевых действий и поредевшие войска были выведены на Украину.

В следующем 1736 г. кампания возобновилась. Миних с армией численностью в 90 тысяч человек прорвал оборону крымцев на Перекопе и овладел столицей ханства – Бахчисараем. Туда направился с остатками своих войск разбитый на Кавказе хан Каплан-Гирей. Одновременно войска, выведенные из Польши под командованием П. П. Ласси, осадили и взяли Азов. По плану после этого они должны был идти на соединение с Минихом в Крым. Однако недостаток воды и вспыхнувшие в армии болезни заставили последнего прервать поход и без боя покинуть полуостров. На этом закончилась кампания 1736 г.

Зимой 1737 г. австрийские дипломаты предложили посредничество в заключении мира между Россией и Турцией на условиях отмены Прутского договора 1711 г. и восстановления условий Константинопольского мира 1700 г. После длительных согласований и даже ультиматума с австрийской стороны, султан согласился начать переговоры. Это не помешало Австрии объявить в июле 1737 г. войну Порте. Боевые действия возобновились.

Центральным событием летней кампании 1737 г. стал штурм русскими войсками под командованием Миниха сильно укрепленной турецкой крепости Очаков. Обложив город со всех сторон, русские начали бомбардировку крепости. Из-за большого пожара, вызванного артиллерийским обстрелом, в рядах обороняющихся возникло смятение. Этим и решил воспользоваться командующий, приказав немедля штурмовать крепость. Войска не были готовы к штурму. Не хватало фашин,

лестниц, другого снаряжения. Тем не менее штурм состоялся. Ценой больших жертв русским солдатам удалось преодолеть крепостной ров и валы, подобраться к стенам. Но дальше атака стала захлебываться. Ситуацию спасло шальное ядро, попавшее в пороховой погреб крепости. Сдетонировал крепостной боезапас и от ужасающего взрыва осела одна из крепостных башен. Турки в панике бросились к своим кораблям, стоявшим на рейде, а русская конница на их плечах ворвалась в город. Над Очаковом был водружен русский флаг. Победа досталась русской армии дорогой ценой. При штурме погибло 24 000 солдат и офицеров.

Другая русская армия числом 40 тысяч человек под командованием фельдмаршалом Ласси двинулась с Дона к Азовскому морю; затем, наступая по Арбатской косе, переправилась через Сиваш, вторглась в Крым и обрушилась на войска хана Менгли Гирея. Они были разбиты, обращены в бегство, а вместе с этим была сожжена и вторая столица Крымского ханства город Карасу-Базар. Австро-Венгрия тем временем открыла второй фронт и заняла город Ниш в Сербии, который тогда находился под властью Османской империи.

Вот на этом фоне Османская империя предложила провести мирные переговоры. Они прошли в украинском местечке с очень неподходящим названием Немиров 16 августа по 11 ноября 1737 г. Однако, несогласованность позиций России и Австрии вкупе с завышенностью территориальных претензий (Россия хотела получить всю Кубань, Крым и земли между устьем Дона и Дуная, а Австро-Венгрия выдвигала претензии на Часть Молдавии и Валахии) привели к провалу переговоров. Война возобновилась.

Кампания 1738 г. не принесла России положительных результатов. Армия П. П. Ласси вторично овладела Перекопом, но, столкнувшись с нехваткой продовольствия и воды, ограничилась уничтожением фортификационных сооружений Перекопа и отступила к южным рубежам России. Армии Миниха, действовавшей в районе Бендер у Днестра, также не сопутствовала удача. Перед лицом серьезного сопротивления турецких сил (чему изрядно помогла эпидемия чумы, разразившаяся в рядах русских войск) и после потери 16 000 человек, ей также пришлось отступить.

В мае 1739 г. боевые действия были продолжены. Армия Миниха, выдвинувшись из Польши, направилась к турецкой крепости Хотин на реке Днестр (ныне Черновицкая область Украины). 17 августа в местечке Стаучаны она встретилась с турецкими войсками общей численностью 90 000 человек под командованием Колчак-паши[7]. В ходе состоявшегося вслед за тем генерального сражения турки были наголову разбиты, а русские войска заняли город. Победа под Хотином позволила Миниху развить наступление и 1 сентября занять Яссы. В дальнейших планах фельдмаршала было форсировать Дунай и двигаться дальше чуть ли не до самого Константинополя, но в этот момент пришли известия о том, что Австро-Венгрия вступила с Портой в сепаратные переговоры и 12 сентября подписала мирный договор. В этих условиях продолжать войну было бесперспективно.

Русско-турецкий мирный договор был подписан при посредничестве Франции в Белграде еще спустя две недели 29 сентября 1739 г. Согласно его статьям, Россия возвращалась к прежним рубежам. Единственным приобретением стал город Азов при условии уничтожения азовской крепости. Взамен того, Россия получила право построить крепость на донском острове Черкасе, а Османская империя – в устье реки Кубань. Кабарда была объявлена независимым государством и должна была играть роль буфера между державами. России запрещалось иметь военный флот на Азовском и Черном морях, торговля с Турцией могла вестись только с использованием турецких кораблей. Русским паломникам были даны гарантии свободного посещения святых мест в Иерусалиме.

[7] Турецкий полководец Илиас Колчак-паша был по национальности боснийским сербом. Отличился еще во время Прутского похода русской армии в 1711 г. Получил титул паши и был назначен комендантом Хотинской крепости. Там он и провел все свои 22 года службы в турецкой армии. Будучи командующим турецкими войсками под Хотиным в 1739 г., Колчак-паша попал в плен. Когда был заключен мир, он хотел было вернуться в Османскую империю, но узнав, что новый султан Махмуд посчитал его предателем, изменил свое решение и эмигрировал в Речь Посполитую. Его сын Мехмед-бей принял православие и поступил на службу к императрице Елизавете Петровне. Получив вскоре русское дворянство, он и дал начало русской дворянской династии Колчаков. Из потомков Мехмед-бея Колчака наибольшую известность снискал его праправнук адмирал А. В. Колчак.

В конце января – начале февраля 1740 г. Анна Иоанновна устроила торжества по случаю подписания мира с Османской империей. В соответствии со вкусами Двора, эти торжества сопровождались потешным маскарадом и уже упоминавшейся нами свадьбой придворного шута Ее Величества М. А. Голицына и шутихи Авдотьи Буженинoвой. Подготовкой и организацией этих торжеств занимался кабинет-министр Анны Иоанновны Артемий Петрович Волынский (1689-1740 гг.).

Для планировавшейся «шутовской свадьбы» потребовалось написать торжественные стихи. Их Волынский заказал члену Российской Академии наук, профессору элоквенции, поэту и переводчику Василию Кирилловичу Тредиаковскому. Тот принялся за работу. Оценить ее кабинет-министр должен был 4 февраля. По причине важности заказа, представление этих вирш должно было происходить во дворце Бирона в присутствии самого фаворита. Однако, когда заказанные стихи были озвучены их автором, они Волынскому не понравились. Но что еще хуже – он не только дал волю словам, но и рукам, хорошенько поколотив беззащитного поэта. Поскольку инцидент этот произошел не где-нибудь, а в доме Бирона «под гербом герцога», это было расценено хозяином, как личное оскорбление.

Здесь мне следует остановиться, чтобы пояснить, кем был А. П. Волынский. Он происходил из знатного дворянского рода и военную службу в драгунском полку начал еще в 1704 г. Во время неудачного Прутского похода русской армии он вместе с Шафировым находился в качестве заложника в Константинополе и был отпущен обратно в Россию после подписания Андрианопольского трактата 1713 г., формально завершившего эту войну с Портой. Затем он был назначен посланником в Персию, по возвращении получил чин генерал-адьютанта и должность губернатора вновь образованной Астраханской губернии. В этом качестве Артемий Петрович активно участвовал в подготовке Каспийского похода Петра I 1723 г., но был обвинен в сообщении недостоверных сведений, казнокрадстве и взяточничестве, за что впал в немилость.

Пришедшая к власти Екатерина I вновь приблизила его ко Двору и назначила казанским губернатором. Петр II подтвердил его полномочия и Казанской губернией Волынский управ-

лял вплоть до 1730 г. Новый взлет его карьеры пришелся на правление Анны Иоанновны. Он обратил на себя внимание во время войны «за польское наследство», когда, будучи командиром одного из отрядов, участвовал в штурме Гданьска. В 1736 г. он назначается обер-егермейстером Двора и 3 февраля 1738 г. «за особливые Его Превосходительства заслуги» удостаивается чести стать кабинет-министром. Более того, в 1739 г. он был единственным докладчиком у императрицы по делам кабинета. В этом качестве Волынскому удалось добиться ряда усовершенствований в деятельности Кабинета: более частых созывов «генеральных собраний», на которые приглашались сенаторы и президенты профильных коллегий), непосредственного контроля над Кабинетом Военной и Адмиралтейской коллегии.

Пребывание А. П. Волынского в составе Кабинета министров характеризуется постоянной, скрытой и затяжной борьбой с Остерманом, добивавшимся расположения императрицы и, соответственно, удаления нового кабинет-министра. И вот инцидент в доме Бирона дал ему повод расправиться с конкурентом. Анна Иоанновна была соответствующим образом проинформирована Остерманом и Бироном. Однако императрица не согласилась начать расследование. Тогда Бирон, считавший себя оскорбленным со стороны Волынского за избиение Тредиаковского, совершенное в его «покоях», прибегнул к последнему средству и заявил: «либо мне быть, либо ему». Это подействовало, и Тайная канцелярия получила приказ к проведению расследования.

Ее начальник А. И. Ушаков сначала взял в оборот давнишнего слугу А. П. Волынского Василия Кубанца. Тот сразу же выдал с головой как самого хозяина, так и завсегдатаев его дома: петербургского архитектора П. М. Еропкина, адмирала Ф. И. Соймонова, советника адмиралтейской конторы, горного инженера А. Ф. Хрущова и сенатора, графа П. И. Мусина-Пушкина. Кубанец указывал на речи Волынского о «напрасном гневе» императрицы и вреде иноземного правительства, на его намерения подвергнуть все изменению и лишить жизни Бирона и Остермана. Кроме того, именно благодаря Кубанцу и стало известно о проекте Волынского, так как черновики находились у Василия в сундуке. Текст под названием «Генераль-

ный проект о поправлении внутренних государственных дел» был извлечен из тайника, изучен Ушаковым и его подручным Неплюевым и убедил их в наличии признаков антиправительственного заговора.

Согласно этому документу, А. П. Волынский не предполагал менять монархическую форму правления в Российской империи, но ратовал за более широкое участие шляхетства в принятии решений. Поэтому вслед за Сенатом, долженствующим быть второй после монарха государственной инстанцией в стране с тем значением, какое он имел при Петре Великом, автор проекта поместил «Нижнее Правительство», состоявшее из представителей низшего и среднего шляхетства. Сословия: духовное, городское и крестьянское получали, по проекту Волынского, значительные привилегии и права. От всех требовалась грамотность, а от духовенства и шляхетства более широкая образованность, рассадниками которой должны были служить предполагаемые Волынским академии и университеты.

В первых числах апреля 1740 г. Волынскому было запрещено появляться при Дворе. 12 апреля его подвергли домашнему аресту, а затем отправили в Петропавловскую крепость. Первое время А. П. Волынский стойко держался под пытками, отрицал свою вину и надеялся на заступничество Анны Иоанновны. Однако же, когда узнал о показаниях Хрущова, Еропкина и Соймонова, которые под пытками заявили, что Волынский, якобы, сам хотел занять российский престол после кончины Анны Иоанновны, то сломался и попытался спасти свою жизнь признанием в тяжких грехах. Он заявил, в частности, что хотел лишить жизни Бирона и Остермана, убрать из России немцев, «набежавших в нее» в период «бироновщины» и много чего еще. Однако же, он ни словом не оговорил цесаревну Елизавету Петровну и не признался в намерении призвать ее на трон, чего особенно от него добивались следователи. Тогда, по приказу императрицы, дальнейшее разыскание было прекращено и 19 июня назначен суд над самим бывшим кабинет-министром и его «конфидентами». Приговор этого суда включал несколько пунктов: 1) Волынского, яко начинателя всего того злого дела, живого посадить на кол, вырезав у него предварительно язык; 2) его конфидентов – чет-

вертовать, и затем отсечь им головы; 3) имения конфисковать и 4) двух дочерей Волынского и сына сослать в вечную ссылку. Перед казнью Анна Иоанновна несколько смягчила участь осужденных. Волынского было приказано только четвертовать, а Еропкина с Хрущовым лишить головы. Соймонов и другие конфиденты отделались наказанием кнутом и вечной ссылкой в Сибирь. Приговор был приведен в исполнение 27 июня 1740 г.

К этому времени здоровье императрицы сильно ухудшилось. В конце сентября у ней начались припадки подагры, боли в почках и кровохаркание. Настало время назначить наследника. У Анны Иоанновны не было детей. При этом она не хотела уступать трон потомкам своего великого дяди – Петра I. В связи с этим, внимание ее было обращено в сторону ее родственников по линии отца – царя Ивана Алексеевича. Так в фокусе ее внимания оказалась сестра Екатерина Ивановна. Она родилась в 1691 г. и в 1716 г. была выдана Петром замуж за герцога Мекленбургского Карла Леопольда. Брак этот сложился неудачно. В 1722 г., не выдержав грубого обращения супруга, Екатерина вернулась в Россию. Вместе с ней приехала и ее дочь от этого брака Елизавета Катарина Кристина. Именно на нее и обратила внимание Анна Иоанновна. Поэтому в первые же дни своего царствования она объявила наследником кого-либо из будущих детей своей племянницы. Феофану Прокоповичу было поручено наставлять Елизавету Катарину в православии. 12 мая 1733 г. она приняла новую веру, а вместе с ней и новое имя – Анна Леопольдовна.

Воспитанием и образованием Анны Леопольдовны занимались мало. После приезда в Россию девочку взяла под свою опеку бабушка – царица Прасковья Федоровна. Трудно предугадать, к чему привело бы ее воспитание, но в 1723 г. царица Прасковья умерла и Елизаветой-Катариной долгое время никто особенно не интересовался. Маленькая герцогиня подрастала, забытая всеми. Судьба ее изменилась после воцарения на русском престоле ее тетки Анны Иоанновны. К девочке были приставлены опытная воспитательница мадам Адеркас, в которой нашли «благоразумие, прелесть души, начитанность и высокое умственное развитие» и бывший секретарь Медицинской канцелярии при Российской Академии наук К. И. Геннингер. Повзрослев, Елизавета превратилась в избалованную,

тщеславную светскую девицу. Вскоре у неё случился роман с молодым и привлекательным саксонским послом Морицем Линаром.

В сложившейся ситуации императрице пришлось срочно подыскивать жениха повзрослевшей наследнице. Выбор пал на племянника австрийского императора Антона Ульриха Брауншвейгского (1714–1744 гг.). В 1733 г. он прибыл в Россию, но невесте не понравился. Анна с первого же взгляда невзлюбила своего суженого – юношу невысокого роста, женоподобного, заику, очень ограниченного, но скромного, с характером мягким и податливым. Поэтому втайне от всех она продолжала встречаться с Линаром, пользуясь посредничеством Геннингера. Связь вскрылась летом 1735 г. Прознав про это, императрица лично отхлестала племянницу по щекам и позаботилась о том, чтобы Линар был срочно отозван из России. Замешанный в эту историю учитель принцессы Геннингер лишился своего места.

3 июля 1739 г. состоялась свадьба Анны Леопольдовны и Антона Ульриха. А 12 августа 1740 г. у молодых супругов родился сын Иван. Манифест, которым императрица определила своим наследником Иоанна Антоновича был подписан 5 октября 1740 г. Причем, согласно этому документу, до его совершеннолетия нужно было назначить регента. После сложных переговоров в узком кругу приближенных к Анне Иоанновне лиц, им был назначен Бирон. Однако решение это оставалось неофициальным до того момента, пока генералитет и сенаторы специальной челобитной не подтвердили его. 16 октября 1740 г. оно было оформлено законодательно, а на следующий день Анна Иоанновна скончалась в возрасте 47 лет.

Литература

Анисимов Е. В. Анна Иоанновна. – М.: Молодая гвардия, 2002.

Анисимов Е. В. Россия без Петра. – СПб., 1994.

Анисимов Е. В. Женщины на российском престоле. – СПб, 1998.

Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). – М.: РГГУ, 2001.

Курукин И. В. Анна Леопольдовна. – М.: Молодая гвардия, 2012.

Левин Л. И. Российский генералиссимус герцог Антон Ульрих (История «Брауншвейгского семейства в России»). – СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2000.

Павленко Н. И. Страсти у трона. – М, 1996.

РОССИЯ В СЕРЕДИНЕ XVIII в. (От Анны Леопольдовны до Елизаветы Петровны)

ОПОРНЫЕ ДАТЫ:

1740 – 1741	Правление Ивана VI (Иоанна Антоновича) и Анны Леопольдовны
1741 – 1761	Правление Елизаветы Петровны
1741 – 1743	Русско-шведская война
1746	Закрепление за дворянами исключительного права владения крестьянами и землей
1754	Отмена внутренних таможенных пошлин
1755	Закрепление заводских крестьян в качестве постоянных (посессионных) работников на уральских заводах
1755	Объявление винокурения дворянской монополией
1755	Основание Московского университета
1750	Создание первого русского профессионального театра (в Ярославле)
1757	Основание Российской академии художеств
1756 – 1763	Семилетняя война
1757	Сражение при Гросс-Егерсдорфе
1758	Сражение при Цорндорфе
1759	Сражение при Кунерсдорфе
1760	Взятие Берлина русскими войсками

1760	Издание указа о разрешении помещикам ссылать крепостных крестьян в Сибирь

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ТЕРМИНЫ:

Война за австрийское наследство; дворцовые перевороты; конференция; куртаг; лейб-кампания; олигархия; регентство; Семилетняя война; фаворитизм.

Получив власть, Бирон, тем не менее, не чувствовал себя в достаточной степени безопасности. Поэтому от лица малолетнего императора он издал несколько указов, дарующих народу и своим сановникам ряд милостей. Среди них был издан Манифест о правом суде, приостановлены все казни по уже вынесенным приговорам и освобождены от наказаний многие категории преступников (кроме убийц, казнокрадов и разбойников). Была снижена на 17 копеек подушная подать. Стремясь получить расположение армии, регент распорядился разрешить солдатам надевать шубу при несении караула зимой, а солдатские шляпы заменил картузом с наушниками. Также было издано распоряжение ограничить роскошь при Дворе. Отныне придворным было запрещено носить платья из материала дороже 4 рубля за аршин.

Однако же предпринятые меры не возымели должного действия. Личностью регента была недовольна гвардия, семья наследника и даже немецкая партия при Дворе, считавшая, что опекать наследника должен не Бирон, а его отец – Антон Ульрих. Считая угрозу, исходящую от семьи малолетнего императора, наиболее опасной для себя, Бирон всячески ущемлял родителей государя. Это касалось их содержания, ограничений в контактах и выездов в свет, а также постоянных угроз отнять у них царственного младенца.

Анна Леопольдовна искала защиты у Миниха, который был на тот момент главнокомандующим армии, склоняя его к военному перевороту. В конце концов ей удалось убедить фельдмаршала действовать. В ночь с 8 на 9 ноября, Миних с отрядом гренадеров Петербургского гренадерского полка

арестовал Бирона с его ближайшими родственниками. Произошел очередной государственный переворот. В этот же день был объявлен манифест об отрешении Бирона от регентства и о назначении до совершеннолетия Иоанна VI правительницей России Анны Леопольдовны с титулом Великой княгини и Императорского Высочества.

Но политическая биография Эрнеста Иоганна Бирона на этом не закончилась и имела еще длинное и весьма витиеватое продолжение. Он был предан спешно собранному суду. Главные обвинения против него сводились к «захвату» регентства, «небрежении» о здоровье покойной государыни, желанию удалить царскую фамилию из России с целью завладеть престолом и притеснению русских. Обилие в обвинении более «мелких» прегрешений позволило французскому посланнику при русском Дворе маркизу де Шетарди язвительно заметить, что «ему было поставлено в вину все и даже то, что он принимал награды и подарки от покойной императрицы».

Суд приговорил бывшего герцога Курляндии к смертной казни. Однако в честь восшествия на престол Анны Леопольдовны, казнь заменили пожизненной ссылкой в город Пелым Тобольской губернии. Но добравшись до места назначения, опальный фаворит пробыл там в общей сложности пять недель. Ему разрешили вернуться в Европейскую часть России, а местом ссылки был назначен Ярославль. Здесь Бирон и прожил следующие 22 года.

Более того, пришедшая к власти императрица Елизавета Петровна сохранила за ним по соображениям внешнеполитического характера титул герцога Курляндии. В 1762 г. император Петр III вернул его из ссылки, а Екатерина II фактически вверила Бирону власть в Курляндии, отправив его туда. В благодарность за это герцог до конца своих дней оставался верным и преданным вассалом Российской империи. По случаю смерти Бирона в 1772 г. при императорском Дворе был объявлен восьмидневный траур.

Но вернемся к Анне Леопольдовне. Провозгласив себя императрицей-регентшей, она, по-видимому, полагала, что основное дело сделано и теперь можно почивать на лаврах. Большую часть времени она проводила во внутренних покоях своего дворца, по слухам, играя в карты. Развязав себе окон-

чательно руки, Анна Леопольдовна вспомнила об увлечениях юности. Мориц Линар в качестве полномочного посла курфюрста Саксонии вновь прибыл в Петербург, имея поручение склонить новую русскую императрицу к военному и политическому союзу с Австрией. Чтобы удержать Линара при себе, Анна Леопольдовна пожаловала ему чин обер-камергера и задумала женить его на любимой фрейлине Юлиане Менгден. Не посмев отказаться от подобной чести, Линар отправился в Дрезден просить об отставке. Однако же, получив ее, на обратном пути в Россию, он узнал о том, что его покровительница в Петербурге уже низложена.

Антон Ульрих указом 11 ноября 1740 г. получил чин генералиссимуса, что, впрочем, никоим образом не сказалось на росте его влияния в армии и при Дворе. Настоящим бенефициаром свершившегося переворота стал фельдмаршал Миних, который, будучи главнокомандующим войсками и Президентом Военной коллегии не только единолично распоряжался армией, но и вмешивался постоянно в дела гражданского управления и внешней политики. Кроме того, в верхах произошли значительные изменения. А. И. Остерман был отстранен от управления коллегией Иностранных дел, но в качестве утешительного приза был пожалован чином генерал-адмирала. Канцлером был назначен князь А. М. Черкасский, а вице-канцлером граф М. Г. Головкин (сын сподвижника Петра Великого Г. И. Головкина). Этим двоим была поручена сфера внутренней политики.

Это правительство за короткое время правления Анны Леопольдовны провело ряд мероприятий. Первым и очевидным шагом стала политическая амнистия лиц, пострадавших во время «бироновщины». На первых порах снизилась интенсивность работы Тайной канцелярии. Своим указом 1740 г. правительница разрешила подданным подавать жалобы на работу коллегий и Сената, которые должна была рассматривать специальная комиссия. С января 1741 г. все государственные учреждения были обязаны представить в Сенат сведения о своих расходах для составления новых штатов. В марте 1741 г. была создана комиссия для рассмотрения государственных доходов.

В правление Анны Леопольдовны улучшилось положение русской церкви, ибо императрица оказывала финансовую по-

мощь монастырям, делала богатые вклады и пожертвования. Приговоренным к смертной казни «инородцам» даровалось прощение при условии принятия крещения.

Несколько укрепившись на престоле, Анна Леопольдовна попыталась ограничить влияние Миниха на принятие политических решений. Благо старый фельдмаршал был по-солдатски прост и прямолинеен, не желая подстраиваться ни под кого из представителей Брауншвейгского семейства. Согласия же между Анной Леопольдовной и мужем не было, а ее отношения с саксонским послом Линаром были широко известны далеко за стенами дворца. Поэтому авторитет правящей семьи в гвардии и армии был крайне низок, зато Миних пользовался уважением в войсках. Кроме того, он полагал, что русскую внешнюю политику надо как минимум переориентировать с обслуживания интересов Австрии и иметь более тесные отношения с Пруссией.

В начале января 1741 г. ему было предписано сноситься по всем делам с генералиссимусом Антоном Ульрихом, а с 28 января того же года – ограничить сферу своих занятий сухопутной армией, артиллерией и фортификацией. Внешние же сношения были вновь поручены А. И. Остерману. Миних был взбешен. Он предпринял, как он думал, ловкий маневр – подал прошение об отставке и… получил ее. Указом 3 марта 1741 г. престарелый полководец увольнялся «от всех военных и статских дел».

Дальнейшая судьба этого военачальника драматична, но имеет вполне счастливый конец. После дворцового переворота 1741 г., приведшего к власти Елизавету Петровну, отошедший было от дел Миних вместе с Остерманом был предан суду по целой серии ложных обвинений, включая пособничество Бирону, мздоимство, казнокрадство и государственную измену. По совокупности их он был приговорен к смертной казни. Направляясь под конвоем к месту экзекуции, Миних сохранял бодрость духа, разговаривал с сопровождавшими его офицерами, вспоминал о войне и привычной для военного человека готовности к смерти. Уже на эшафоте он услышал новый приговор: казнь была заменена ссылкой в Сибирь. Местом ее была определен все тот же город Пелым, где опальный фельдмаршал пробыл еще двадцать лет.

Он, тем не менее, не давал воли унынию. занимался физическим и умственным трудом, выращивал овощи, обучал детей, сочинял разные инженерные и военные проекты (остававшиеся, впрочем, без всякого применения). Время от времени Миних направлял свои предложения в столицу (среди прочих, было предложение назначить его сибирским губернатором). Но все они оставались без ответа до 1762 г., когда новый император Петр III возвратил 78-летнего Миниха в Петербург, вернув ему все чины и награды и включил в Императорский совет. Изначально Миних поддерживал начинания нового самодержца, но со временем стал сомневаться в его правоте. Однако же, во время самого переворота он был среди тех немногих, кто сохранял верность Петру III вплоть до его отречения.

После переворота Екатерины II, Миних принес ей присягу и был назначен Ревельским губернатором с присовокуплением ему начальства над Ревельским, Кронштадтским и другими портами на Балтике, а также Ладожским каналом. В самом конце жизни, как и хотел, он был назначен губернатором Сибири с постоянным пребыванием в столице. Фельдмаршал, граф Бурхард Миних скончался в 1767 г. и был погребен в своем имении Луниа близ Дерпта.

Тем временем международная обстановка в Европе претерпела существенные изменения. В 1740 г. сразу в двух европейских столицах, игравших важную роль в международных отношениях XVIII в., сменились обладатели престолов. В Берлине по смерти короля Фридриха-Вильгельма I прусский трон занял молодой Фридрих II, а в Вене в силу Прагматической санкции[1], императорскую корону унаследовала Мария Терезия. Ее права на наследные земли Габсбургов были признаны большинством стран Европы. Но не всеми. Фридрих II первый пренебрег условностями и 22 декабря 1740 г. оккупировал Силезию, отторгнув ее от Австрии. Вслед за ним баварский курфюрст Альбрехт, саксонский курфюрст Август III и король Сардинии Карл Эммануил также выступили с претензиями на различные части Священной Римской империи. Началась длительная Война за австрийское наследство.

[1] Прагматическая санкция – Закон о престолонаследии, принятый императором Священной Римской империи Карлом VI, объявлявшим нераздельными все владения Габсбургов, а право их наследования передавал старшей дочери короля Марии Терезии.

Трудным положением новой австрийской императрицы решила воспользоваться Франция, которая в союзе с Баварией ввела свои войска в Верхнюю Австрию. В этой ситуации Мария Терезия обратилась за помощью к странам, признававшим Прагматическую санкцию. Из всех европейских государств помощь решила оказать лишь Россия. Анна Леопольдовна пообещала венскому Двору выставить русский экспедиционный корпус численностью 40 000 человек.

Стремясь сорвать эти планы, Франция, находившаяся в союзных отношениях со Швецией, убедила ее начать войну с Россией. Официально война была объявлена 13 августа 1741г. Примечательно, что, обосновывая свое нападение, шведы выступали под лозунгом освобождения России от «немецкого засилья». Хотя было совершенно очевидно, что истинной их целью была ревизия итогов Северной войны. 23 августа 1741 г. русская армия под командованием генерала Петра Ласси разгромила шведские войска в сражении при крепости Вильмастранде в Финляндии. Во время штурма крепости ее командующий генерал К. Врангель вместе со своим штабом и большей частью оборонявших крепость шведских войск, попали в плен. Боевые действия на время прекратились.

Победа при Вильмастранде оживила русский Двор и усилила придворное влияние А. И. Остермана, как сторонника австрийской ориентации русской внешней политики. Но ненадолго. Не без помощи противостоящих Австрии внешних игроков, в борьбу за престол включился новый претендент – дочь Петра Великого Елизавета Петровна.

Младшая, и, по слухам, самая любимая дочь Петра Великого Елизавета Петровна (1709-1761 гг.) родилась на следующий день после победы русской армии под Полтавой 29 декабря 1709 года. Царю сообщили об этом, когда он присутствовал на торжественном вступлении своих победоносных войск в Москву. Получив это известие, Петр остановил шествие и воскликнул: «Отложим празднество о победе и поспешим поздравить с пришествием в этот мир мою дочь!» Началось трехдневное празднество по случаю рождения ровесницы Полтавской Виктории, нареченной именем Елизавета.

В связи с тем, что интронизация простолюдинки Марты Скавронской в русскую императрицу Екатерину I состоялась

лишь в 1711 г., до этого момента Елизавета, как и старшая дочь Петра Анна, находились в статусе незаконнорожденных детей. Затем они получили статус царевен, а с 1721 г. Елизавета была провозглашена цесаревной – т.е. наследницей престола. Ее прочили в невесты французскому ровеснику – королю Людовику XV. Однако, несмотря на переговоры, которые велись заинтересованными сторонами, этому браку было не суждено состояться. В равной степени оказались неудачными и другие брачные проекты.

В этих планах Елизавета могла стать женой Морица Саксонского, принца Георга Английского, Карла Бранденбург-Байрейтского и даже (с подачи А. С. Остермана) собственного племянника Петра II. Наконец, в 1726 г. портрет Елизаветы был послан Карлу-Августу Голштинскому, принцу Голштейн-Готтропского дома. Образ русской цесаревны его заинтересовал и Карл-Август даже направился в Петербург для знакомства с ней. Как можно судить, он пришелся ко двору и даже приглянулся как матери, так и дочери. По-крайней мере, известно, что, умирая, Екатерина I наказала Елизавете не тянуть с браком. Однако же в разгар приготовлений к свадьбе, жених заболел и скоропостижно скончался, не дойдя до алтаря. После этого удара Елизавета примирилась с перспективой незамужней жизни.

Ни одно из перечисленных выше матримониальных усилий русской короны, таким образом, не увенчалось успехом, но, они прекрасно объясняют изъяны и особенности полученного цесаревной Елизаветой образования. Под руководством дипломата И. П. Веселовского она в совершенстве овладела только французским языком. Второй обязательной составляющей образования дочери Екатерина I считала умение танцевать. С 1716 г. при Дворе появился французский учитель танцев. Это было естественным образом связано с желанием родителей Елизаветы породниться с Бурбонами. Она делала известные успехи в хореографии. Когда в 1723 г. по знаменитому указу Петра были введены ассамблеи, Анна и Елизавета, подавая пример подданным, явились туда в платьях, вышитых золотом и серебром, в головных уборах, блиставших бриллиантами. Уже тогда присутствующие восхищались умением младшей из сестер танцевать. Кроме легкости в движениях,

она отличалась находчивостью и изобретательностью, беспрестанно выдумывая новые фигуры.

В остальных науках успехи будущей русской императрицы были куда скромнее. Она никогда не читала, увлекалась охотой и верховой ездой (чем, как известно, пленила своего племянника Петра II). Широко известен факт, например, что уже в зрелом возрасте, она не знала, что Британия есть остров.

Французский посланник де Леви отмечал, что Елизавета могла бы назваться совершенной красавицей, если бы не ее курносый нос. В бытность ее императрицей, этот недостаток тщательно скрывался придворной цензурой: на всех ее портретах форма носа приобретала более благообразный вид. Несмотря на это, современники находили Елизавету весьма привлекательной.

Предоставленная в царствование Петра II сама себе, живая, приветливая, но не спускавшая глаз с самой себя, царевна всецело отдалась вихрю веселья и увлечений. Что было важно, она практически не принимала участия в придворной борьбе за власть. Этим она долгое время счастливо избегала внимания к себе как потенциальная претендентка на трон. Все ее помыслы были о развлечениях, моде и любовных похождениях.

Сердце свое она отдала простому украинскому казаку, певчему Алексею Розуму, более известному в российской истории как Алексей Разумовский. Он родился в 1709 г. в селе Лемеши под Черниговом. В детстве был обучен грамоте, убежал из дома и осел в соседнем селе Чемер, где жил у местного дьячка и пел в церковном хоре. Там на молодого красивого певчего с прекрасным голосом обратил внимание полковник Ф. С. Вишневский, набиравший хористов для придворного хора, и взял юношу с собой в Петербург. В столице парня представили обер-гофмаршалу Р. Левенвольде, и тот определил его в дворцовый хор императрицы Анны Иоанновны. Довольно скоро под именем Алексея Григорьева он оказался в списке Двора цесаревны Елизаветы Петровны. Став фаворитом цесаревны, Разумовский получил должность управляющего ее имениями, затем чин камер-юнкера и стал полновластным распорядителем ее Двора. К нему обращались с просьбами знатные вельможи, и он, по-видимому, не без успеха использовал свое влияние

на цесаревну. В личном плане он был человеком веселым, добродушным и бесхитростным.

В оправдание этой связи, которую многие в свете не одобряли, я хотел бы сослаться на мнение такого знаменитого «эксперта» в области мужской красоты, как будущая императрица Екатерина II. А она сообщает в своих дневниках, что Алексей Разумовский был одним из красивейших мужчин, каких она встречала в своей жизни. После переворота 1741 г. бывший певчий превратился в генерал-поручика и действительного камергера. В день коронации Елизаветы Петровны был издан указ, по которому Разумовский стал кавалером ордена Андрея Первозванного, обер-егермейстером, подполковником лейб-гвардии Конного полка, капитан-поручиком лейб-кампании[2] и владельцем многих тысяч крестьянских душ. Надо отдать должное Алексею Григорьевичу, он прекрасно знал цену себе. Так, получив как-то от Елизаветы очередной чин, он высказал ей благодарность и добавил: «Лиза, ты можешь сделать из меня что хочешь, но ты никогда не заставишь других считаться со мной серьезно, хотя бы как с простым поручиком».

Есть туманные свидетельства того, что в 1742 г. в подмосковном селе Перово, состоялось тайное венчание императрицы с Алексеем Григорьевичем. После этого Разумовский поселился в дворцовых апартаментах, смежных с покоями императрицы.

Придя к власти, Анна Иоанновна установила за Елизаветой постоянный негласный надзор. Б. Миних по поручению императрицы поместил к ней в дом урядника Щегловитого, который доносил, кто бывал у цесаревны и обо всех ее перемещениях. Елизавета не могла не знать, что за ней наблюдают, поэтому жила довольно уединенно, среди своего маленького двора. В него входили: две кузины Елизаветы из рода Скавронских, которым она оплачивала образование и пыталась подобрать достойную партию. Помимо них в ближний круг Елизаветы входил до определенного момента поручик Преображенского полка Алексей Яковлевич Шубин (о его печальной судьбе мы говорили в предыдущей лекции), упомянутый мною выше Алексей Разумовский, камер-юнкеры Михаил Воронцов и Петр

[2] Этот чин соответствовал чину генерал-поручика в гвардии

Шувалов, а также будущая жена последнего, Мавра Шепелева. Наконец, важную роль в возвышении Елизаветы сыграл и лейб-медик, француз Иоганн Лесток, ставший организатором заговора, имевшего целью привести ее к власти.

Кроме того, важным центром движения в пользу дочери Петра были казармы Преображенского полка, куда Елизавета часто наведывалась «без этикета и церемоний», ссужая гвардейцев деньгами, устраивая помолвки, выступая крестной матерью детей офицеров, справляя именины и пр. Солдаты не называли ее иначе, как «матушка». Она в свою очередь называла их «дети мои». Еще в 1737 г. правительство Анны Иоанновны казнило прапорщика Преображенского полка А. Барятинского за намерение поднять «человек с триста друзей» ради Елизаветы. Фельдмаршал Б. Миних вспоминал, что, когда он арестовывал Бирона, гвардейцы, действовавшие под его командованием, были уверены, что власть должна перейти именно к Елизавете Петровне. Таким образом, популярность цесаревны в гвардейской среде не была ни для кого секретом.

Активизации заговора способствовало обострение внешнеполитической ситуации: разгром шведской армии при Вильмастранде понуждал Францию действовать в интересах своего шведского союзника. Шведы же исходили из того, что какой-нибудь переворот в Санкт-Петербурге может сильно повлиять на весь ход русско-шведской войны. Ну а начавшаяся Война за австрийское наследство ставила перед французской дипломатией задачу способствовать переориентации проавстрийской российской внешней политики, зримо воплощаемой фигурой А. И. Остермана. Словом, французскому послу в Санкт-Петербурге маркизу де Шетарди были даны указания склонить Елизавету Петровну к государственному перевороту. Его конфидентом при дворе Елизаветы и стал Иоганн Лесток.

О том, что вокруг цесаревны сложился заговор, Анну Леопольдовну предупреждали австрийские и прусские дипломаты. В ноябре 1741 г. А. И. Остерман получил донесение своих агентов в Силезии, в котором сообщалось, что заговор сложился и готов к осуществлению. Показав это письмо правительнице, генерал-адмирал потребовал арестовать Лестока, к которому шли все нити заговора. Вместо этого, Анна Леопольдовна на очередном куртаге 23 ноября 1741 г., прервав карточную игру,

встала из-за стола и, держа в руках письмо, пригласила Елизавету в соседнюю комнату. О чем они говорили – неизвестно, но обе дамы вышли к гостям весьма взволнованными, что тотчас отметили присутствовавшие дипломаты. Этот знаменательный разговор стал отправной точкой нового дворцового переворота. Елизавета поняла, что медлить далее нельзя.

Вернувшись домой, она собрала своих сторонников на совещание, на котором было решено произвести переворот вечером следующего дня. Предусмотрительность этого шага подтвердилась, поскольку на другой день гвардейские полки получили приказ выступить из Петербурга на войну со шведами. Перед выступлением солдаты гренадерской роты Преображенского полка успели предупредить цесаревну, что она остается один на один со своими врагами. Остававшиеся еще в казармах солдаты подтвердили свою готовность выступить за нее. Напуганная грозящей опалой, Елизавета приняла окончательное решение действовать.

К вечеру следующего дня Иоганн Лесток через своих агентов, которые наблюдали за Минихом и Остерманом, получил сообщение, что ничего подозрительного в поведении обоих не видно и поспешил к Елизавете. Он застал цесаревну за молитвой перед иконой Богоматери. Впоследствии было высказано предположение, что именно в эту минуту она дала обет отменить в России смертную казнь в случае удачи опасного предприятия. В соседней комнате собрались ее приближенные.

Наконец, выйдя из своей комнаты, Елизавета облачилась в мундир полковника Преображенского полка и гвардейскую кирасу, села в сани и в сопровождении других участников заговора поехала в казармы полка. Там она обратилась к гвардейцам с вопросом: готовы ли солдаты отдать за нее жизнь. В ответ последовало громогласное «Клянемся, матушка!».

Дальше события развивались стремительно. Оставив сани на Адмиралтейской площади, Елизавета в сопровождении трехсот гвардейцев направилась к Зимнему дворцу. Из-за метели цесаревне было трудно идти, и солдаты практически на своих плечах внесли ее в Зимний дворец. Находившаяся в кордегардии стража сразу перешла на сторону мятежников. Гренадеры устремились в императорские опочивальни на втором этаже, разбудили, вытолкали прикладами и арестова-

ли Анну Леопольдовну и Антона Ульриха. Однако не все так гладко прошло при «аресте» годовалого императора. Солдатам был дан строгий приказ арестовать его только, когда он проснется. Около часа они молча простояли у колыбели, пока мальчик не открыл глаза. Увидев вокруг себя незнакомых людей, он заплакал. Венценосного младенца отнесли к Елизавете Петровне, которая, по уверению очевидцев, взяв его на руки, сказала: «Малютка, ты ни в чем не виноват!» и, продолжая держать младенца на руках, подписала Манифест о своем восшествии на престол. Поднятые по тревоге и построенные на площади перед Зимним дворцом гвардейские полки приняли присягу новой императрице. За войсками последовали спешно собранные высшие чины гражданской администрации и Двора. Новый дворцовый переворот совершился.

На следующий день был обнародован второй, более пространный манифест о вступлении на престол императрицы Елизаветы Петровны. В нем напоминался порядок престолонаследия, который был установлен «Тестаментом» Екатерины I. Согласно ему, по смерти Петра II императорская корона должна была перейти к Елизавете Петровне. Манифест возлагал основную вину за плачевное положение дел в стране на «немецкое засилье» при русском Дворе и обещал всем причастным к этому засилью заслуженное наказание. Эти заявления были с ликованием восприняты широкими кругами русского общества: от гвардии до простого народа. Под ликование толпы на улицах столицы начался спешный отъезд иностранцев, особенно немцев, из России.

Был организован показательный суд над наиболее очевидными представителями «немецкого засилья». О судьбе фельдмаршала Бурхарда Миниха мы уже говорили. Компанию ему составили Андрей Иванович Остерман, Рейнгольд Левенольде и бывший вице-канцлер Михаил Гаврилович Головкин. Этот процесс вошел в историю русского судопроизводства уже тем, что впервые вершился без пыток. Несмотря на то, что обвинения подсудимым во многих своих частях были весьма сомнительными, и все осужденные были приговорены к смертной казни, в последний момент они все были помилованы, а смертная казнь заменена на ссылку. Вообще же, надо отметить, что, дав в ночь перед своим восшествием на престол обет не под-

писывать смертных приговоров, Елизавета держала его все двадцать лет своего пребывания на троне.

А. И. Остерман с женой был сослан в Березов, где и скончался в 1747 г. Все пять лет своей ссылки этот сын вестфальского пастора провел в одиночестве, никого не принимая, страдая подагрой и утешая себя чтением Библии. Все это время два его сына продолжали служить в русской армии, причем младший после 1757 г. был переведен на дипломатическую службу и сделал на этом поприще неплохую карьеру.

Рейнгольд Левенольде был сослан в Соликамск и умер там в 1758 г. Что же до М. Г. Головкина, то он оказался в зимовье Германг Якутской области в Сибири. Жену его, урожденную княгиню Ромодановскую, Елизавета помиловала, но верная супруга последовала в Сибирь за своим мужем. В ссылке Головкины пробыли 13 лет. Умер Михаил Гаврилович в 1754 г. Еще год спустя его жена получила высочайшее разрешение вернуться в европейскую часть России, что она и сделала, привезя с собой гроб с останками мужа и похоронив его в Георгиевском монастыре в Москве.

Дальнейшая судьба Брауншвейгского семейства изобиловала драматическими поворотами. Сначала Елизавета согласилась отпустить его в полном составе за границу. 12 декабря 1741 г. Иоанн Антонович и его родные в сопровождении генерал-полицмейстера В. Ф. Салтыкова были отправлены в Ригу. Однако же, когда они прибыли туда, были взяты под стражу и отправлены в крепость Динамюнде. Здесь Анна Леопольдовна разрешилась от бремени дочерью. В январе 1744 г. семью перевели в город Ранненбург Рязанской губернии. В том же году был раскрыт заговор в пользу Иоанна Антоновича, в связи с чем его отделили от родителей и содержали в строжайшей изоляции.

Анна Леопольдовна и Антон Ульрих с семьей были срочно отправлены на Соловки, однако начавшийся ледостав помешал доставить их к месту назначения и местом ссылки семьи были определены Холмогоры. В изгнании супруги помирились и прижили еще двух сыновей. Анна Леопольдовна скончалась при родах в 1746 г. К моменту смерти ей было 28 лет. Тело ее было доставлено в Санкт-Петербург и похоронено в Александро-Невской лавре.

Антон-Ульрих Брауншвейгский пережил жену на 30 лет и скончался в возрасте 60 лет в 1774 г. в Холмогорах. После восшествия на престол Екатерины II, ему было предложено помилование в случае, если он уедет из России, оставив детей в Холмогорах. Но он предпочел неволю с детьми свободе одиночества.

Иоанн Антонович, которого теперь по повелению императрицы приказано было именовать Григорием, прожил в полной изоляции в Холмогорах 13 лет. 31 декабря 1741 г. был издан специальный указ о сдаче населением всех монет с его прежним именем для переплавки. Через некоторое время монеты перестали принимать по номиналу, а с 1745 г. их хранение стало рассматриваться как преступление. Было приказано также уничтожить все его портреты и заменить деловые бумаги, паспорта, церковные книги и прочие документы, где имелось его имя. Экс-императора содержали в одиночестве и строжайшей тайне. Все, знавшие о нем, были связаны клятвой молчания. Только в случае опасной болезни к Иоанну было позволено допустить священника. Говорить мальчику, кто он, было запрещено, как и запрещалось учить его грамоте. Но, несмотря на это, Иоанн, как показали дальнейшие события, знал свое происхождение и называл себя государем. Вопреки запрету он был обучен грамоте и ему разрешено было читать Библию.

Распространившиеся слухи о пребывании Иоанна Антоновича в Холмогорах заставили правительство в 1756 г. тайно перевезти его в Шлиссельбургскую крепость, где он был помещен в одиночную камеру №9. Доступ к бывшему императору был разрешен только трем офицерам. Даже комендант крепости не знал имени своего узника. В 1759 г. у Иоанна Антоновича были обнаружены признаки психических отклонений. Он часто был раздражителен, подозрителен, бросался с кулаками на охрану, много разговаривал сам с собой. От припадков буйства его удерживали, лишая еды и одежды.

С воцарением Петра III положение узника не улучшилось. Наоборот, секретная инструкция предписывала охране «Если арестант станет чинить какие-то непорядки или вам противности….то сажать его на цепь, доколе он усмирится, а буде и того не послушает, то бить его по вашему рассмотрению палкой или плетью. Буде же сверх нашего чаяния, кто б отважил-

ся арестанта у вас отнять, в таком случае противиться сколь можно и арестанта живого в руки не давать». По воцарении Екатерины II в 1762 г., она виделась с шлиссельбургским узником и сочла его сумасшедшим. Тогда же к вышеприведенной инструкции ее рукой была сделана приписка: «Буде же так оная сильна рука, что опастись не можно, то арестанта умертвить, а живого его никому в руки не отдавать».

В ночь с 15 на 16 июля 1764 г. подпоручик Смоленского пехотного полка Василий Мирович, служивший в крепости, предпринял попытку освобождения Иоанна Антоновича и провозглашения его императором. Склонив с помощью подложных манифестов на свою сторону часть гарнизона, он арестовал коменданта и потребовал выдачи государственного преступника. Приставленные к Иоанну офицеры капитан Власьев и поручик Чекин сначала отбивались от Мировича, но потом, когда тот стал готовить пушку, чтобы разбить двери, закололи узника, согласно инструкции. После следствия Мирович был казнен.

Братья и сестры Иоанна Антоновича до 1780 г. продолжали жить в Холмогорах. Наконец, по просьбе датской королевы Юлианы-Марии (сестры Антона Ульриха) Екатерина II решилась облегчить их участь, выслав в Данию. 27 июня 1780 г. они были доставлены в Новодвинскую крепость, а в ночь 30 июля на фрегате «Полярная звезда» отплыли от берегов России, щедро снабженные одеждой, посудой и прочими необходимыми вещами. Екатерина II назначила каждому из детей пожизненную пенсию в 8000 рублей, которая выплачивалась пока не умерла последняя из принцесс русского Брауншвейгского дома. В августе 1803 г. молодой русский император Александр I получил странное письмо, пришедшее как будто из прошлого. Оно прибыло из Дании от принцессы Екатерины Антоновны. В нем на плохом русском языке она умоляла забрать ее домой. Принцесса жаловалась, что датские слуги, пользуясь ее болезнями, грабят ее. «Я каждый день вспоминаю Холмогоры, – писала она царю, – потому что там для меня был рай, а здесь – ад». Но русский император молчал. И, не дождавшись ответа, последняя дочь несчастной брауншвейгской четы умерла 9 апреля 1807 г.

О правлении Елизаветы Петровны (1741-1761 гг.) современники отзывались по-разному. Кто-то восхищался ее про-

стотой, добротой и желанием продолжать политику своего отца. Кто-то осуждал за безграмотность, праздность, расточительство, любовь к увеселениям, легкомысленность. Несмотря на эти, противоположные мнения, нам следует отметить, что в правление этой императрицы все же был предпринят ряд мер, способствовавших развитию отдельных областей жизни России и страны в целом.

Начнем с того, что елизаветинское время отличала гуманность: не приводились в исполнение смертные приговоры, перестала свирепствовать Тайная канцелярия, отошли в прошлое изощренные пытки и истязания, характерные для практики следствия по «слову и делу государеву» предшествующих эпох.

Был упразднен Кабинет министров. Вместо него в 1741 г. возникла новая институция – Конференция при Высочайшем дворе. В ее работе участвовали руководители военного и дипломатического ведомств, а также лица, специально приглашенные императрицей. Постоянными членами (конференц-министрами) этого органа стали: канцлер князь А. М. Черкасский, вице-канцлер А. П. Бестужев-Рюмин, президент Адмиралтейств-коллегии адмирал Н. Ф. Головин и князь Б. И. Куракин. Состав и значение Конференции сильно расширились в период Семилетней войны. Тогда в состав Конференции были кооптированы: вице-канцлер М. И. Воронцов, сменивший на этом посту А. П. Бестужева-Рюмина. Последний стал канцлером вместо князя Черкасского. Кроме них конференц-министрами стали генерал-прокурор Сената Н. Ю. Трубецкой, генерал С. Ф. Апраксин, новый президент Адмиралтейств-коллегии М. М. Голицын, сенатор А. Б. Бутурлин, а также фавориты императрицы братья Шуваловы.

Несмотря на то, что Конференция по своему статусу была выше Сената, в деятельности этого старого петровского органа также произошли существенные изменения. Сенат был восстановлен в прежнем «петровском» статусе и получил право законодательной инициативы. Также было восстановлено значение в государственном управлении ряда петровских коллегий: Берг-коллегии, Мануфактур-коллегии и Главного магистрата. В то же время местное управление осталось в тех же формах, в которых оно функционировало при Петре.

Среди экономических мероприятий елизаветинского правительства наибольшее значение имеет ликвидация в 1754 г. внутренних таможен и пошлин с одновременным увеличением пошлин на иностранные товары. Эта мера способствовала развитию товарно-денежных отношений в стране и формированию единого общероссийского рынка. В благодарность за это московское купечество преподнесло императрице дорогой алмаз и крупную сумму денег.

Для поддержки дворянства правительство инициировало учреждение в 1754 г. Дворянского заемного банка. Его отделения находились в Санкт-Петербурге и Москве. Этот банк предоставлял дворянам недорогой кредит (на условиях 6% годовых), который выдавался под залог имения на сумму до 10 000 рублей. В 1755 г. для поддержки помещичьих хозяйств винокурение было объявлено исключительной монополией дворянства.

В социальной политике продолжалась тенденция на расширение прав дворянства. В 1746 г. за дворянами было закреплено право владеть землей и крестьянами. В 1760 г. помещики получили право ссылать крестьян в Сибирь на поселение с зачетом их вместо рекрутов. Крестьянам было запрещено вести денежные операции без разрешения помещика. В 1755 г. заводские крестьяне были закреплены в качестве постоянных (посессионных) работников на уральских заводах. Как следствие этих мер, в правление Елизаветы зафиксировано более 60 волнений только монастырских крестьян, а в период 1754-1764 гг. волнения наблюдались на 54 заводах Урала, в которых участвовало 200 тыс. приписных крестьян.

Вместе с тем, слабая организация власти на местах способствовала общему росту преступности и нарушений общественного порядка даже в крупных городах. Ярким примером этого стало расследование, проведенное специальной комиссией начальника Тайной канцелярии А. И. Ушакова в связи с подозрительно частыми пожарами в Москве в 1748 г. Дознание установило рукотворный характер этих поджогов и связь их с чинами московской полиции. В центре этих криминальных разборок находился доноситель московского Сыскного приказа Иван Осипов, имевший в преступных кругах Первопрестольной кличку Ванька Каин.

Сын крестьянина села Иваново Ростовского уезда Ярославской губернии, он родился в 1718 г. и 13 лет от роду был привезен в Москву на господский двор. Обокрав своего барина, Ванька бежал из Москвы, но был пойман и возвращен обратно. Тогда он донес на своего хозяина. Видимо, донос был сочтен полезным, потому что Ванька получил свободу и тут же очутился «под Большим Каменным мостом», где традиционно собирался цвет московского криминального мира. После целого ряда похождений в Первопрестольной, он счел свое пребывание там опасным и отправился на Волгу, где примкнул к понизовой вольнице. Там он разбойничал в шайке известного атамана Михаила Зари.

В конце 1741 г. Осипов вновь очутился в Москве, явился в Сыскной приказ и объявил, что он, Ванька, сам вор, знает других воров и разбойников не только в Москве, но и в других городах и предлагает свои услуги к их поимке. Это предложение московскими полицейскими властями было оценено по достоинству, и Иван Осипов был принят на службу на специально созданную для него должность доносителя Сыскного приказа. В распоряжение нового сотрудника была дана военная команда. За этот свой кульбит в московском преступном мире Ванька и удостоился клички Каин: выдавая мелких воришек, он укрывал крупных воров; преследуя раскольников, вымогал у них деньги; открыл в своем доме казино; не останавливался он и перед открытым грабежом. Весь Сыскной приказ, начиная с сотрудников и кончая писцами, оказался с ним в сговоре или потворствовал его проделкам. Под покровительством Ваньки Каина преступность в Москве росла быстрыми темпами и очевидно, что вся эта история должна была плохо кончиться.

Действительно, весной 1748 г. по Москве прокатилась волна разбоев, сопровождавшихся повсеместными пожарами, на которые не могли не обратить внимание и в столице. Из Петербурга в Москву был послан начальник Тайной канцелярии генерал-майор Ушаков, под председательством которого была учреждена особая следственная комиссия. Расследование, проводимое этой комиссией, заставило Каина несколько умерить свои аппетиты. Он продолжал свои грабежи, но уже не так свободно, как прежде. Команда Ушакова, предупреждая поджоги, ловила всех подозрительных людей и приводила их

не в Сыскной приказ, а в комиссию. Благодаря этому стали мало-помалу раскрываться все темные дела московских полицейских и лично Ваньки Каина. Убедившись, что весь Сыскной приказ был в сговоре с ним, преемник Ушакова, генерал-полицмейстер Алексей Татищев, ходатайствовал об учреждении по делу Ваньки Каина особой комиссии. Комиссия эта просуществовала с июня 1749 г. по июль 1753 г., когда это дело было передано обратно в Сыскной приказ, весь личный состав которого к тому времени был заменен. Там дело тянулось до июля 1755 г. Утверждают, что, зная, о том, что ему грозит смертная казнь, Каин, чтобы оттянуть приговор, целый год (!), выдавал следователям ежедневно по одному из своих подельников. В конце концов он был приговорен к смертной казни, но по указу Сената был помилован, бит кнутом и сослан в каторгу, сначала в Рогервик, а потом в Сибирь.

Гораздо более впечатляющими и позитивными для дальнейшего развития страны стали меры елизаветинского правительства в области культуры и образования. В июле 1747 г. был принят новый Устав (Регламент) и утверждены новые штаты Санкт-Петербургской Академии наук. Мы обсуждали ранее, что в первые годы своего существования Академия состояла из иностранцев, причем длительное время подготовка национальных научных кадров в России не велась вовсе. Лишь в 1735 г. 12 наиболее способных учеников московской Славяно-греко-латинской академии были направлены в академическую гимназию в Петербург. Среди этих учеников был Михаил Ломоносов (1711-1765 гг.), будущий первый русский академик. В 1736 г. он вместе с двумя другими студентами – Д. И. Виноградовым и Г. У. Рейзером – был отобран для отправки в Германию для обучения химии и минералогии. Для общетеоретической подготовки, предваряющей специализацию по горным наукам, вся троица была направлена в Марбургский университет, где под руководством профессора Х. Вольфа они изучали немецкий язык, теоретическую химию, физику, механику, математику. В 1739 г. Ломоносов переехал во Фрейбург, где в местном университете изучал горные науки под руководством профессора И. Ф. Генкеля. В 1741 г. он возвращается в Санкт-Петербург и получает место адъюнкта по физике, а затем после защиты диссертации под названием «О светло-

сти металлов» в 1745 г. становится профессором химии. В том же 1745 г. профессором российской и латинской элоквенции в Академии был избран известный поэт и один из реформаторов современного русского языка В. К. Тредиаковский. Затем среди членов Академии появились и другие русские имена. Этот процесс способствовал становлению и развитию русской национальной науки.

По новому Уставу Академия определялась не только как ученое, но и как учебное заведение, включавшее три подразделения: собственно Академию, университет и гимназию, готовившую к поступлению в университет. Академия наук в то время насчитывала всего десять академиков, двадцать адъюнктов и штат технических сотрудников. Отдельные от Академии профессора и студенты находились в штатах академического университета и гимназии.

Это был существенный, хотя и недостаточный шаг к появлению в России высшего образования. Как показала история, академический университет не смог в полной мере удовлетворить ни потребности Академии в научных кадрах, ни потребности страны в образованных людях. В этом на собственном опыте пришлось убедиться М. В. Ломоносову, который по решению конференции с 1742 г. читал лекции, а в 1758 г. был назначен ректором академического университета. Причиной стало то обстоятельство, что по самому своему происхождению это учебное заведение замышлялось еще Петром Великим как учреждение «корпоративное», служащее утилитарной цели – подготовке и воспитанию будущих русских академиков. Утопический характер этой идеи, в общем, был очевиден и в петровское время, но монарху перечить никто не стал (попробовал бы!). Что же до середины XVIII века, то к этому времени статус, а также карьерные или профессиональные перспективы обладателя диплома о высшем образовании (в отличие, скажем, от офицерских погон) в России были далеко не очевидны. А это снижало ценность образования в глазах потенциальных студентов. Вспомним бессмертные слова фонвизинского Митрофанушки из «Недоросля»: «Не хочу учиться, а хочу жениться!» В этой емкой фразе для молодых людей XVIII в. был заключен гораздо больший смысл, нежели в ее современном прочтении. Удачная женитьба на невесте с большим приданным могла

обеспечить Митрофанушку на всю жизнь, а вот наличие образования, даже вполне пристойного – нет.

Невозможность реформировать академический университет, как представляется, подвигла М. В. Ломоносова к идее создания настоящего университета вне стен Академии, да и вне стен столицы. В силу того времени этот, безусловно, важный и нужный для страны проект оказался облеченным в форму придворной интриги, в которой важную роль сыграл фаворит Елизаветы Петровны, меценат и благотворитель, камергер Иван Иванович Шувалов (1727–1797 гг.). Они с Ломоносовым были хорошо знакомы. Более того, известно, что Шувалов брал у первого русского академика уроки стихосложения.

Неудивительно, что и вопрос об основании нового учебного заведения в Москве ими активно обсуждался. Один из первых выпускников Московского университета И. Т. Тимковский, которому довелось быть свидетелем подобных споров, вспоминал затем, что М. В. Ломоносов тогда активно упорствовал в своем стремлении устроить новый университет в Москве по образу и подобию Лейденского университета – одного из старейших в Европе. Шувалов же резко возражал против, как он выразился, «вольностей европейской университетской жизни», под которыми он разумел университетскую автономию. Несмотря на все разногласия и споры, в 1754 г. М. В. Ломоносов, написал письмо И. И. Шувалову, в котором был начертан план будущего устройства Московского университета. Послание это было обнаружено историками много позже – в 1825 г., и с тех пор занимает неизменно почетное место во всех собраниях сочинений великого русского просветителя. До этого инициатором и главным основателем Московского университета считался именно И. И. Шувалов.

Проект, начертанный М. В. Ломоносовым, предполагал, что в состав новой образовательной институции должны были входить три факультета: философский, юридический и медицинский. В рамках этих факультетов должны быть организованы 11 кафедр. При университете планировалось открыть гимназию, призванную готовить будущих студентов университета.

Весной 1754 г. в Правительствующий Сенат поступило «Доношение об учреждении в Москве университета и двух

гимназий[3]», которое было подано от имени Камергера Ее Императорского Величества Ивана Шувалова. По сути, оно содержало план Ломоносова, изложенный в упомянутом выше письме. 19 июля 1754 г. Сенат утвердил данный документ, после чего вопрос об открытии университета перешел в практическую плоскость. Начались поиски здания, средств, кадров и пр. Для завершения этой просветительско-бюрократической интриги оставалась самая малость. Надо было подписать указ об основании университета.

12 января по старому стилю (25 января по-новому) в день святой мученицы Татианы после сомнений и колебаний, под давлением не только И. И. Шувалова, но и присоединившегося к нему сенатора и конференц-министра П. И. Шувалова Императрица Елизавета Петровна все же подписала Указ об основании Московского университета. Однако потребовалось почти полгода, чтобы университет смог начать работу. С этим событием наша страна, собственно говоря, по-настоящему шагнула в эпоху Просвещения. И. И. Шувалов стал первым куратором Московского университета. О многочисленных научных и культурных следствиях открытия первого классического университета в России мы подробнее поговорим отдельно, когда будем говорить о развитии русской культуры в XVIII в. Здесь же напомним, что с тех пор Татьянин день неизменно отмечается как праздник всех русских студентов.

К основанному Московскому университету следует присовокупить еще одну институцию, возникшую на несколько лет позже, но также изменившую культурный ландшафт России и также существующую поныне. Я имею в виду Императорскую Академию художеств. Честь ее основания принадлежит все тому же И. И. Шувалову. Именно он через два года после открытия Московского университета обратился в Сенат с аналогичным «Доношением о создании особой трех знатнейших

[3] Поначалу Ломоносовым планировалась при университете лишь одна гимназия. Но поскольку одной из задач нового учебного заведения должно было стать образование дворян, то, в итоге, в проекте было запланировано создание двух гимназий: одной – для дворян, а другой – для всех остальных сословий. Однако, жизнь внесла в этот план свои коррективы. Поскольку дворяне в массе своей проигнорировали появившуюся возможность обучения в университете, то при университете была основана лишь одна гимназия – для простолюдинов.

художеств академии». Учитывая предыдущий успешный опыт в создании учебных заведений, Сенат пошел навстречу фавориту императрицы, но с известными ограничениями. С 1756 г. началась Семилетняя война, в которую оказалась втянута и Россия. Поэтому денег на создание новой Академии в полном объеме не было. В итоге управление новым учебным заведением было размещено в особняке Шувалова на Садовой улице в Санкт-Петербурге, а занятия первых студентов проходили на базе специально созданных художественных классов при Московском университете в Первопрестольной. Устав и штаты Императорской Академии художеств были утверждены Екатериной II лишь в 1764 г., и в том же году началось строительство здания Академии на Васильевском острове в Петербурге, которое было завершено в 1817 г.

Ну и последнее из области культуры. Своим указом от 30 августа 1756 г. императрица создала Императорский театр и велела перевести в столицу труппу купца Федора Волкова, который давал спектакли в Ярославле с 1750 г. Таким образом, было легализовано и получило государственную поддержку развитие театрального искусства в России.

Общий контекст международных отношений в период царствования Елизаветы Петровны определялся продолжавшимся соперничеством великих европейских держав за гегемонию на континенте. В первую очередь, это касалось австро-французского противостояния. Мы уже говорили, что это противостояние стало одной из причин Русско-шведской войны 1741-1743 гг. Мы остановились тогда на победе русской армии над шведами при Вильманстранде, после чего сторонами было заключено перемирие.

В феврале 1742 г. русская сторона разорвала перемирие. Елизавета Петровна опубликовала в Финляндии манифест, в котором призывала ее жителей не принимать участия в несправедливой войне и обещала свою помощь в случае, если бы они захотели отделиться от Швеции и образовать независимое государство. 13 июня того же года русские войска под командованием П. Ласси вторглись в Финляндию и к 26 августа практически очистили ее от шведов, захватили столицу шведской Финляндии город Або и крепость Гельсингфорс. Балтийский флот все это время поддерживал действия сухо-

путных сил и участвовал в десантных операциях, но активно в боевые действия не вовлекался.

С января 1743 г. в Або между Швецией и Россией начались мирные переговоры. Абосский мир был заключен 17 июня 1743 г. Согласно его статьям, к Российской Империи отошли несколько городов в восточной Финляндии и на берегу Финского залива: Фридрихсгам, Вильманстранда, Нейшлот. Русско-шведская граница проходила теперь по реке Кюмене. Взамен Россия вернула Швеции все остальные территории Финляндии, захваченные в ходе боевых действий.

После окончания войны со Швецией, за спиной которой стояла Франция, Россия закономерно предпочла заключить союз с Австрией. Во многом это было продиктовано еще одним фактором, а именно неожиданным появлением на международной арене нового сильного игрока, каковым стало королевство Пруссия. Это небольшое государственное образование, возникшее из Бранденбургского курфюршества, получило независимость лишь в 1701 г. и первые полсотни лет своего существования ничем не выделялось из множества немецких княжеств и земель. Однако, взошедший на престол в 1740 г. молодой амбициозный король Фридрих II (1712-1786 гг.) нарушил устоявшийся баланс сил в Европе. В 1756 г. он оккупировал австрийскую Силезию, после чего территория его королевства увеличилась вдвое, а население – на полтора миллиона человек. Это позволило ему сформировать и вымуштровать армию, насчитывавшую 160 000 штыков. Теперь Фридрих II вынашивал планы завоевания Саксонии, Чехии, Курляндии и Речи Посполитой.

Тем временем обострившиеся донельзя отношения между Великобританией и Францией из-за раздела колониальных владений в Новом Свете грозили вылиться в вооруженный конфликт в Европе. Готовясь к нему, 27 января 1756 г. Великобритания заключила с Пруссией т.н. Уайтхолльский договор. Согласно его статьям, договаривающиеся стороны обязывались объединить свои усилия для отпора вторжению в германские земли какой-либо третьей державы. Подписывая соглашение, Англия предполагала застраховать свои интересы на континенте от возможного французского вмешательства, а Пруссия – использовать его как прикрытие для дальнейшей экспансии.

В планах английской дипломатии было также использовать и русские войска. Дело в том, что в 1747 г. между Россией и Великобританией была подписана т.н. «субсидная конвенция», согласно которой русское правительство обязывалось за ежегодную денежную субсидию в случае необходимости выставить военный корпус для защиты британских владений в Европе. Однако вопреки этим расчетам внешнеполитическая обстановка на континенте сильно поменялась. Традиционное противостояние по линии Франция – Австрия претерпело кардинальное изменение. В Европе стали формироваться два военных блока, один из которых возглавляли Великобритания и Пруссия, а другой Австрия и Франция. 1 мая 1756 г. был подписан Версальский договор между Австрией и Францией, по которому оба государства взаимно гарантировали неприкосновенность своих владений и обязались оказывать друг другу военную помощь. Русское правительство некоторое время колебалось, но в конце концов решило примкнуть к австро-французской коалиции.

Война, получившая название Семилетней, разразилась в августе 1756 г. Прусские войска численностью 67 тысяч человек перешли границы Саксонского курфюршества. Под давлением превосходящих сил курфюрст (и по совместительству король Речи Посполитой) Август III бежал в Варшаву. Саксонская армия оказалась блокированной у Пирны, а пруссаки заняли столицу Саксонии Дрезден, оказавшийся совершенно беззащитным перед лицом неприятеля. Двинувшиеся на помощь Саксонии австрийские войска не смогли форсировать Эльбу, были отброшены прусской армией, и Саксония вслед за Силезией вошла в состав Пруссии.

Россия объявила войну Пруссии в августе того же 1756 г., но смогла начать боевые действия лишь весной следующего года. Командующим армией был назначен ветеран походов Миниха фельдмаршал С. Ф. Апраксин. Несмотря на впечатляющий послужной список и героизм при штурме Очакова, за что он был произведен в премьер-майоры, особых полководческих талантов у Степана Федоровича не наблюдалось. Более того, он отличался медлительностью и нерешительностью при принятии важных решений.

Формирование армии было поручено фельдмаршалу А. Б. Бутурлину. Под его началом к месту сосредоточения войск

в Ковно к весне 1757 г. было собрано 65 тыс. человек личного состава и около 20 тыс. сабель нерегулярных формирований при 19 тысячах лошадей. В июне русские войска начали движение к русско-прусской границе и лишь 21 июля пересекли ее. Затем армия разделилась. Часть войск численностью 20 тыс. человек под командованием генерала Вилима Фермора были направлены на взятие города Мемель (ныне Клайпеда).

Осведомленный о нерешительности русских войск, Фридрих II поручил защиту Восточной Пруссии фельдмаршалу Левальду, оставив под его командованием тридцатитысячный армейский корпус. Сам же он с основными силами выступил в Богемию. Прусский король очень пренебрежительно относился к русской армии, называя ее «ордой дикарей» и полагал что одного корпуса прусских войск достаточно не только, чтобы сдержать русский натиск, но и отбить его… Однако, здесь прусский король просчитался.

17 августа русские войска переправились через реку Прегель и встали лагерем перед деревней Гросс-Егерсдорф. Рано утром 19 августа прусские войска атаковали русский лагерь. Нападение было неожиданным. Русские даже не успели построиться в боевой порядок. В ходе тяжелого боя пруссаки сумели разгромить Нарвский и 2-й Гренадерский полки. В бою был убит генерал-аншеф В. А. Лопухин (племянник первой жены Петра Великого). Однако русские сражались с необычайной стойкостью. Исход боя решил смелый маневр будущего прославленного полководца, а тогда генерал-майора П. А. Румянцева. В момент, когда правое крыло русской позиции дрогнуло и начало отступать, он во главе четырех резервных полков совершил обходной маневр через лес и, неожиданно для противника, ударил ему во фланг. Это привело к панике в рядах наступавших прусских войск. Они дрогнули и стали отступать. Не разобравшись, что происходит, вторая линия пруссаков открыла огонь по своим. После этого прусский строй рассыпался окончательно, и солдаты побежали. Атака русской кавалерии завершила разгром. Свою роль в исходе сражения сыграла и русская артиллерия. В сражении при Гросс-Егерсдорфе свое боевое крещение прошли новые русские «секретные» гаубицы, разработанные по инициативе П. И. Шувалова. Их эффективность в борьбе с неприятельской пехотой и кавалерией была

настолько впечатляющей, что до конца войны артиллеристам строго наказывалось тщательно охранять эти орудия, а вне лагерей укрывать дульную часть чехлами, дабы излишне любопытные иностранцы не проведали тайны их устройства.

Победа в сражении при Гросс-Егерсдорфе окрылила солдат. Все ждали продолжения наступления на Кенигсберг. Однако командующий рассудил иначе. После нескольких дней стояния у Алленберга, Апраксин приказал отступать на зимние квартиры. Вскоре отступление превратилось в бегство. Преследуемые пришедшими в себя пруссаками, бросая обозы и раненных, русские войска с позором оставили Пруссию. Неудивительно, что молодой генерал П. И. Панин с риском для себя добрался до столицы и, выражая общее мнение офицеров, доложил Елизавете об измене главнокомандующего.

До сих пор точно не установлены причины подобного образа действий С. Ф. Апраксина. По-крайней мере, как среди современников и очевидцев событий, так и среди историков существует довольно много разноречивых мнений на этот счет. Кто-то считал, что в связи с дошедшими до главнокомандующего сведениями об ухудшении здоровья императрицы, он поостерегся вести активные боевые действия, зная о приверженности официального наследника престола Петра Федоровича к союзу с Пруссией. Кто-то винил во всем отсутствие у фельдмаршала настоящих полководческих качеств. Не в этом суть. По приказу императрицы Апраксин был арестован и подвергнут дознанию. Следствие велось три года, но не смогло установить каких-нибудь серьезных улик против него. Степан Федорович продолжал категорически отрицать свою вину. Дилемму относительно дальнейшей судьбы опального главнокомандующего решила сама Елизавета. Когда ее спросили, что делать с упрямым фельдмаршалом, то получили следующий ответ: «Поскольку его вина не доказана, то остается последнее средство – освободить его». Когда же эти слова государыни были доведены до самого подсудимого, он успел выслушать только первую часть фразы. После слов «Остается последнее средство» он подумал, что ему предстоят ужасные пытки и, скоропостижно скончался, по всей вероятности, от сердечного приступа, вызванного испугом.

История с Апраксиным пагубным образом сказалась на карьере канцлера А. П. Бестужева-Рюмина. У императрицы и членов Конференции возникли подозрения в его предательстве. Особенно усердствовал в нагнетании этих настроений при Дворе французский посол маркиз Лопиталь. Ему вторил австрийский посланник М. Эстерхази. Первый полагал, что Бестужев-Рюмин более склонен к союзу с Англией чем с Францией, а второй – что канцлер не желал считать Австрию главной страной в войне с Пруссией. Благодаря деятельности этих двоих, круг недругов у А. П. Бестужева-Рюмина ширился.

Он был арестован 27 февраля 1758 г. во время очередного заседания Конференции, лишен всех чинов и наград и помещен под арест. Вместе с ним были арестованы лица из его окружения: И. Елагин (бывший адъютант А. Разумовского, В. Ададуров (бывший учитель русского языка цесаревны Екатерины), а также генерал-квартирмейстер Вермач и ювелир Бернарди. Следствие было поручено начальнику Тайной канцелярии А. И. Шувалову, генерал-поручику Н. Ю. Трубецкому и фельдмаршалу А. И. Бутурлину. Результаты его никоим образом не подтвердили обвинения в предательстве, однако А. П. Бестужев-Рюмин был осужден на смертную казнь. Елизавета Петровна этот приговор не утвердила, заменив его ссылкой в село Горстово Московской губернии, куда осужденный и удалился. По восшествии на престол Екатерины II бывший канцлер был полностью реабилитирован и восстановлен в своих чинах и даже пожалован званием генерала-фельдмаршала.

Новым командующим русской армией был назначен англичанин на русской службе, генерал-аншеф Виллим Виллимович Фермор (1702-1771 гг.). Он поступил в русскую армию в 1720 г. и был участником практически всех военных кампаний, которые во второй четверти XVIII века вела Россия. Именно Фермор командовал тем отрядом русских войск, который осадил и захватил Мемель во время предшествующей кампании.

По первому зимнему пути 34-тысячная русская армия под началом нового главнокомандующего вновь выступила в поход, без боя заняла Тильзит и 11 января 1758 г. – Кенигсберг. В связи с этим последовал особый императорский манифест, в котором декларировалось включение Восточной Пруссии в состав России на правах отдельной области. 24 января (это

был день рождения Фридриха II) была назначена присяга жителей Восточной Пруссии русской императрице. Среди прочих, присягу принес и известный житель Кенигсберга – философ Иммануил Кант.

В конце мая 1758 г. Фермор начал наступление в Померании. Русская армия двинулась вдоль балтийского побережья в направлении крепости Кюстрин на правом берегу Одера. Крепость была блокирована русскими войсками в августе. На помощь осажденному гарнизону спешил Фридрих II с основными силами прусской армии. Получив донесение о том, что прусские войска переправились через Одер, Фермор снял осаду крепости и двинул свои войска навстречу пруссакам. Противники встретились на обширном холмистом поле около деревни Цондорф, где 14 августа состоялось сражение.

Первой в бой вступила прусская артиллерия. Батареи, расположенные на холмах вокруг Цондорфа, предприняли обстрел русских позиций, после чего около 11 часов утра началось прусское наступление. Фридрих II применил изобретенный им самим и потому излюбленный прием косой атаки. Такой метод ведения боя предполагал, что войска атакуют не прямой, а косой линией более сильным флангом. При этом остальная часть войск держалась позади, своеобразным уступом. Это позволяло Фридриху II создавать в нужном месте превосходство в силах и достигать победы при меньших потерях.

Однако данный прием в сражении при Цондорфе дал осечку. Сначала основной удар пруссаков пришелся на правый фланг русских. Выдержав полуторачасовую артиллерийскую подготовку, русские войска стойко держались на поле боя. Причем в атаке приняла участие вся королевская кавалерия. Когда прусская конница доскакала до боевых порядков противника, русские расступились, пропустили ее и вновь сомкнули ряды. Пруссаки с большими потерями вынуждены были пробиваться обратно. Во время кульминации сражения Фермор вместе с рядом офицеров штаба покинул поле битвы. Видимо, главнокомандующий считал поражение своей армии неизбежным. Фридрих же перестроил боевые порядки и после полудня перенес основной удар на левый фланг русских войск. Но и там, даже в отсутствии командования, ему не удалось опрокинуть неприятеля. Ночь обе армии провели под ружьем, ожидая

атаки, но наутро прусские войска отошли и поле боя осталось за русскими.

На другой день после сражения Фермор соединился со своими войсками, но, несмотря на то, что вскоре его потрепанная армия усилилась подошедшим свежим корпусом Румянцева, от активных действий он отказался. Противники покинули поле битвы в разных направлениях: Фридрих с остатками армии отошел в Силезию, а русские предприняли неудачную осаду крепости Кольберг и, не добившись результата, отошли на зимние квартиры к берегам Вислы. Таким образом, как и в прошлом 1757 г., стратегические результаты кампании 1758 г. оказались для русской армии ничтожны. Выведя войска на постой, Фермор подал в Конференцию рапорт об отставке с поста главнокомандующего. Просьба эта была удовлетворена. Новым главнокомандующим с 8 мая 1759 г. был назначен генерал-аншеф Петр Семенович Салтыков (1698-1772 гг.).

Салтыков вступил на военную службу в 1714 г. и сразу же был отправлен Петром I во Францию для обучения морскому делу. Но, не чувствуя призвания быть моряком, он, вернувшись на родину, продолжил службу в армии. Довольно быстрый карьерный рост П. С. Салтыкова объясняли дальними родственными узами с императрицей Анной Иоанновной (ее мать была из рода Салтыковых). Капитан гвардии, Петр Салтыков был причислен ко Двору Ее Величества в чине действительного камергера и в 1732 г. вместе с отцом получил титул графа. В 1734 г. уже в звании генерал-майора П. И. Салтыков принимал участие в операциях русских войск в Польше, а в 1742 г. генерал-поручиком участвовал в Русско-шведской кампании. До своего назначения главнокомандующим он с 1756 г. командовал нерегулярными украинскими казацкими полками.

В войска Салтыков прибыл 19 июня 1759 г. К этому времени основные прусские силы общей численностью в 35 000 человек были сосредоточены в Силезии. Кроме того, 30-тысячный корпус прусских войск под командованием генерала Х. Донны действовал на территории Польши. Им противостояли австрийские войска под командованием фельдмаршала Леопольда Дауна численностью до 135 000 человек и русская армия, насчитывавшая около 40 000 штыков.

Свою задачу новый русский главнокомандующий видел в соединении с основными силами австрийцев. Этому должен был помешать корпус прусской армии под командованием генерала Веделя. Однако в кровопролитном сражении при Пальциге Ведель был разбит, и русская армия вышла к Одеру у города Кроссен. По приказу Салтыкова войска двигались вдоль Одера к Франкфурту[4], угрожая таким образом столице Прусского королевства Берлину, находящемуся в 80 километрах западнее. Подойдя к Франкфурту 23 июля, русская армия встала лагерем на правом берегу реки у деревни Кунерсдорф. Здесь к русской армии присоединился австрийский корпус генерала Лаудона, посланный фельдмаршалом Дауном в помощь русскому союзнику. Таким образом, общая численность армии Салтыкова составила около 60 000 человек.

Фридрих II не мог игнорировать угрозу, нависшую над столицей его королевства и, собрав войска в общей сложности около 50 000 штыков, двинулся навстречу. Он форсировал Одер ниже Франкфурта и появился в поле зрения Салтыкова с юго-востока. Свои войска Фридрих II развернул под прямым углом к расположению союзников. Салтыков построил свои боевые порядки на высотах вокруг Кунерсдорфа, фронтом на юг. Правый фланг его примыкал к Одеру, а левый оканчивался самым восточным из трех холмов Кунерсдорфской гряды. На предстоящем поле битвы русские саперы возвели земляные заграждения и рвы, прикрывавшие фланги. Зная, что пруссаки любят наступать «косой атакой», русский главнокомандующий отказался от традиционного «линейного» расположения войск, составил сильный резерв на правом фланге. Здесь располагалась большая часть русской кавалерии и австрийский корпус.

Сражение при Кунерсдорфе началось в полдень 1 августа 1759 г. Фридрих II сосредоточил основные усилия на левом фланге русской армии. В ходе ожесточенного боя пруссакам удалось разбить 15 батальонов русской пехоты и вывести из строя 12 орудий. К трем часам дня прусская армия овладела половиной поля битвы. Однако же правый фланг стоял непоколебимо. Свои лучшие качества показала русская артиллерия, состоявшая из шуваловских секретных единорогов.

[4] Имеется в виду Франкфурт на Одере.

В частности, русские артиллеристы не только использовали заряды картечи, косившие прусскую пехоту, но и пользуясь возможностью единорогов стрелять по навесной траектории бомбами[5] через головы наступающих войск, вели эффективную контрбатарейную борьбу с прусской артиллерией. Прусское наступление стало захлебываться. Почувствовав, что наступающие порядки стали выдыхаться, русский резерв нанес неожиданный удар вдоль фронта. Пруссаки побежали. Вместе со своими солдатами бежал и Фридрих, оставив на поле боя в качестве трофея свою шляпу. На поле боя были собраны и брошены к ногам Салтыкова 28 знамен прусских полков.

Сражение при Кунерсдорфе стало знаковым во всей Семилетней войне. Именно здесь был развеян миф о непобедимости прусской армии и о полководческом гении Фридриха II. Это было первое громкое поражение Фридриха как полководца. После этой победы у союзников открылась возможность быстро довершить разгром Пруссии и закончить войну. Но возможность эта была упущена. Виной тому стала несогласованность действий Санкт-Петербурга и Вены и желание австрийского двора всеми возможными способами не допустить усиление влияния России в Европе. При этом в действиях Вены явно читалось желание использовать русские войска для возвращения Силезии и других отторгнутых Пруссией территорий.

Личные переговоры командующих армиями, состоявшиеся 11 августа, подтвердили различный подход к ведению дальнейших боевых действий. Фельдмаршал Даун ратовал за перенесение боевых действий из Пруссии в Силезию. Салтыков же полагал, что после присоединения к России Восточной Пруссии надо заканчивать войну, и не видел большого резона проливать русскую кровь за интересы Австрии и Франции. И хотя в конфиденциальных беседах императрица разделяла эту точку зрения, публично ни она, ни Конференция ее не озвучивали, боясь осложнения отношений с Веной. Потеряв, в конце концов, надежду на быстрое окончание войны, Салтыков предлагал провести новое русское наступление в Померании, наконец, овладеть Кольбергом, и встать там на зимние кварти-

[5] Бомба – тип фугасных артиллерийских боеприпасов, широко применявшихся в XVIII-XIX вв.

ры. В своем ответе Конференция отклонила этот план, как не учитывавший интересы Австрии и вообще обвинила Салтыкова в неумении договариваться с союзниками.

Тогда, ссылаясь на болезнь, Петр Семенович подал в отставку и получил ее. Новым главнокомандующим стал фельдмаршал Александр Борисович Бутурлин (1694-1767 гг.). Он прибыл в войска во второй половине октября. На этом кампания 1759 г. завершилась.

Наступивший 1760 г. не был ознаменован для русской армии какими-либо существенными успехами, если не считать знаменитый эпизод с взятием Берлина. В это время основные боевые действия между австрийскими войсками и прусской армией развернулись в Саксонии, и столица королевства Пруссии осталась без достаточного прикрытия. Учитывая это обстоятельство, было решено совершить рейд на Берлин. Командовать выделенным для этой цели 20-тысячным отрядом русской армии был назначен генерал-поручик З. Г. Чернышев. Авангард возглавил саксонец на русской службе Готлиб Тотлебен. Прусская столица не имела валов и стен. Она была защищена лишь гарнизоном в 1200 человек и потому не могла оказать серьезного сопротивления. Комендант Берлина генерал Рохов, уступая просьбам отдельных представителей города, приготовился к обороне. Пока основные силы Чернышева занимали город Фюрстенвальде на реке Шпрее, Тотлебен со своим отрядом подошел 21 сентября к Берлину и спустя три дня предъявил жителям ультиматум. После отказа сдаться 24 сентября начался обстрел города из гаубиц. В Берлине начались пожары. Ночью последовала атака русских со стороны Котбусских и Галльских ворот. Этот натиск оказался безуспешным и русские отряды отошли к Копенику. В это время с севера на помощь осажденным подошел принц Евгений Вюртембергский с отрядом в 5 000 человек. С юга же к столице Пруссии подступил австрийский корпус под командованием генерала Франца-Морица Ласси. Таким образом к 27 сентября в городе находилось 17 000 пруссаков, а в окрестностях стояло 20 000 русских и 17 000 австрийцев. Союзники готовились к штурму, но его не последовало. Ночью 28 сентября отряд принца Вюртембергского покинул Берлин так же неожиданно, как и появился. Прознав про это и не информировав Чернышова,

Тотлебен самовольно вошел в столицу Пруссии… и принял капитуляцию города на очень выгодных для пруссаков условиях. С берлинцев была взята контрибуция и изъяты ключи от города. Сейчас они хранятся в Казанском соборе Санкт-Петербурга. Это, правда, не спасло Берлин от разграбления. Командующий русской армией вынужден был начать следствие против саксонца за самоуправство и неподчинение приказам[6].

По иронии истории в отряд Тотлебена входили кавалеристы Нарвского Кирасирского полка. За штурм Берлина 1760 г. полк был награжден Георгиевским штандартом. С 1901 г. шефом полка числился германский кайзер Вильгельм II. В 1912 г. во время визита в Россию он посетил подшефный полк. Объезжая строй, германский император спросил, за что полку был пожалован Георгиевский штандарт. Прозвучал четкий ответ: «За взятие Берлина, Ваше Величество». Кайзер ответил: «Это очень хорошо, но все же лучше никогда больше этого не повторять!». Как известно, русская (тогда Красная) армия не прислушалась к совету императора и вторично овладела Берлином в 1945 году.

Узнав о падении своей столицы, Фридрих II спешно выступил из Силезии в сторону Берлина. Получив донесение о выдвижении прусских войск, Тотлебен не стал испытывать судьбу и покинул город, через два дня соединившись с русскими войсками под Франкфуртом.

По планам кампании 1761 г., предполагалось, что русские войска будут совместно с австрийцами действовать в Силезии. В Померании же должен был оперировать вспомогательный русский корпус под командованием П. А. Румянцева. На практике же боевые действия в Силезии не принесли союзникам ощутимого результата, зато Румянцеву удалось овладеть Кольбергом, который до того безуспешно пытался взять еще фельдмаршал Салтыков.

Корпус Румянцева числом 15 000 человек подошел к Кольбергу в августе 1761 г. Крепость оборонял прусский гарнизон

[6] Бытует легенда, упоминаемая в «Истории Пугачевского бунта» А. С. Пушкиным, согласно которой Тотлебен выделил среди казаков, действовавших под его началом, будущего главу пугачевского восстания Емельяна Пугачева. Он, якобы, даже отметил его внешнее сходство с наследником Петром Федоровичем, подав тем самым будущему предводителю крестьянской войны мысль стать самозванцем.

и прибывший из Берлина отряд принца Вюртембергского. Общая численность оборонявших город войск составила около 18 000 человек. На помощь Румянцеву с моря прибыло подкрепление 7000 человек. Корабли Балтийского флота, доставившие этот отряд, также приняли участие в осаде крепости, блокируя и бомбардируя ее с моря. Отрезанный от коммуникаций, испытывая возрастающую потребность в провианте, гарнизон Кольберга продержался до конца октября. Не видя никаких перспектив деблокады, принц Вюртембергский с отрядом покинул крепость. Оставшиеся ее защитники продержались до 5 декабря, когда гарнизон окончательно капитулировал.

После падения Кольберга русская армия оказалась на границе провинции Бранденбург, имевшей жизненно важное значение для Пруссии. Складывались условия для ее окончательного поражения в самой ближайшей перспективе. Однако 25 декабря 1761 г. умерла Елизавета Петровна. Воцарившийся же новый император Петр III, не скрывавший своего преклонения перед Фридрихом II, 24 апреля 1762 г. подписал с Пруссией мирный договор, по которому ей возвращались все земли, занятые русскими войсками. Россия таким образом вышла из Семилетней войны. Совокупные потери от нее составили более 300 тысяч жизней русских солдат и 30 млн. рублей прямых финансовых издержек. Не удивительно, что популярность нового императора, завершившего войну на подобных унизительных условиях, была крайне низка. Хотя международный авторитет России и ее армии в Европе после этой войны сильно укрепились. Россия продемонстрировала способность противостоять и побеждать сильнейшие армии своего времени.

Австрия и Франция продолжали войну еще год. В 1763 г. между ними и Пруссией с Великобританией был заключен Губертсбургский мирный договор. По нему англичане получили территорию французской Канады, Восточной Луизианы, Флориды, часть французских колоний в Индии и территорию Сенегала в Африке. В свою очередь, Австрия отказалась от всех своих притязаний на владения прусского короля. Силезия окончательно стала частью Пруссии. Саксонскому курфюрсту возвращались его владения, оккупированные пруссаками на первом этапе войны. Стороны обязались обменяться захваченным

имуществом и военнопленными. Фридрих II обязался не нарушать свободу вероисповедания католицизма в Силезии.

Так кем же был новый русский император, чьи первые же шаги на международной арене вызвали возмущение подданных? Герцог Шлезвиг-Голштинский Карл-Петр-Ульрих был в одно и то же время родным внуком Петра Великого, ибо происходил от старшей дочери Петра Анны, выданной замуж за Голштейн-Готтропского герцога Карла Ульриха, и племянником главного противника его деда в Северной войне шведского короля Карла XII. Поэтому при известных обстоятельствах он мог претендовать не только на русский, но и на шведский трон. Он родился в 1728 г. в Киле, очень рано осиротел и воспитывался гофмаршалом О. Ф. Брюммером, который видел свою задачу сделать из маленького герцога настоящего солдата. Крепким здоровьем мальчик не отличался. Скорее наоборот: был болезненным и хилым.

Все детство он провел в обстановке, близкой к казарменной. При рождении отец пожаловал ему чин унтер-офицера. Когда Карлу-Петру-Ульриху исполнилось 10 лет, ему был присвоен чин секунд-лейтенанта. Жизнь мальчика тщательно регламентировалась и любые отступления от этого порядка карались наказаниями, зачастую довольно унизительными: стоянием на коленях на горохе, поркой, украшением ослиными ушами и пр. Подобные грубые методы воспитания напрочь отбили у будущего наследника русского престола желание учиться. Особенно ненавистной для него была латынь, знание которой считалось обязательным для каждого образованного человека. К 13 годам он мог кое-как изъясняться по-французски.

Свита малолетнего герцога сплошь состояла из бывших и действующих офицеров прусской армии. Поэтому при дворе только и говорили, что о военной службе, а культ Фридриха II как олицетворение всех военных добродетелей был чем-то само собою разумеющимся. Сам Карл-Петр-Ульрих прилежно учился лишь обращению с оружием и строевой подготовке, ходил на дежурство с другими придворными молодыми людьми и обсуждал с ними, как правило, внешнюю сторону военной службы: парады, маневры, разводы караулов и пр. Однако при этом он боялся пушечной пальбы и эта боязнь, судя по воспоминаниям, сохранилась у него на всю жизнь. Именно с во-

инскими утехами были связаны все его честолюбивые мечты. Одновременно с этим герцог любил живопись, музыку и даже брал уроки игры на скрипке.

Елизавета Петровна с первых же лет пребывания на троне беспокоилась о наследнике. Поскольку брак императрицы с Алексеем Разумовским, о чем мы говорили выше, был неофициальным, то и дети, буде произведенные в нем, не имели бы законных прав на престол. Об этих детях, точнее говоря, о самозванцах, которые ими представлялись, мы еще поговорим позже. Здесь же важно отметить, что Елизавета совершенно не хотела уступать будущее российского трона кому-либо из потомков брата и соправителя своего отца – Ивана V. Поэтому она и обратила внимание на своего голштинского племянника.

В этой связи нужно упомянуть, что в свое время одним из условий брака между родителями Карла-Петра-Ульриха был отказ их и их потомков от русского престола. Поэтому в расчетах голштинского двора если и присутствовали надежды на занятие какого-нибудь европейского трона, то предполагалось, что трон этот будет шведским. На практике это выливалось в то, что будущему русскому императору с детства вдалбливалось высокомерное и уничижительное отношение к России и всему русскому. Как позже признавался сам Петр III, он бы с большей охотой стал бы генералом Фридриха II, нежели русским императором. Но судьба распорядилась иначе. В возрасте 14 лет этот внук Петра Великого прибыл в Россию и 15 ноября 1742 г. был официально объявлен наследником престола. Здесь он принял православную веру и наречен в православии Великим Князем Петром Федоровичем.

При первой встрече Елизавета была поражена невежеством своего племянника. Воспитателем Петра Федоровича был назначен академик Якоб Штелин, который к тому времени заведовал Художественным департаментом Академии наук и числился профессором элоквенции и поэзии в академическом университете. Однако все его усилия не принесли сколько-нибудь заметных результатов. По отзывам самого Штелина, «уроки практической математики, фортификации и проч. инженерных укреплений шли еще правильнее прочих, потому что отзывались военным делом. При этом его высочество незаметно ознакомился с сухими и скучными началами геометрии. В прочие же

дни, когда преподавалась история, нравственность и статистика, его высочество был гораздо невнимательнее». Кроме того, занятия постоянно прерывались. Наследник не мог пропустить развод караула во дворце и часто отвлекался на игру в оловянные солдатики, которым устраивал игрушечные смотры в компании со своими слугами и придворным карликом Андреем. По вечерам, когда великий князь не был отозван к императрице, или при Дворе не было обыкновенного приема, наставник занимал его сочинениями из академической библиотеки, в особенности такими, в которых были поучительные картины. Обучение Петра Федоровича длилось три года.

Когда наследник достиг брачного возраста, Елизавета стала подыскивать ему невесту. В вопросе выбора достойной кандидатуры мнения русских придворных разделились. Канцлер Бестужев-Рюмин хотел женить Петра на дочери саксонского курфюрста Августа III Марии-Анне. Иоганн Лесток, обер-гофмаршал Брюммер и ряд других вельмож прочили наследнику в невесты одну из дочерей французского короля. Однако, Елизавета Петровна рассудила иначе. Невестой будущего императора стала дочь князя Ангальт-Цербстского Христиана-Августа и его жены Иоганны-Елизаветы – София-Августа-Фредерика. В семье ее звали Фике. Она родилась в 1729 г. Отец ее, как и многие немецкие князья, находился на службе в прусской армии, дослужился до генерал-лейтенанта и в 1742 г. был назначен губернатором Штетина. Мать, урожденная герцогиня Голштейн-Готропская вышла замуж за него едва достигнув пятнадцати лет. Причем разница в возрасте родителей Софии-Августы-Фредерики составляла 27 лет. В этом браке помимо будущей русской императрицы родилось еще четверо детей.

Письмо, приглашавшее Софию-Августу-Фредерику с матерью на высочайшие смотрины в Санкт-Петербург, было получено в Цербсте 1 января 1744 г. Поскольку прусская дипломатия, пристально следившая за всеми движениями русского Двора, была заранее информирована о выборе Елизаветы, то Фридрих II пожелал лично познакомиться с возможной невестой будущего русского императора. Мать и дочь имели аудиенцию в Берлине. По замечанию самого Фридриха, во время разговора он убедился, что пятнадцатилетняя Фике гораздо умнее своей матери и приветствовал предстоящий брак. По-

сле свидания с королем герцогиня с дочерью добрались до Миттавы и через Ригу[7] и Петербург направились в Москву, где в то время пребывал императорский Двор. В Первопрестольную они прибыли 9 февраля 1744 г.

После представления Двору Софии-Августе назначили двух преподавателей. Законоучителем будущей цесаревны, готовившим ее к переходу в православие, стал архиепископ Псковский Симон (Тодорский). А русскому языку ее учил переводчик Академии наук Василий Ададуров. Изучение языка своей новой родины шло у Софии-Августы довольно успешно и уже 28 июня 1744 г. во время своего обращения в православную веру, она четко произнесла свое исповедание на русском языке, чем очень удивила всех присутствующих. В православии она получила имя Екатерины Алексеевны. На следующий день после принятия православия Екатерина была обручена с великим князем Петром Федоровичем. Свадьба была сыграна 21 августа 1745 г.

Параллельно разворачивалась политико-дипломатическая интрига, связанная с матерью Софии-Августы. Зная о пиитете княгини Цербстской к себе, Фридрих II во время аудиенции в Берлине, договорился с ней об определенной политической услуге. Он рассчитывал, что с ее помощью ему удасться склонить императрицу Елизавету Петровну к союзу с Пруссией и отстранить от власти канцлера Бестужева-Рюмина, проводившего антипрусскую политику. Однако Бестужеву удалось перехватить письма княгини Цербстской Фридриху II из Петербурга и предъявить их Елизавете Петровне. После того как последняя узнала о «некрасивой роли прусского шпиона», которую играла при ее дворе мать Софии, то немедленно подвергла ее опале. Это, впрочем, никак не сказалось на самой Софье-Августе-Фредерике, но ее мать в итоге, была из России выслана.

Отношения у царственных молодоженов после свадьбы тоже не складывались. Начиная с первой брачной ночи, муж уклонялся от исполнения супружеских обязанностей. По сло-

[7] Согласно документам, у дома, в котором остановились Софья-Августа с матерью в Риге, нес почетный караул поручик Брауншвейгского кирасирского полка барон Карл Фридрих Иероним фон Мюнгаузен – невыдуманный герой и персонаж известного произведения Э. Распе «Похождения барона Мюнхгаузена».

вам самой Екатерины «в этом положении дело оставалось в течение девяти лет, без малейшего изменения». Петр продолжал играть в солдатики и увлекался интрижками на стороне, не скрывая это от жены. Игры в оловянных солдатиков продолжились с участием солдат настоящих. Елизавета Петровна разрешила наследнику выписать с родины роту голштинцев, которых он расквартировал в подаренном императрицей Ораниенбауме и там же муштровал их. Чтобы придать этим увлечениям Петра Федоровича хоть какую-то правильную направленность, к нему в качестве воспитателя был приставлен боевой генерал В. Репнин. Однако тот смотрел на свои обязанности сквозь пальцы и не препятствовал молодому человеку посвящать все время игре в солдатики.

Здесь мне необходимо сделать пояснение, как представляется, важное для понимания событий, которые будут излагаться дальше. Главным источником, который ныне широко используется для освещения взаимоотношений молодой Екатерины с мужем, являются ее собственные «Записки…», увидевшие свет благодаря усилиям русской неподцензурной печати много позже ее смерти. Так вот, профессиональным историкам хорошо известно, что обычно в мемуарах исторических деятелей факты их биографии сопровождаются субъективной авторской оценкой и даже некоторой долей вымысла. Это свойство любой человеческой личности, не обязательно исторической. В воспоминаниях же Екатерины II вымысла, пожалуй, больше, чем следовало бы, и больше не по объему, а по значению.

Формально эти записи предназначались лишь одному читателю. Им был Великий князь Павел Петрович. Однако, очевидно, что расчет автора был на более широкий круг читателей. Если вспомнить, что Екатерина находилась в центре заговора, который привел к свержению легитимного императора Петра III (ее законного мужа) и ее воцарению в 1762 г., то становится очевидной идеологическая составляющая и главная цель этих воспоминаний – опорочить и очернить в глазах потомков фигуру свергнутого монарха, показать неизбежность и историческую необходимость его низложения и тем самым оправдать себя. И для достижения этой цели она, наверняка, сгущала краски. Но, думается, что Петр III не был столь законченным

идиотом, как его стремится представить Екатерина. Тем более, ряд рациональных решений своего свергнутого мужа в области внутренней политики, она сама, придя к власти, либо подтвердила, либо воплотила в жизнь. Так или иначе, другого столь подробного источника, описывающего семейную жизнь наследника престола и его жены у нас нет. Поэтому, учитывая все вышеназванные обстоятельства, вернемся к изложению последующих событий.

Погружение великого князя в военные потехи вызывало нарастающее раздражение императрицы. Стремясь побудить наследника и его жену к нормальным семейным отношениям, в 1747 г. она заменила Репнина супругами Николаем Наумовичем и Марией Симоновной Чоглоковыми, в которых видела пример искренне любящей друг друга супружеской пары. Во исполнение инструкции, составленной канцлером Бестужевым, Чоглоков пытался ограничить доступ своего подопечного к играм и заменил для этого его любимых слуг. Однако ситуацию это не изменило, а усугубило. Петр Федорович увлекся фрейлиной императрицы Елизаветой Воронцовой, Екатерина – секретарем английского посла Станиславом Понятовским. Французский посол при русском Дворе граф д'Аллион докладывал в Версаль в 1753 г.: «Великий князь все еще никак не может доказать супруге, что он является мужчиной».

Между тем двор ждал появления наследника. Ждала его и Елизавета Петровна. В какой-то момент ко двору Екатерины и Петра Федоровича были приставлены два молодых и симпатичных человека. Это: двадцатишестилетний камергер красавец, весельчак и балагур Сергей Васильевич Салтыков и камер-юнкер Лев Александрович Нарышкин. Оба начали добиваться расположения Великой княгини. Удивление и настороженность последней разрешила Мария Семеновна Чоголкова. В какой-то момент она, всегда строгая и безупречная дама, откровенно заявила Екатерине, что «в интересах престолонаследия» ей дозволено выбирать себе любого из представленных кавалеров… Если верить самой Екатерине, выбор ее пал на Сергея Салтыкова. Летом 1753 г. она разрешилась от бремени мертворожденной девочкой. Это не могло понравиться императрице, и когда великая княгиня забеременела вновь, ее посадили на карантин. 20 сентября

1754 г. был издан Высочайший Манифест о рождении наследника российского престола Павла Петровича. С тех пор и по сей день, вот уже третий век среди историков, потомков дома Романовых и просто интересующихся историей ведется спор о том, кто же был настоящим отцом императора Павла I.

Что касается Романовых, то отношение к этому вопросу очень хорошо иллюстрирует следующий исторический анекдот. Утверждают, что как-то император Александр III попросил обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева внести, наконец, ясность, кто был отцом Павла I. Последний провел расследование и доложил царю, что, исходя из собранных фактов, отцом Павла скорее всего был С. Салтыков. «Превосходно, – воскликнул император, – значит, мы русские!». Однако, через некоторое время в свете вскрывшихся фактов Константин Петрович стал сомневаться в прежней версии и сделал новый доклад царю, сообщив, что есть доказательства отцовства Петра III. В ответ на это император воскликнул: «Еще лучше! Значит мы – законные!».

В XXI в. ответ на этот вопрос вполне могла бы дать экспертиза ДНК, которая ныне широко применяется и в криминалистике, и в вопросах установления отцовства. Однако же, эта технология натыкается на трудности «технического» порядка. Для ее проведения требуется получить биологические образцы самого Павла и его предполагаемых отцов. В случае с императорами, чьи останки захоронены в фамильной усыпальнице Романовых в Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге на пути получения этих образцов лежат сложные (хотя и преодолимые) юридические процедуры. Последний раз 27 ноября 2015 г. была вскрыта усыпальница Александра III в связи с проведением дополнительных экспертиз, связанных с установлением подлинности останков его сына Николая II. Что же до биологического материала Сергея Салтыкова, то после рождения Павла Петровича он стал отдаляться от Двора, был послан в Швецию, затем в Германию с дипломатической миссией. Впоследствии его след там и затерялся. Время и место смерти этого предполагаемого отца императора по сей день остается неизвестным. Своих детей он также не оставил.

С другой стороны, упомянутая выше генетическая экспертиза царских останков со всей точностью доказала, что Николай II, как и его предки, по генотипу (т.е. наличию Y-хромосомы, передающейся по мужской линии) являлся потомком немецких принцев и принцесс Голштейн-Готтропского рода в семи коленах (то есть, если не прибегать на этих страницах к специальной генетической терминологии, в нем было примерно 98,5% немецкой крови и около 1,5% русской). Вопрос о том, были ли эти 1,5% наследием камергера Салтыкова или Петра Великого, видимо, будет разрешен при наличии благоприятных обстоятельств, в будущем. Но такой вывод может говорить и о том, что отцом Павла Первого все же мог быть Петр III.

Как бы то ни было, рождение Павла Петровича было оценено императрицей в 100 000 рублей. Эти деньги она приказала выдать племяннику. Младенца Павла в первый раз показали матери лишь через 40 дней… И вновь забрали в апартаменты императрицы. Она же и взяла заботу о его воспитании. Екатерина, как и прежде, оказалась предоставлена сама себе. Одиночество и отсутствие внимания она скрашивала чтением, и не только легким. Именно в этот период будущая императрица познакомилась с произведениями известных французских просветителей – Вольтера, Дидро, Монтескье, Д'Аламбера и др. На людях великая княгиня появилась лишь в феврале 1755 г.

Второй ребенок – девочка – была рождена Екатериной 9 декабря 1758 г. При крещении ее нарекли Анной. К тому времени Петр Федорович совсем перестал замечать свою жену, а среди приближенных сделал весьма недвусмысленное заявление: «Бог знает– сказал он, – откуда моя жена берет свою беременность. Я не слишком знаю, мой ли это ребенок, и должен ли я его принимать на свой счет». Впрочем, для императрицы такого вопроса не стояло. Как и в прошлый раз, девочка была изъята у матери в покои Елизаветы, а великокняжеская чета получила из казны 120 000 рублей. При Дворе приписали отцовство нового ребенка Екатерины Станиславу Понятовскому, который незадолго до родов был выслан из России. Анна Петровна не прожила и четырех месяцев. Она умерла 8 марта 1759 г. и похоронена в Александро-Невской лавре.

Тем временем отношения великокняжеской четы продолжали обостряться. После очередной ссоры Петр Федорович откры-

то объявил Елизавету Воронцову хозяйкой на своей половине и стал разговаривать с женой в приказном тоне. Среди придворных пошли слухи о том, что Воронцова вскоре станет женой великого князя, а его законную жену отправят в монастырь.

Тогда Екатерина написала императрице вежливое, но смелое письмо, в котором благодарила Елизавету за все милости, но признавала, что не смогла угодить великому князю и Елизавете и потому просила отпустить ее обратно домой. Необходимость отъезда она мотивировала тем, что совершенно не нужна великому князю, а ее дети и вопрос их воспитания находятся непосредственно в руках самой императрицы. Поэтому ее отъезд никак не отразится на их дальнейшей судьбе.

Указанное письмо возымело свое действие, и Елизавета Петровна пригласила Екатерину на конфиденциальный разговор. Правда, «конфиденциальным» его можно назвать с натяжкой, потому что происходил он в третьем часу ночи в присутствии Александра Шувалова, Петра Федоровича, и, как позднее узнала Екатерина, Ивана Шувалова. Во время всего разговора он сидел за ширмами. Поначалу Елизавета вела себя строго, но затем, учтивые, смелые и довольно точные ответы собеседницы обезоружили ее. Неприятный разговор между женщинами закончился растроганными слезами. Как потом передали великой княгине слова императрицы о ней: «Она – очень умная женщина, а мой племянник – дурак».

Этот вердикт упрочил положение Екатерины при Дворе. Вокруг нее образовался свой круг придворных и приверженцев, среди которых были и гвардейские офицеры, и влиятельные вельможи.

В конце 50-х годов здоровье Елизаветы Петровны сильно пошатнулось. У неё появились припадки, после которых императрица несколько дней не могла прийти в себя. Ближе к пятидесяти годам у царицы участились желудочные и носовые кровотечения. После приступа в 1756 г. она долго не могла оправиться. В 1761 г. ей стало еще хуже – ее часто лихорадило, продолжались кровотечения. Царица бросила все свои потехи, больше лежала и даже стала реже посещать церковь, о которой никогда не забывала. К концу года она стала угасать и умерла 25 января 1762 г. в возрасте 52 лет. Гроб с телом императрицы для прощания был выставлен в Зимнем дворце, и после месяч-

ного траура 25 января 1762 г. Елизавета Петровна упокоилась в императорской усыпальнице Петропавловского Собора. Императором был провозглашен Великий князь Петр Федорович, принявший официально имя Петр III[8].

Литература

Анисимов Е. В. Елизавета Петровна. – М.: Молодая гвардия, 2005.

Анисимов Е. В. Иоанн Антонович. – М.: Молодая гвардия, 2009.

Анисимов Е. В. Россия без Петра. – СПб., 1994.

Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века: Борьба за наследие Петра. – М.: Мысль, 1986.

Анисимов Е. В. Женщины на российском престоле. – СПб, 1998.

Курукин И. В. Анна Леопольдовна. – М.: Молодая гвардия, 2012.

Левин Л. И. Российский генералисимус герцог Антон Ульрих (История «Брауншвейгского семейства в России»). – СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2000.

Лиштенан Ф. Д. Елизавета Петровна: Императрица, не похожая на других. – М., 2012.

Масловский Д. Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 1. – М.: 1891.

Мыльников А. Петр III: Повествование в документах и версиях. 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2009.

Семилетняя война /под ред. Н. М. Коробкова – М., 1948.

Университет для России / под ред. В. В. Пономаревой и Л. Б. Хорошиловой. – Т. 1. XVIII в. – М.: Русское слово, 1997.

Эмин Ф., Курганов Н., Комаров М., Новиков И. Ванька Каин. – М.: Эксмо, 2008.

[8] Петр III не был коронован при жизни. Он предполагал провести эту церемонию после планировавшегося им похода на Данию, но поход не состоялся, а сам он был свергнут. В итоге посмертную коронацию отца провел император Павел I в 1796 г.

ИТОГИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в. ПЁТР III и ЕКАТЕРИНА II. ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ 1762 г.

ОПОРНЫЕ ДАТЫ:

1736	Помещики получили право самостоятельно определять меру наказания крестьян за побег
1747	Помещики получили право продавать крестьян в рекруты
1760	Помещики получили право ссылать крестьян в Сибирь
1762	Правление императора Петра III Федоровича
1762	Издание Манифеста о вольности дворянства
1762	Указ о веротерпимости
1762	Указ о секуляризации церковных имуществ
1762	Закрепление за дворянством монопольного права на вывоз хлеба за границу
1762, 28 июня	Дворцовый переворот, приведший к власти Екатерину II
1765	Помещики получили право ссылать крестьян на каторжные работы

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ТЕРМИНЫ:

барщина; вечноотданные крестьяне; оброк денежный; оброк натуральный; отработки; отходничество; промыслы; Тарханы.

Перед тем, как мы вновь погрузимся в атмосферу дворцовых переворотов нам следует сделать остановку и оглянуться назад. Со времени реформ Петра I, кардинальным образом изменивших русскую жизнь, прошло без малого сорок лет. И хотя многочисленные временщики, занимавшие российский трон после смерти великого реформатора, интересовались экономическими и социальными процессами, протекавшими в стране, лишь от случая к случаю, тем не менее процессы эти, хотя и малоуправляемые из столицы, шли и видоизменяли народную жизнь. Поэтому мы не погрешим против истины, если уделим некоторое внимание тому, как протекало социально-экономическое развитие России во второй четверти XVIII века.

Итак, традиционный натуральный характер русской экономики продолжил трансформироваться, хотя и не столь быстрыми темпами как хотелось бы. Продолжался процесс хозяйственной специализации регионов страны, взаимосвязь между различными отраслями хозяйства осуществлялась через рынок. Орудия труда и отдельные предметы обихода (телеги, сани, бочки, инвентарь и пр.) крестьяне стали чаще покупать, а не изготавливать сами. К тому же изменения в государственной фискальной системе, переход от сбора натуральных налогов к денежным усиливал потребность земледельцев в деньгах и втягивал крестьян в систему товарно-денежных отношений. Несмотря на реформы начала XVIII в., этот процесс находился еще в начальной стадии, но он шел.

Крестьяне составляли абсолютное большинство населения страны, а способы их хозяйствования на земле продолжали оставаться архаичными и определялись теми суровыми природно-климатическими условиями, в которых приходилось трудиться. Хозяйственный цикл русского земледельца длился не с февраля по ноябрь, как в Западной Европе, а лишь с апреля-мая по август-сентябрь. И уже в силу этого пахарь

мог более или менее нормально обработать очень небольшой участок земли, да и выбор культур был невелик. Рожь, чаще всего озимая, сеялась осенью, зимовала в виде всходов под снегом и созревала к июлю-августу следующего лета. Овес сеялся в апреле-мае и созревал в августе-сентябре. Эти две культуры занимали до 80% пашни, ибо были самыми важными и вместе с тем неприхотливыми и выносливыми. А ведь житель центральных губерний России имел чаше всего скудную, подзолистую почву. Урожайность на таких землях была невысокой. Как утверждают специалисты по истории русского крестьянства, семья из 4 человек имела среднюю годовую норму сбора зерна около 24 пудов (учитывая, что часть урожая шла на прокорм скоту). Таким образом, крестьянин практически еле сводил концы с концами, а при хорошем урожае мог продать на сторону не более 17 пудов зерна. К тому же надо принять во внимание, что раз в три-четыре года выпадал неурожай, когда крестьянин жил впроголодь, ибо не мог себе позволить не сохранить часть урожая на посев. Иными словами, условия и технологии хозяйствования не позволяли русскому землепашцу надеяться на гарантированный результат своего труда, который можно было бы реализовывать на рынке, а полученные средства инвестировать в хозяйство.

И все-таки специализация регионов страны постепенно развивалась. Крестьянство Центральной России издавна уделяло внимание посевам льна. Отличным льном славились районы вокруг Пскова и Ярославля. Скупщики собирали по деревням и селам вокруг Ярославля, Костромы, Владимира, Москвы мелкие партии льна, а купцы в огромных количествах отправляли ценное сырье за границу или на ткацкие фабрики.

Крестьяне, проживающие в районе Калуги, Брянска, Орла, Курска занимали большие поля под коноплю и получали обильные урожаи этой культуры. Огромные партии конопляной пеньки шли, так же, как и лен, и на экспорт, и на нужды парусно-полотняной промышленности внутри страны.

Наконец, весь XVIII в. шло освоение обширных малозаселенных, но плодородных земель на юге и юго-востоке от центра страны. Русское население было уже значительным в Заволжье, нижнем течении Дона, районах Предкавказья, Башкирии и т.д. Русские крестьяне мирно жили бок о бок с тата-

рами, башкирами, чувашами и другими народностями и даже вступали с ними в родственные связи. Конфликты возникали, как правило, тогда, когда вслед за крестьянской колонизацией в этих землях появлялись государственные чиновники, помещики, начинались захваты земель и т.д. Методы земледелия вновь осваиваемых территорий значительно отличались от тех, что применялись в нечерноземной полосе. Залежная система была методом борьбы с главным врагом этих мест – сорняками. Плодородная почва, давая обильный урожай, из года в год зарастала все большим количеством сорняков, и поле приходилось бросать после нескольких обильных урожайных годов на 5-10 лет.

Таким образом, наиболее серьезной проблемой российского земледелия был короткий период времени для обработки почвы и недостаток плодородной земли, и потому урожая чаще всего едва хватало на пропитание. В то же время объективные потребности развивающегося Российского государства требовали гораздо большего по объему валового земледельческого продукта. Так исподволь возникала задача увеличения трудовой нагрузки крестьянина, причем увеличения этой нагрузки в короткий сельскохозяйственный сезон. Отсюда проистекали и характерные для XVIII в. процессы резкого усиления эксплуатации подневольного российского крестьянства.

После смерти Петра Великого был принят ряд мер, приведших к усилению зависимости крепостных от своих помещиков. Уже говорилось о том, что с 20-х годов XVIII в. помещики стали ответственны за своих крестьян перед государством в сборе подушной подати. Вслед за этим и сам сбор подушных денег был передан в их руки. В итоге власть помещиков над крепостными стала безраздельной. Они стали для крестьян и судом, и полицией. В 1747 г. помещикам разрешили продавать крестьян в рекруты. Явочным порядком стала распространяться практика продажи крестьян без земли. Теперь помещики торговали не только деревнями и семьями, но и крепостными поодиночке. Помещику были даны права: в 1736 г. – определять меру наказания за побег крестьян; в 1760 г. – ссылать крестьян в Сибирь; в 1765 г. – ссылать на каторжные работы.

Суровость этих мер контрастировала с резким ростом привилегий помещиков. При Анне Ивановне в 1736 г. срок служ-

бы дворян был сокращен до 25 лет, а один из сыновей мог вообще остаться при имении. Таким образом, дворянин уже в 35-45 лет мог целиком сосредоточиться на собственном хозяйстве в своем имении. Указом не замедлили воспользоваться, и после русско-турецкой войны 1735-1739 гг. около половины офицерского состава сразу же ушло в отставку. В 1762 г. был издан Манифест о вольности дворянства, который и вовсе разрешал дворянам не служить и посвятить себя частной жизни в своих имениях.

В 1730 г. был отменен Указ о единонаследии 1714 г. С этого момента активизируется перераспределение земельной собственности, сопровождавшееся заметной концентрацией земель в руках крупнейших владельцев-латифундистов (ибо земля по-прежнему была источником и финансово-экономического и политического могущества). В 1739 г. подтверждено монопольное право дворян на владение «крещеной собственностью», т.е. крестьянами. В 1762 г. купечеству окончательно запрещено покупать крестьян к заводам. Еще в 1726 г. за дворянством закреплено право продажи продукции собственных хозяйств. В 1755 г. им было передано монопольное право на винокурение. В 1762 г. дворянам разрешен свободный вывоз хлеба за границу. В итоге – дворяне устремились в поместья.

Там, где зерновое земледелие было выгодным, помещики стремились расширить свою часть пашни. Это вело к увеличению барских запашек и сокращению крестьянских наделов. Помимо сокращения надела тягчайшим бременем для крестьян стали работы на помещичьем поле – т.н. «барщина». Эти работы, как правило, достигали трех дней в неделю, а в черноземных губерниях доходили до 5-6 дней. Таким образом, увеличение барщины при сокращении крестьянской запашки вело к кризису феодального хозяйства. Проще говоря, налицо была тенденция возрастающей неспособности крестьянина прокормить себя и свою семью на той земле, которая ему предоставлялась помещиком для личного пользования. Чтобы компенсировать это, земледельцы активно вовлекались в промысловую деятельность.

Издавна крестьяне нечерноземья, получая мало прибыли от земледелия, свое свободное время использовали для приработков. Побочные занятия крестьянства получили названия

«промыслов». Жители сел Ярославской, Костромской, Владимирской пряли льняную пряжу и продавали ее владельцам ткацких промышленных заведений – мануфактур. Жители богатых лесами западных районов Московской губернии занимались заготовкой леса для строительства изб, амбаров, на дрова и т.д. В Дмитровском уезде получил развитие промысел по изготовлению расчесок и гребней из коровьих рогов. В Семеновском уезде Нижегородской губернии расцвел ложкарный промысел. Эти примеры можно продолжать долго. Результаты этого кустарного производства шли на продажу. В итоге в промышленную деятельность были вовлечены большие массы крестьянства.

Помимо *местных* промыслов крестьяне занимались *отхожими* промыслами, т.е. отходили на заработки в города или другие местности. Могучим потребителем крестьян-отходников была Волга и приволжские города. Десятки тысяч крестьян работали бурлаками, были заняты на рыбных промыслах Астрахани и Гурьева. Тысячи крестьян уходили на заработки в Петербург. Много рабочего люда требовала проводка судов из Волги в Неву. Наконец, серьезным потребителем рабочей силы была Москва с ее промышленностью.

Кроме отхода *промышленного* в России развивался отход *земледельческий.* Из тульских, рязанских, тамбовских селений, а также из районов Нечерноземья тысячи крестьян устремлялись на летние работы в южные черноземные районы.

Закрывая глаза или отпуская своих крестьян на заработки в межсезонье, помещики, не довольствуясь барщиной, стали дополнять ее денежным оброком. В силу же экономической выгодности крестьянских промыслов, многие владельцы и вовсе стали переводить крестьян с барщины на денежный оброк. Так или иначе, а отходничество крестьян на заработки получает все большее развитие. К концу века в одной лишь Московской губернии ежегодно выдавалось свыше 50 тыс., а в Ярославской – около 75 тыс. паспортов. За счет этого намечавшиеся симптомы кризиса феодального хозяйства были в XVIII в. на время преодолены.

Кардинальные изменения, которые мы видим в сельском хозяйстве, дополнялись ростом промышленного производства. В эпоху Петра I Россией был сделан громадный скачок на

пути промышленного развития. К 1750 г. в стране действовало уже около ста металлургических заводов, а выплавка чугуна достигала приблизительно 2 млн. пудов. Основными владельцами заводов были по-прежнему Демидовы (именно их заводы обеспечивали 60% выплавки чугуна). Кроме их производства, в металлургии также с успехом развивались предприятия Строгановых, Баташевых, Масловых, появились фамилии и новых предпринимателей – Осокины, Гончаровы. В середине XVIII в. по выплавке чугуна Россия вышла на первое место в мире. Росло и производство цветных металлов. За четверть века после смерти Петра выплавка меди на русских казенных и частных заводах выросла втрое.

Серьезное развитие получила текстильная промышленность. С 1725 по 1750 гг. возникло 62 новые текстильные мануфактуры (шелковые, полотняные, суконные). Их продукция в основном шла на поставки в казну. Условия закупок были невыгодными и суконное производство зачастую оказывалось убыточным. В отличие от предприятий по производству шелка, работавших на вольную продажу. Число их неуклонно возрастало. Основным центром шелковой промышленности были Москва и Подмосковье.

Развивалась и парусно-полотняная промышленность. К 1750 г. уже действовало 38 парусно-полотняных мануфактур, хозяева которых – купцы-предприниматели Затрапезный, Тамес, Щепочкин и др. – процветали. Русская парусина пользовалась большим и неизменным спросом в Англии и у других морских державах. Новые предприятия этой отрасли возникали в таких городах, как Ярославль, Вологда, Калуга, Боровск. Крупным центром полотняного производства стал Серпухов.

Получает развитие производство бумаги, кожевенное, стекольное, химическое производство. К середине XVIII в. в России действовало 15 бумагоделательных, 10 стекольных, 9 химических мануфактур и др.

Но и тут, как и в сельском хозяйстве, производственные отношения характеризуются усилением подневольных форм труда. Как и в петровскую эпоху, главным бичом развития русской промышленности была нехватка рабочих рук. В 30-е – 50-е годы XVIII в. промышленники широко пользуются правом покупки крестьян к мануфактурам, расширяя сферу принуди-

тельного труда в промышленности. Указом же 1736 г. те немногочисленные заводские вольнонаемные рабочие и их дети, оставшиеся при фабриках еще с петровских времен, становятся крепостными («вечноотданными»).

Эксплуатация на таких мануфактурах была чудовищная, хотя посессионные крестьяне по закону не отдавались в рекруты и имели право подачи челобитной в Берг- и Мануфактур-коллегии, коим и были подсудны. Со своей стороны, государство в XVIII в. резко расширяет и практику приписки государственных крестьян к фабрикам и заводам. Приписные крестьяне работали главным образом на уральских металлургических заводах (по 100-150 дворов на доменную печь, по 30 дворов на молоте и по 50 дворов на медеплавильной печи).

Наконец, еще одна сфера применения принудительного труда – помещичьи вотчинные предприятия. В России существовала государственная винная монополия и поставка вина казне являлась делом очень доходным. Это скоро поняли владельцы имений, которые были расположены в плодородных, но отдаленных от рынков сбыта районах: юг Тамбовской губернии, Воронежская, Курская, Пензенская губернии, Слободская Украина и т.д. Здесь очень быстро возникают крупные винокуренные заводы с применением труда своих же крепостных.

Другая отрасль промышленности, где проявилось дворянское предпринимательство – это суконная и отчасти парусно-полотняная промышленность. Организованная на основе крепостного труда, она получила распространение в основном в южных районах страны: Воронежская, Курская, частично Тамбовская губернии и др. Здесь были, как правило, мелкие предприятия на 2-3 десятка станов.

Все названные нами разновидности крепостного подневольного труда в промышленности иллюстрируют своеобразнейшую черту российской экономики XVIII столетия. Заимствование капиталистической технологии в период петровских реформ и после, по сути, привело к созданию в промышленности особых форм подневольного, крепостного труда.

В условиях крайнего ограничения свободы передвижения населения внутри страны, резкой изоляции городского населения от сельского, фактического отсутствия притока сельского населения в города городское население в России увеличива-

лось крайне медленными темпами (а в 40-х – 50-х гг. XVIII в. даже уменьшилось). В целом же оно составляло не более 4% населения страны. Город, с точки зрения экономической, был довольно слабым, и его промышленность далеко не отвечала потребностям развивающегося народного хозяйства.

Одной из ярчайших особенностей экономического развития России в этой связи являлось появление промышленных центров не столько в городе, сколько в селе. Так, с конца XVII – начала XVIII столетия появились десятки торгово-промышленных поселений, где население было занято не в земледелии, а на «промыслах». Это, например, владимирские села Дунилово, Кохма, Палех, Мстера, Холуй, нижегородские села Павлово, Ворсма, Безводное, Лысково и пр. К середине XVIII столетия многие из них по количеству населения были крупнее, чем иной город. Иначе говоря, процесс общественного разделения труда сложился так, что в каждом конкретном селе развивалась специализация преимущественно какого-то одного вида производства. В таком селе все или почти все жители были либо сапожниками, либо бондарями, либо ткачами и т.д. Это было типичное мелкотоварное производство. Со временем из таких предприятий начинают выделяться более крупные. Так из недр мелкого товарного производства постепенно вырастает производство мануфактурное, появляются капиталистические мануфактуры. Однако из-за сезонности производства и краткосрочности найма рабочих, процесс укрупнения проходил очень медленно и численность крупных производств оставалась небольшой.

Ярким примером подобного процесса служит история текстильного производства села Иваново Владимирской губернии. Все жители этого села с конца XVII столетия занимались ткачеством. Основная продукция – холсты и знаменитое «ивановское» полотно. К 80-м годам XVIII в. у 37 владельцев текстильных заведений работало уже от 2 до 15 наемных рабочих. Интересно, что разбогатевшие капиталисты-крестьяне все равно оставались крепостными своего барина, целиком зависели от его произвола.

Укрупнение мелкотоварного производства, растущее применение наемного труда в XVIII столетии можно наблюдать и в других отраслях производства: в металлургии и металлообработке, кожевенном деле, химической промышленности

и т.п. Встречаются предприятия капиталистического типа и в крупнейших городах России (Москва, Ярославль, Нижний Новгород, Казань и др.). В стране постепенно формируется капиталистический уклад.

Как писали современники, в 30-х гг. XVIII в. «непрерывные брани, алчное и ничем не обузданное лихоимство Бироново, неурожаи хлебные в большей части России привели народ в крайнюю нищету. Для понуждения к платежу недоимок употребляли ужаснейшие бесчеловечия, приводящие в содрогание и помышляющих об оных, уныние, стон, слезы, вопль распространились по всей империи». Крестьяне боролись против угнетения и лихоимства как умели и как могли. Они бежали на юг и на север, бежали «к башкирцам» на восток. Бежали дворовые люди и солдаты, работные люди с заводов и мануфактур, бежали мобилизованные на строительные работы. Число беглых росло, несмотря на свирепые законы, наказания и устройство разного рода застав и кордонов. С 1719 г. по 1727 г. только по официальным данным было зарегистрировано около 200 000 беглых. Порою уходили целыми деревнями. В 1735 г., например, в дворцовых селах Морозовской волости Можайского уезда ушло более половины всего населения. В 1742 г. только в одном Переславль-Залесском уезде остались пустыми 68 помещичьих деревень. В 20-х – 30-х гг. XVIII в. из 16 вотчин князя А. М. Черкасского бежали свыше 11 000 человек, т.е. почти каждый пятый крестьянин. Кары за укрытие беглых становились все более суровыми, но это никого не останавливало. Волна побегов постепенно затухает лишь в конце 40-х - начале 50-х гг.

Другой формой протеста была подача жалоб в Сенат и Синод. Но искать правды у правительства было делом очень нелегким и практически всегда бесполезным. Даже тогда, когда под напором жалоб Сенат назначил в 1758 г. комиссию для разбора челобитий крестьян целого ряда монастырей, то, просуществовав 4 года, она оставила все жалобы без последствий. Тогда, отчаявшиеся крестьяне вступали и на путь активной борьбы. Они уходили в леса и образовывали «разбойничьи» шайки. Во второй четверти XVIII в. официальные документы их фиксировали в 10 губерниях Центральной России.

В 40-х – 50-х гг. XVIII в. по всей стране прокатывается волна выступлений монастырских крестьян. Их положение в это

время оказалось наиболее тягостным. Историки насчитывают в разных местностях помимо отработки барщины от восьми до тридцати денежных или натуральных видов оброков. Кроме того, монастырская система управления вотчинами имела множество мелких управленцев (приказчиков, сотских, различного рода посыльных от монастырской братии и т.д.), которые также чинили свой произвол, мелкий, но от того не менее разорительный. Этот произвол и угнетение монастырских крестьян в означенное время достигли высшей точки, что способствовало возникновению около 60 крупных крестьянских восстаний.

Массовые волнения монастырских крестьян привели в конце концов к обсуждению вопроса о них в правительственных кругах. С 1757 г. появились проекты секуляризации церковных имений, а в 1762 г. Петр III подписал указ о секуляризации церковных имуществ, практическое осуществление которого задержалось на два с лишним года. Восставали и помещичьи крестьяне.

Все эти выступления обычно завершались жестокими порками и экзекуциями присланных воинских команд. Однако в некоторых случаях возникало и вооруженное противостояние. Крестьяне Шацкого уезда Ново-Спасского монастыря, например, взяли в плен всю воинскую команду и сумели удержаться с августа 1756 г. по февраль 1757 г., когда восстание было жестоко подавлено с применением артиллерии.

Бурное сопротивление среди работных людей вызвал указ 1736 г. о «вечноотданных» к фабрикам и заводам. Еще вчера свободные, а теперь низведенные до положения крепостных, работные люди долгое время стремились вернуть себе былую свободу. В 1748 г. вспыхнуло волнение работных людей на парусно-полотняной мануфактуре А. А. Гончарова в Малоярославецком уезде Калужской провинции. Они объявили акт 1736 г. незаконным. Во второй четверти XVIII в., начиная с 1722 г., почти непрерывно продолжались волнения работных людей на Московском суконном дворе. Жестокими наказаниями плетью, батогом, заключением в тюрьму власти подавили сопротивление восставших.

Отдельно следует сказать и о волнениях среди народов Поволжья и Сибири, вызывавшихся мздоимством царских чиновников, нарушением разного рода взаимных обязательств,

захватом земель и пр. Так, в 1743 г. вспыхнули волнения мордвы в Терюшевской волости Нижегородской губернии. Поводом послужил приказ разрушить мордовские молельни и сжечь «священные рощи». Число участников достигло 6 тыс. человек. С оружием в руках крестьяне сумели продержаться около двух лет.

С 30-х гг. XVIII в. началось активное горнозаводское строительство на Южном Урале. Это вызвало приток населения из других областей России. В новые формы трудовой деятельности втягивалось и башкирское население. Развивается и башкирское феодальное землевладение. Местные башкирские феодалы, находившиеся на русской службе (тарханы), вводят те же формы эксплуатации, что и русские помещики. Вместе с тем, у башкир еще бытовало и рабство.

Служилые башкиры-тарханы не платили ясак, полностью распоряжались землями своих волостей. Административная верхушка башкирского населения – старшины – к этому времени стала уже опорой царизма. Башкирское население несло нерегулярную военную службу в армии и на местных оборонительных линиях, было обложено ясачным окладом. В начале XVIII в. он был сравнительно небольшим (около 30 коп. с человека). С 30-х годов ясачный оклад начинает расти, и, в конце концов, в 1747 г. русское правительство ввело подушную подать в размере 80 коп. с души. Вместе с тем усилились земельные захваты русских дворян и служилых башкир. Наконец, активизация строительства оборонительных пограничных линий и крепостей легла огромным бременем на местное население. В связи с этим значительная часть общинных башкирских земель была изъята, а повинности населения резко возросли.

В итоге, в 1735 г. вспыхнуло восстание, целью которого было сопротивление строительству крепостей. В 1737г. возникает новый очаг восстания на востоке края. Восставшие нападали на русские, чувашские, марийские селения, совершили набег на Воскресенский медный завод, нападали и на башкир, оставшихся верными правительству России. Подавить это выступление удалось лишь в 1738 г.

Наконец, в 1755 г. в Башкирии возникает новое движение, во главе которого встает мусульманское духовенство. Высту-

пление было спровоцировано попытками царских властей запретить ислам и строительство мечети. И вот мулла Батырша (Абдулла Алеев) возглавил движение в защиту мусульманства, пытаясь вовлечь в «священную войну» всех мусульман. Батырша полагался на вмешательство Турции. Характерно, что на «священную войну» народ не пошел. Крупные башкирские феодалы участия в движении не приняли, а многие из них открыто выступили против восставших. Для подавления движения царские власти отправили 50-тысячное войско. Царское правительство объявило наряду с прямым подавлением амнистию всем сдавшимся, и восстание скоро заглохло. Однако царская администрация заметно изменила политику. Была прекращена насильственная христианизация, разрешено строительство мечетей. Одновременно правительство устраивало в Башкирии школы «для обучения инородцев русскому языку».

Вот тот социально-экономический фон, на котором началось царствование императора Петра III. Начало нового царствования, уже традиционно, было отмечено и перетряской в верхах. Из главных деятелей предыдущего царствования в окружении нового монарха остались Петр и Александр Шуваловы. Петр Иванович сохранил пост генерал-фельцехмейстера (после его скорой смерти в 1762 г. эта должность досталась бывшему кабинет-министру генерал-поручику Александру Никитичу Вильбоа). Александр Иванович стал командиром гвардейского Семеновского полка. Еще один бывший фаворит Елизаветы Петровны, знакомый нам, Иван Иванович Шувалов утратил свои позиции при дворе, хотя и избежал откровенной опалы, оставшись куратором созданных им же высших учебных заведений – Московского университета и Академии художеств. Морганатический муж почившей императрицы Алексей Разумовский указом 6 марта 1762 г. был уволен от всех своих должностей, но не был лишен состояния. Сразу после смерти Елизаветы он поселился в своем Аничковом дворце и время от времени удостаивался визитов нового монарха, любившего иногда по вечерам выкуривать трубку в кампании гостеприимного графа. Его брат, Кирилл Разумовский продолжил исполнять обязанности Президента Академии наук.

Еще один бывший кабинет-министр императрицы Елизаветы генерал-аншеф Александр Иванович Глебов стал гене-

рал-прокурором Сената, а бывший президент Военной коллегии Никита Юрьевич Трубецкой вступил в командование Преображенским полком.

Из высочайших милостей, объявленных от лица нового императора, было возвращение из ссылки в столицу опального фельдмаршала Бурхарда Миниха с сыном и Бирона с семьей. По докладу канцлера М. И. Воронцова Петр III распорядился вернуть из ссылки инициатора заговора с целью возведения на престол почившей императрицы Иоганна Лестока. И только опальный канцлер Бестужев-Рюмин не удостоился высочайшего прощения.

Краткий период царствования Петра III ознаменовался рядом реформ, которые, к слову сказать, показывают, что инициировавший их монарх отнюдь не был таким уж законченным идиотом, как он представляется в записках его супруги. И первым из законоуложений нового царствования был именной указ о веротерпимости. Он был обнародован Сенатом 29 января 1762 г. Мы вскользь касались этого вопроса, когда я в одной из предыдущих лекций рассказывал о церковном Расколе в XVII в.[1] Напомню, что после свершения церковного раскола противники нововведений, произведенных патриархом Никоном, находились под неизменным жесточайшим прессингом церковных и светских властей. При Петре Великом эти репрессии в принципе не ослабли, но… в государственной политике относительно старообрядцев произошли определенные изменения. Царь открыто осыпал благодеяниями тех представителей Раскола, кто занимался полезной, с его точки зрения, деятельностью. Так, выгорецкие и поморские раскольники получали от него льготы за организацию горных заводов в Олонецком крае и отыскание месторождений необходимых полезных ископаемых. Хотя при этом Петр открыто преследовал идеологов раскола как активных противников модернизации страны. Их секли кнутом, прижигали раскаленным железом, вырывали ноздри, вырезали язык, ссылали в Сибирь, сгоняли на принудительные работы. Этим, к слову сказать, царь плодил новых фанатиков. Борьба с Расколом не прекращалась и при Елизавете Петровне.

[1] См. Гутнов Д. А. Лекции по истории Отечества. Ч.3. XVII в. – М., Ф-т. Журналистики МГУ, 2018. – С.130-149.

Новый император по совету генерал-прокурора Глебова решил прекратить преследование инаковерующих. Пресловутым указом 29 января всем раскольникам, бежавшим от преследований на окраины государства, а также за границу, было разрешено вернуться в Россию, селиться в Сибири и жить по своим обычаям и старопечатным книгам. Арестованных раскольников предписывалось немедленно освободить. Запрещались гонения на инородцев на религиозной почве. Несмотря на то, что в практическом плане результаты реализации этого указа были невелики, но свергнувшей своего мужа Екатерине II пришлось подтвердить его в 1773 г., запретив архиереям православной церкви «вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, представляя все сие светским начальствам». В большей степени облегчение почувствовали на себе представители других конфессий России, в первую очередь, католики, протестанты и мусульмане. Тем не менее этот указ стал первым законодательным актом, обозначившим направление дальнейшего движения страны в сторону свободы вероисповедания.

В дополнение к этому 21 марта того же года был издан Указ о секуляризации монастырских и церковных имений. Вопрос о секуляризации церковных имуществ поднимался еще при Елизавете Петровне. Тогда церковным властям удалось отстоять свою собственность, но было принято решение, что управление монастырскими имениями должно осуществляться не церковными служителями, а светскими – отставными штаб- и обер-офицерами. Теперь же по новому указу управление этими имениями переходило в специально создаваемую Коллегию экономии. Крестьяне же освобождались от барщины, но обязаны были нести денежный оброк в пользу государства. Президентом новой коллегии стал князь В. Е. Оболенский. Указ существенно облегчил жизнь значительной части русского крестьянства, ибо «государево тягло» было в разы легче тягла монастырского (см. выше).

18 февраля 1762 г. был обнародован Манифест о вольности дворянства, существенно расширивший круг прав и свобод одного из сословий Российской империи – дворян. Если в 1736 г. указом Анны Иоанновны их служба была ограничена 25 годами,

то теперь дворяне вовсе освобождались от несения военной и гражданской службы, получили право по собственному желанию вступать в нее и точно также по первому желанию с нее увольняться. Им запрещалось уходить с военной службы лишь в период ведения военных кампаний или брать отпуска за три месяца до начала войны. Более того, дворянам была дарована свобода передвижения: они теперь могли беспрепятственно выезжать за границу, жить и даже служить там по своему желанию. При этом выслуженные за границей чины сохранялись им и по возвращении домой. Запрещалось поступать на службу государям, находящимся в состоянии войны с Россией. Единственной обязанностью дворянского сословия согласно Манифесту о вольности дворянства оставалось обязательное получение образования в иностранных или российских учебных заведениях и домашнее обучение «через знающих и искусных преподавателей». Придя к власти, Екатерина II подтвердила этот манифест, а в 1785 г. существенно его дополнила и расширила в своей «Жалованной грамоте дворянству».

Явно популистским жестом было упразднение указом от 21 февраля 1762 г. Тайной канцелярии. Со времен правления Анны Иоанновны об этом учреждении шла дурная слава и, по совету своего ближайшего окружения, Петр III решил освободиться от того шлейфа негативных воспоминаний, эмоций и страхов, которые несло за собой это учреждение. Конечно же следствие по «Слову и делу государеву» в России не прекращалось, но уже другими инстанциями. Розыскные дела, согласно упомянутому выше указу, были переданы в Сенат, а эстафету тайных дел подхватила Тайная экспедиция. Формально она контролировалась и возглавлялась Генерал-прокурором Сената и просуществовала вплоть до 1801 г.

Однако же принятые законодательные акты не принесли Петру III ожидаемой популярности. Более того, в обществе зрело недовольство очередными кадровыми назначениями нового императора. Не последнюю роль здесь сыграл роспуск им Конференции – правительственного органа, определявшего внешнюю и внутреннюю политику страны в период царствования Елизаветы Петровны. 29 января 1762 г. был издан указ о «небытии» Конференции и передаче всех ее дел в Сенат и Иностранную коллегию. Последнюю хотя и возглавил действу-

ющий Канцлер М. И. Воронцов, однако на практике его роль сводилась к положению технического чиновника канцелярии. Внешнюю политику страны теперь определяли два немца: дядя императора, прусский генерал-майор в отставке, принц Георг Голштейн-Готтропский и прусский же посол при русском Дворе барон Бергардт-Вильгельм фон дер Гольц.

Недовольство императором возрастало и стало своего рода модным трендом. Даже придворные дамы осуждали между собой новый запрет монарха традиционных русских поклонов с заменой их французскими приседаниями. Причем, инициатор этого нововведения не гнушался передразнивать тех дам, у кого эти приседания плохо получались.

Интересно, что в своих донесениях в Берлин посол Гольц довольно точно информировал Фридриха II о растущем отчуждении между русским императором и его подданными и выражал опасения, что заговор с целью его свержения может произойти в случае даже недолгой отлучки Петра III из столицы. Реагируя на донесения посла, прусский король настойчиво предлагал Петру III поторопиться с коронацией.

Когда Фридрих II и его посол предостерегали Петра III от возможного против него заговора, они не знали, что подобный заговор уже существовал. И во главе его стоял не какой-нибудь авантюрист или ставленник конкурентов Пруссии по геополитической борьбе в Европе, но сама супруга императора – императрица Екатерина Алексеевна. В круг посвященных входили многие представители придворной титулованной аристократии: обер-гофмейстер Двора и воспитатель великого князя Павла Петровича Никита Иванович Панин, гетман Малороссии и президент Академии наук Кирилл Григорьевич Разумовский, генерал-прокурор Сената Александр Иванович Глебов, генерал-фельцехмейстер Александр Никитич Вильбоа, директор полиции Николай Андреевич Корф. Все эти лица в разной степени и по разным причинам были недовольны Петром III, полагали, что стране принесет больше пользы отстранение императора от престола, поддерживали Екатерину в ее стремлении взять власть, но не были столь решительны и единодушны, чтобы действовать. Так, например, Н. И. Панин предлагал возвести на престол не Екатерину, а ее сына – семилетнего Павла. Императрице же в этом плане была уготована роль регента.

Отдельно хотелось бы охарактеризовать еще одного участника заговора. Речь идет о Екатерине Романовне Дашковой (урожденной графине Воронцовой). Она была младшей сестрой Елизаветы Романовны Воронцовой – упоминавшейся мною ранее фаворитки Петра III. Родилась она в 1743 г. и воспитывалась в доме дяди – канцлера Михаила Илларионовича Воронцова. С ранних лет девушка пристрастилась к чтению. Собственно, с цесаревной Екатериной Алексеевной их познакомило общее увлечение серьезной философской литературой и, через него, политикой.

В 1758 г. пятнадцатилетняя Екатерина Воронцова была сосватана за князя Михаила Ивановича Дашкова. Он был капитаном гвардии, находился в дружеских отношениях с братьями Орловыми и другими будущими заговорщиками. Таким образом, Дашкова оказалась связующим звеном между Екатериной Алексеевной и гвардией, с одной стороны, и придворной аристократией – с другой. Кроме того, она через свою сестру и других родственников по линии Воронцовых была хорошо осведомлена о планах окружения Петра III. Собственно говоря, когда она вошла в ближний круг Екатерины Алексеевны, ей многие из окружения молодой императрицы не доверяли, опасаясь близости ее отца и дяди к Петру III. Однако Екатерина Романовна сумела развеять эти сомнения.

В который раз практическое воплощение в жизнь планов заговорщиков стало возможно лишь после того, как в заговор оказались посвящены гвардейские офицеры. Первыми из них стали пять братьев Орловых, служивших в гвардейском Преображенском полку[2]. Главную роль в заговоре 1762 г. сыграли двое из них – Григорий и Алексей.

Григорий Григорьевич Орлов (1734-1783 гг.) – артиллерийский офицер, получил домашнее образование и в 15 лет вступил в военную службу рядовым Семеновского полка.

[2] Согласно семейной легенде, род Орловых вел свое происхождение от стрельца Григория Орла, который прославился тем, что принимал участие в стрелецком бунте и был приговорен к смерти. Во время казни он, якобы, сказал Петру, наблюдавшему за экзекуцией: «Отойди, государь, от плахи – как бы кафтан тебе не обрызнуть кровью». Петр запомнил смельчака и взял на себя заботу о его детях. В частности, отец упомянутых пятерых внуков Орла закончил свою карьеру в должности новгородского губернатора.

Участвовал в Семилетней войне. В сражении под Цондорфом был трижды ранен, но поля боя не покинул. Это снискало ему уважение и популярность в армии. По возвращении в Санкт-Петербург он обратил на себя внимание генерал-фельцехмейстера графа П. И. Шувалова, который взял его своим адъютантом. Правда, тут возникла одна незадача. У нового красавца-адъютанта и героя войны вскоре случился роман с возлюбленной его шефа княгиней Куракиной. Это закономерно закончилось отставкой от должности, определением в фузилерский гренадерский полк и… ростом популярности в высшем петербургском (особенно женском) обществе. Летом 1761 г. он был представлен Екатерине Алексеевне, которая безоглядно в него влюбилась. Это был третий, и самый продолжительный роман в жизни будущей императрицы. Весной 1762 г., когда императорская чета переехала в обновленный Зимний дворец, от этой связи она родила своего второго сына, будущего графа А. Г. Бобринского.

Его брат, Алексей Григорьевич Орлов (1737-1807 гг.) получил образование в Сухопутном шляхетском корпусе, откуда поступил рядовым в гвардейский Преображенский полк. К 1762 г. дослужился до сержанта. Его отличало атлетическое сложение и решительность действий. В развернувшихся вслед за тем событиях он сыграл не меньшую, а может быть и большую роль.

К лету 1762 г. в гвардейских полках уже насчитывалось около 40 офицеров, сочувствовавших или участвовавших в заговоре. Они могли по первому же зову Екатерины привести с собой 10 000 солдат Преображенского, Семеновского и Измайловского полков. Многие из них предлагали действовать как можно скорее. Однако по настоянию более осторожных участников заговора из числа придворных, было решено выступить, когда император, планировавший начать войну с Данией, отправится в расположение русских войск в Померанию.

Но развязка наступила несколько раньше. 9 июня 1762 г. на торжественном приеме на 400 персон по случаю обмена верительными грамотами с послами Фридриха II не в меру выпивший Петр III в присутствии членов иностранного дипломатического корпуса обозвал Екатерину Алексеевну дурой и вечером приказал своему адъютанту И. С. Барятинскому аре-

стовать ее. Перепугавшийся князь, зная взбалмошный характер Петра, решил проконсультироваться с дядей императора – принцем Георгом. Тот поспешил в Зимний и настоятельно посоветовал племяннику отменить вздорный приказ пока не поздно. Протрезвев к тому моменту, Петр признался, что погорячился. Однако было уже поздно. Решение о перевороте было Екатериной и ее сторонниками принято. Заговорщики из числа гвардейцев были готовы действовать.

Подходящий момент настал 12 июня, когда Петр III с Елизаветой Воронцовой и свитой отбыли в Ораниенбаум. В свою очередь 17 июня Екатерина в сопровождении приближенных отправилась в Петергоф. 29 июня должен был праздноваться день именин Петра, и император предупредил жену, что прибудет в Петергоф 28 июня на праздничный обед.

Накануне, 27 июня был арестован один из участников готовящегося переворота капитан Преображенского полка Петр Пассек. К нему обратился один из солдат и спросил прямо, когда будут свергать императора. Капитан уклонился от ответа. Не удовлетворившись, солдат повторил вопрос, обращаясь к дежурному штаб-офицеру. Тот, узнав, что солдат перед этим спрашивал Пассека, арестовал обоих и доложил обо всем майору Воейкову. Через него информация о заговоре стала известна императору в Ораниенбауме, что и послужило сигналом к началу переворота.

Ранним утром 28 июня Екатерину, жившую во дворце Монплезир в Петергофе, разбудил прискакавший из столицы Алексей Орлов. Он сообщил ей все детали произошедших накануне событий и сказал, что надо немедленно ехать к гвардейцам. Поспешно одевшись, Екатерина села в карету. Орлов занял место на козлах. Сопровождавший его гвардейский офицер В. И. Бибиков (будущий первый Директор Императорских театров), изготовив пистолеты, расположился у дверцы. В пяти верстах от Петербурга карету встретили Григорий Орлов и князь Федор Барятинский. Последний уступил Екатерине свою лошадь, ибо кони, запряженные в карету, падали от усталости.

Экипаж Екатерины направился к казармам Измайловского полка в район нынешнего пересечения Измайловского проспекта и Красноармейских улиц в Санкт-Петербурге. Когда она прибыла в расположение полка, солдаты уже были подняты

по тревоге. Прибывший к измайловцам шеф полка Кирилл Разумовский присягнул новой императрице. Священник полковой церкви привел к присяге личный состав полка. После этого Екатерина проследовала в расположение Семеновского полка в пригородную слободу Семенцы (район между современными Звенигородской улицей, Обводным каналом, Загородным и Московским проспектом в Санкт-Петербурге). Там и сейчас сохранились каменные казармы полка, построенные в конце XIX в. Семеновцы также приветствовали Екатерину криками «ура» и присягнули ей. Затем в сопровождении солдат и офицеров двух полков она направилась в Казанский собор, где новгородский архиепископ Дмитрий Сеченов отслужил молебен и торжественно провозгласил с амвона самодержавную императрицу Всея Руси Екатерину Алексеевну, а наследником Великого князя Павла Петровича.

Из собора карета новой императрицы в сопровождении Григория Орлова, Кирилла Разумовского, генерал-фельдмаршала Вильбоа и генерал-майора Брюса двинулась к Зимнему дворцу. Когда шествие достигло Дворцовой площади, на ней уже находились солдаты Преображенского полка. Они просили прощения за то, что прибыли последними, ибо их пытались задержать верные присяге офицеры. Позже к ним присоединились еще четыре полка армейской пехоты с артиллерией. Состоялся импровизированный смотр войск. Екатерина обошла выстроившиеся на площади полки. Затем под крики «ура» ее внесли в Зимний дворец и усадили на трон. К этому времени во дворце собрались члены Сената и Синода. Никита Панин поднес на подпись императрицы наскоро составленный Манифест о ее восшествии на престол. Затем сенаторы и члены Святейшего Синода приняли присягу новой самодержице.

Решительная поддержка гвардии обеспечила Екатерине полную победу в столице. Зная, что солдаты Конногвардейского полка ненавидят своего шефа – принца Георга Готтентропского, она даже послала к его дому охрану. Однако, эта мера запоздала. Конногвардейцы уже побывали в доме своего командира, изрядно побили его и разграбили имущество.

Затем последовали первые поручения новой императрицы: адмиралу Ивану Лукьяновичу Талызину было велено срочно отправиться в Кронштадт и принять командование гарнизоном

крепости; вице-адмиралу Андрею Ивановичу Полянскому – привести к присяге корабли флота и личный состав Адмиралтейства; генерал-поручику Петру Ивановичу Панину – прибыть в расположение русской армии в Померании, принять командование и вернуться с войсками в Россию; генерал-аншефу Захару Андреевичу Чернышову – прекратить боевые действия вверенных ему войск на стороне Пруссии против Австрии и вернуться с ними домой.

Сделав эти распоряжения, императрица лично возглавила поход верных ей войск на Петергоф, куда к тому времени должен был прибыть Петр III. Интересно, что участвовавшие в походе офицеры успели выбросить ненавистную им прусскую форму и одели старые русские мундиры. Сама Екатерина была одета в мундир полковника Преображенского полка. Ее сопровождала княгиня Е. И. Дашкова.

Тем временем ничего не подозревавший о происходящем в столице Петр III 28 июня провел смотр своим голштинским войскам в Ораниенбауме и ближе к полудню со всей свитой отправился в Петергоф. Посланный вперед генерал-адъютант А. В. Гудович неожиданно вернулся и сообщил, что Екатерины нет в Монплезире и никто не знает, где она. Петр вспылил и, выскочив из экипажа, вместе с Гудовичем через сад пешком направился к резиденции жены. Там он обнаружил только приготовленное для праздника ее бальное платье. Петр разразился громкими проклятиями в адрес супруги и бросился ее искать по саду. Наконец, некто, по виду крестьянин, передал ему записку от его бывшего камердинера, в которой сообщалось о дворцовом перевороте в столице.

Присутствовавшие при сем канцлер М. И. Воронцов, князь Н. Ю. Трубецкой и граф А. И. Шувалов вызвались отправиться в столицу разведать обстановку. Они прибыли в Санкт-Петербург вечером того же дня. Трубецкой и Шувалов тут же приняли присягу новой императрице. Воронцов временно от присяги воздержался и принял ее после смерти Петра III. Прибывшие рассказали о том, как развивались события в Ораниенбауме и Петергофе.

В три часа пополудни в Петергоф пришли новые тревожные известия из столицы. Прибывший на военном баркасе голштинец-фейерверкер рассказал о мятеже в Преображен-

ском полку и о том, что солдаты, вышедшие из повиновения, кричали: «Да здравствует императрица Екатерина!». Петр от этих новостей растерялся.

Сначала он предполагал организовать оборону в Петергофе и даже вызвал свои голштинские войска из Ораниенбаума. Они прибыли в Петергоф вечером того же дня. Однако входивший в свиту Петра престарелый фельдмаршал Миних, возвращенный им из ссылки, убедил его, что 700 голштинцев ничего не смогут сделать против гвардейских полков, присягнувших Екатерине. Тогда было принято решение перебраться в Кронштадт под защиту крепостных бастионов. Поздно вечером император со свитой погрузился на галеру и яхту и отплыл из Петергофа. Однако в Кронштадте уже вовсю командовал адмирал Талызин. Когда галера с свергнутым императором на борту приблизилась к крепостному рейду, с берега просигналили, что откроют огонь, если судно попытается пристать к берегу. Тот же Миних советовал Петру III идти на веслах до Таллина, а там пересесть на какое-нибудь судно побольше и бежать в Померанию. Однако, все нашли этот план неосуществимым. Низложенный монарх решил вернуться в Ораниенбаум и вступить в переговоры с супругой.

Тем временем Екатерина и сопровождавшие ее полки встали на ночлег в 10 верстах от Санкт-Петербурга. На утро поход возобновился. Войска маршем дошли до Сергиевой Пустыни. Здесь Екатерину встречал вице-канцлер Александр Михайлович Голицын с письмом от Петра III. Император предлагал Екатерине разделить с ним власть. Ответа не последовало. Поход продолжился.

Почти у цели Екатерину встретил генерал-майор Лев Дмитриевич Измайлов. Он сообщил, что Петр III намерен отречься от престола, и добавил от себя, что после отречения он привезет свергнутого императора в расположение верных Екатерине войск, чем спасет Отечество от междоусобной войны. Екатерина не возражала, но вместе с Измайловым отправила гусарский отряд под командованием Алексея Орлова. Этот отряд и занял Петергоф. Затем к городу стали подходить и остальные полки.

Петр III подписал отречение от престола, составленное камергером Г. Тепловым. В первом часу дня Григорий Орлов и

Измайлов привезли к Екатерине отрекшегося императора. Он был арестован. Вечером того ж дня его под охраной отправили в Ропшу – небольшой загородный дворец в 27 верстах от Петергофа. Екатерина же в сопровождении Е. Дашковой, Г. Орлова, К. Разумовского и других участников заговора отбыла в столицу.

На следующий день 30 июня 1762 г. состоялось восшествие на престол Екатерины II. Оно сопровождалось всеобщим ликованием. Достаточно сказать, что позже Сенат вынужден был удовлетворить ходатайство винных торговцев о возмещении им 24 000 рублей убытков. В такую цену они оценили все выпитое в этот день во славу новой императрицы. На следующий день был опубликован Манифест, в котором подданные извещались, что бывший император скончался вследствие припадка геморрагической лихорадки… Однако, в эту версию мало кто верил из современников. Не доверяли ей и историки.

Долгое время конец отрекшегося императора оставался неизвестным. Говорили, что он неожиданно скончался во время ужина в Ропшинском Путевом дворце. Факт его убийства подтвердился лишь 34 года спустя. Разбирая по поручению императора Павла I секретные бумаги почившей 6 дней назад императрицы, граф А. А. Безбородко обнаружил среди прочего и записку, адресованную Екатерине Алексеем Орловым. Он писал: «Матушка, милостиливая государыня! Как мне изъяснить, описать, что случилось? <…> Готов идти на смерть, но сам не знаю, как эта беда произошла! <…> он (Петр III – *Д.Г.*) заспорил за столом с князем Барятинским – не успели мы их разнять, а его не стало. Не помним, что и делали, но мы все до единого виноваты, достойны казни. Помилуй меня, хоть для брата! <…>

Император Петр III был похоронен в Александро-Невской Лавре по ритуалу придворного офицера. Тело его в прусском военном мундире с большими крагами на рукавах и в треуголке было выставлено на всеобщее обозрение. Несмотря на то, что новая императрица хотела присутствовать на похоронах супруга, Сенат по инициативе Н. И. Панина нижайше просил Екатерину не делать этого.

Интересно, как оценил свершившийся в Санкт-Петербурге переворот, пристально наблюдавший за всем происходившим

прусский король Фридрих II. В беседе с французским посланником графом Сегюром, направлявшимся в Россию, он сказал: «По справедливости императрице Екатерине нельзя приписать ни чести, ни преступления этой революции: она была молода, слаба, одинока, она была иностранка, накануне развода и заточения. Орловы сделали все: княгиня Дашкова была только хвастливой мухой в повозке. Екатерина еще не могла ничем управлять; она бросилась в объятия тех, кто хотел ее спасти. Их заговор был безрассуден и плохо составлен. Но отсутствие мужества в Петре III, несмотря на советы храброго Миниха, погубило его: он позволил свергнуть себя с престола, как ребенок, которого отсылают спать».

Литература

Анисимов Е. В. Россия без Петра. – СПб., 1994.

Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века: Борьба за наследие Петра. – М.: Мысль, 1986.

Анисимов Е. В. Женщины на российском престоле. – СПб, 1998.

Иванов О. А. Екатерина II и Петр III: история трагического конфликта. – М.: Центрполиграф, 2007.

Каменский А. Б. Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. – М., 1997.

Мыльников А. С. Легенда о русском принце. – Л.: Наука, 1987.

Мыльников А. Петр III: Повествование в документах и версиях. Серия ЖЗЛ. 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2009.

Павленко Н. И. Екатерина Великая. – М., 2000.

Путь к трону: История дворцового переворота 28 июня 1762 года. – М.: Слово, 1997.

Штелин Я., Мизере, Димсдейл Т., М.-Д. Корберон. Екатерина. Путь к власти. 2-е изд. – М.: Фонд Сергея Дубова, 2012.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ПОНЯТИЙ И ТЕРМИНОВ

Абсолютизм – это государственный строй, установившийся в ряде западноевропейских стран в Новое время, при котором верховная власть (как правило, монархическая) не ограничена представительными институтами в противоположность её ограниченности (в конституционных государствах).

Анафема – в христианстве церковное проклятие, отлучение от церкви. Считается высшей карой. Известна со времени Халкидонского Вселенского Собора (451 г.), часто использовалась христианскими церквами в политических целях.

Ассамблеи – форма проведения досуга русской знати. Прообраз дворянского бала. Учреждены указом Петра I в 1718 г.

Барокко – (итал. причудливый) – направление в искусстве конца XVI – сер. XVIII вв., связанное с дворянско-церковной культурой периода абсолютизма, стремящееся к отражению величия, пышности, парадности.

Барщина – форма феодальной земельной повинности крестьян, обязанность обрабатывать своими орудиями труда поле господина или выполнять другие хозяйственные работы за полученный от хозяина-феодала участок земли. Юридически в России отменена в 1882 г.

Берг-привилегия – законодательный акт 1719 г., определявший политику русского государства в области горнорудной промышленности. Монарх, как верховный собственник недр, провозглашал право горной свободы – беспрепятственного поиска руд и полезных ископаемых на любых землях государства. Закон гарантировал охрану наследственной собственности на разработанные рудники и производственные сооружения.

Благородные пансионы – привилегированные дворянские учебные заведения в России в XVIII-XIX вв. до 1830 г.

Большой Государев наряд – устаревшее навание парка артиллерийских вооружений государства, бытовавшее в официальном делопроизводстве XVI-XVII вв.

Брандер – тип небольшого боевого судна XVIII-XIX вв., представляющего собой плавучую мину. Во время сражения ко-

манда брандера должна подвести свое судно к борту корабля противника, закрепить его и взорвать, предварительно покинув брандер. Взрыв его наносит ущерб вражескому кораблю.

Великое посольство – длительная поездка Петра I по европейским странам 1697 – 1698 гг. под именем Петра Михайлова с целью ознакомления с европейской жизнью, для приглашения специалистов на русскую спужбу и закупки вооружения. Подготовило почву для борьбы со Швецией за выход к Балтийскому морю.

Веротерпимость – признание права на исповедание любой религии, терпимое, уважительное отношение к представителям всех верований.

Верховный тайный совет – высший совещательный орган Российской империи. Создан А. Д. Меншиковым при Екатерине I в 1726 г. Фактически решал важнейшие вопросы русской внешней и внутренней политики. Пытался ограничить самодержавие, но был распущен Анной Иоанновной в 1730 г.

Вечноотданные крестьяне – определение крепостного состояния для тех крестьян, которые работали на заводах, но до указа Анны Иоанновны от 1736 г. считались «вольными». Теперь на них распространялось крепостное состояние.

Война за австрийское наследство – острый конфликт европейских держав, оспаривавших наследственные права Марии Терезии на владения австрийской короны после смерти ее отца, императора Карла VI, а также право ее мужа, Франца Лотарингского, на титул императора. Притязания Франца (несмотря на Прагматическую санкцию) были оспорены Карлом-Альбертом, курфюрстом Баварским при поддержке Фридриха II Прусского и Людовика XV Французского. К тому же Филипп V Испанский и Мария Терезия не могли прийти к соглашению о том, кому должен принадлежать контроль над Италией, а Британия, в свою очередь, выступала против господства французов и испанцев в Средиземном море и боролась за политический приоритет в Индии и Америке. Конфликт длился 8 лет (1740 – 1748 гг.). Война потребовала от Марии Терезии долгих и дорогостоящих усилий. В основном ей удалось сохранить наследство Габсбургов. Но при этом Австрия была сильно ослаблена, а Пруссия, захватившая Силезию, упрочила свое положение как сильная европейская держава.

Война за испанское наследство – крупный военный конфликт в Европе, начавшийся в 1701 г. после смерти последнего испанского короля из династии Габсбургов Карла II. Карл завещал все свои владения Филиппу, герцогу Анжуйскому – внуку французского короля Людовика XIV, который впоследствии стал королём Филиппом V Испанским. Война началась с попытки императора Священной Римской империи Леопольда I защитить право своей династии на испанские владения. Когда же Людовик XIV начал более агрессивно расширять свои территории, Англия и Голландия выступили на стороне Священной Римской империи, чтобы воспрепятствовать усилению Франции. Другие государства присоединились к союзу Франции и Испании, чтобы попытаться заполучить новые территории или же защитить уже имеющиеся. Война проходила не только в Европе, но и в Северной Америке и длилась 13 лет (1701 – 1714 гг.). В результате доминирование Франции в Европе окончилось, а идея баланса сил, нашедшая своё отражение в Утрехтском соглашении, стала частью международного порядка.

Галеас – тип парусно-гребных судов XVII-XVIII вв., отличающихся от простых галер увеличенными размерами, наличием орудийной палубы и улучшенными мореходными качествами.

Гельветическая республика – унитарная республика, существовавшая на территории Швейцарии в 1798 – 1803 гг. Образовалась под влиянием Великой Французской революции. 18 августа 1798 г. заключила оборонительный союз с Францией и тем самым оказалась вовлеченной в войну со Второй антифранцузской коалицией. По требованию Франции выставила вспомогательные войска и разрешила проход французским войскам через свою территорию. Военные постои и опустошения, неурожай, повышение налогов вызвали недовольство населения и привели к 1803 г. к возвращению к прежнему, кантональному управлению в Швейцарии.

Генерал-фельдцехмейстер – чин и должность главного начальника артиллерии в Российской империи и ряде европейских стран.

Генеральный регламент – законодательный акт, устав государственной гражданской службы в XVIII – XIX вв. Издан 28.2.1720 г. (составлен при личном участии царя Петра I).

Устанавливал обязанности должностных лиц коллегий, порядок обсуждения дел в них.

Гинея – английская, затем британская золотая монета, имевшая хождение с 1663 г. по 1813 г.

Главный магистрат – учреждение, созданное на правах коллегии Петром I для управления городами. Руководил городовыми магистратами (отвечали за сбор налогов и суд), которые избирались имущими («регулярными») горожанами. С 1785 г. – главное сословное судебное учреждение в городах.

Гофмейстер – придворный чин III класса в Российской империи, введенный в 1727 г. Управлял дворцовым хозяйством и штатом придворных.

Гофкригсрат – придворный военный совет Священной Римской империи германской нации, а затем Австрийской империи, заседавший в Вене с 1556 г. по 1848 г. В ведении гофкригсрата, названного так в 1564 г., находились все вопросы, связанные с организацией военного дела в мирное время и ведением войны.

Дворцовые перевороты – незаконная, насильственная смена власти в результате борьбы группировок внутри господствующего класса при опоре на армию (ее привилегированную часть – гвардию). В России периодом дворцовых переворотов стали 1725–1762 гг., когда сменилось шесть правителей: Екатерина I (1725–1727 гг.), Петр II (1727–1730 гг.), Анна Ивановна (1730–1740 гг.), Иван VI (1740–1741 гг.), Елизавета Петровна (1741–1761 гг.), Петр III (1761–1762 гг.), Екатерина II (1762–1796 гг.).

Духовный регламент – законодательный акт Петра I (1721 г.) о реформе церковного управления. Согласно Д. р., церковь подчинялась государству, вместо патриаршества учреждался Синод.

Единоверие – течение в старообрядчестве, адепты которого при соблюдении традиций и канонов старообрядческого богослужения признают иерархическую юрисдикцию официальной православной церкви.

Естественного права теория – понятие философии права и юриспруденции, означающее совокупность неотъемлемых принципов и прав, вытекающих из природы человека и независимых от субъективной точки зрения.

Ефимки – русское название европейского серебряного иоахимсталера, из которого в XVII в. чеканились серебряные монеты. Приравнивался к 64 копейкам.

Жалованные грамоты – документы в дореволюционной России, которыми предоставлялись или закреплялись недвижимое имущество (земля и др.), экономические и политические привилегии за различными лицами, главным образом дворянами, реже – купцами, горожанами, крестьянами или учреждениями (например, монастырями).

Ингерманландия – историческая область на северо-западе современной России. Располагается по берегам Невы, ограничивается Финским заливом, рекой Нарвой и Чудским озером на западе, Ладожским озером.

Ингрия – историческая область на северо-западе современной России. Соответствует русскому названию этих мест – Ижора.

Индельта – система комплектования и содержания шведской армии в XVII – н. XX вв.

Институт благородных девиц – тип дворянского сословного женского образовательного учреждения в Российской империи в 1764 – 1917 гг. Первое в Европе государственное высшее учебное заведение для обучения девушек.

Кабинет министров – высшее государственное учреждение Российской империи в 1731-1741 гг., созданное как совет при императрице «для лучшего и порядочного отправления всех государственных дел». Состоял из трех постоянных кабинет-министров под председательством императрицы. По указу, подписи трех кабинет-министров с 1735 г. равнялись подписи императрицы.

Капиталистые крестьяне – крестьяне во второй половине XVIII в., разбогатевшие в результате процесса расслоения среди крепостных крестьян. Оставаясь крепостными, эти крестьяне зачастую владели мануфактурами и вели крупную торговлю. Особенно этот процесс ускорился после манифеста Екатерины II 1775 г. о свободном заведении. Некоторые из таких крестьян сумели выкупиться у своих владельцев и перейти в сословие купцов или владельцев промышленных предприятий.

Каролины – элитные пехотные части шведской армии.

Классицизм – (лат. *classicus* – образцовый) – стиль и направление в искусстве XVII – н. XIX вв., обратившиеся к античному наследию как норме и идеальному образцу. Характеризуется стремлением к ясности и чистоте пропорций, уравновешенности и гармонии форм.

Коллегии – высшие центральные исполнительные государственные органы управления, созданные Петром I вместо приказов в1718-1720 гг. Заменены министерствами в 1802 г.

Кондиции – акт, иногда рассматривающийся как документ конституционного содержания, предложенный к подписанию императрице Анне Иоанновне при её вступлении на престол членами Верховного тайного совета (так называемыми «верховниками») в 1730 г.

Конференция – высшее государственное учреждение Российской империи. Была создана в 1756 г. по инициативе канцлера А. П. Бестужева-Рюмина. Упразднена в 1762 г. Формально считалась совещательным органом, но в большинстве случаев действовала самостоятельно от имени императрицы. Конференция пользовалась законодательной властью, давала указания и распоряжения Сенату, Синоду, коллегиям и другим центральным учреждениям империи.

Крестьянская война – определение, данное для обозначения наивысших проявлений борьбы крепостных крестьян и городских низов против угнетения со стороны феодалов. В отличие от восстаний, крестьянские войны охватывали значительные территории, выделялись большим, пестрым по своему составу количеством участников. На подавление выступлений властям приходилось направлять значительные воинские силы.

Крюйс-камера – пороховой погреб на парусном военном корабле

Кунсткамера – (от нем. *Kunstkammer* – кабинет редкостей, музей) – первый русский музей, открытый Петром I в Петербурге в 1714 г. Основой музея первоначально была личная коллекция Петра I, приобретенная им во время путешествия по Западной Европе. Затем музей усиленно пополнялся различными «редкостями». После смерти Петра I в Кунсткамеру были переданы его личные вещи и предметы, сделанные его руками. В 1727 г. для Кунсткамеры было построено специальное здание, в котором она располагается до сих пор.

Куртаг – приемный день или прием при Дворе во второй половине XVIII в.

Лейб-кампания – гренадерская рота лейб-гвардии Преображенского полка, при помощи которой 25 ноября 1741 г. дочь Петра I Елизавета взошла на русский престол; составляла почетный императорский конвой. Упразднена Петром III в 1762 г.

Ливр – денежная единица Франции, бывшая в обращении до 1795 г. Ливр делился на су и денье: 1 ливр = 20 су. 1 су = 12 денье, то есть 1 ливр = 240 денье.

Лифляндия – немецкое название Ливонии в XIII-XVI вв., а также название территории Северной Латвии и Южной Эстонии в XVII – н. XX вв.

Манифест о вольности дворянства – манифест о даровании свободы и вольности российскому дворянству, закон, расширявший права и вольности российского дворянства. Издан 18 февраля 1762 г. императором Петром III. Дворяне освобождались от обязательной государственной и военной службы; состоявшие на государственной службе дворяне могли выходить в отставку. Основные положения Манифеста были подтверждены Жалованной грамотой дворянству.

Месячина – в России XVIII – первой половине XIX вв. шестидневная барщина крепостных, лишенных наделов, за месячный продовольственный паек.

Оброк – налог (натуральный или денежный), уплачиваемый крестьянами в пользу своих помещиков.

Общественного договора теория – теория происхождения государства, выдвинутая голландским ученым Г. Гроцием и особо распространенная в XVIII– XIX вв. (Т. Гоббс, Д. Дидро, Ж. Руссо). Сторонники ее считали, что государство возникло в результате договора между людьми, в котором предусматривался добровольный отказ отдельных лиц от части их естественных прав в пользу государственной власти.

Ода – стихотворный жанр восторженного характера (торжественный, воспевающий) в честь какого-либо лица или события.

Олигархия – политическая система, при которой власть принадлежит узкой группе людей.

Отходничество – с конца XVIII в. до середины XIX в. в России временный уход крестьян с места постоянного проживания на заработки.

Подушная подать – в России XVIII – XIX вв. основной прямой налог. Единицей обложения служила душа мужского пола. Заменила в 1724 г. подворное обложение. Отменена в 80-х – 90-х гг. XIX в.

Посессионные крестьяне – в России XVIII – первой половины XIX вв. категория крестьян, принадлежавших частным предприятиям, которые они обслуживали или на которых работали. Категория образована указами 1721 г. о покупке людей и 1736 г. о прикреплении мастеровых к заводам. Освобождены крестьянской реформой 1861 г.

Правительствующий Сенат – высший орган империи, подчиненный Императору. Учрежден Петром I в 1711 г. До конца XVIII в. ведал делами законодательства и государственного управления, с конца XVIII в. – высший судебный орган, с 1864 г. – высшая кассационная инстанция.

Преображенский приказ – центральное государственное учреждение, ведавшее в 1695-1729 гг. делами по политическим преступлениям и сыску.

Промыслы – мелкое ручное производство промышленных изделий и несельскохозяйственные занятия крестьян.

Протекционизм – экономическая политика государства, направленная на защиту собственной экономики от внешнего влияния через финансовую поддержку собственной промышленности и стимулирование экспорта при ограничении импорта.

Ревизские сказки – именные списки населения с целью выявления ревизских душ – единицы учета мужского податного населения. Стали составляться после введения Петром I подушной подати. Каждая душа считалась существующей до следующей ревизии, даже если человек умер. Составлялись примерно раз в пятнадцать лет.

Регентство – в монархических государствах – временное правление одного или нескольких лиц в случае длительного отсутствия, болезни или несовершеннолетия монарха.

Редут – полевое фортификационное сооружение в виде замкнутого квадрата, подготовленное к самостоятельной обороне.

Рекрутская повинность – способ комплектования российской регулярной армии в XVIII– XIX вв. Рекрутской повинности подлежали податные сословия (крестьяне, мещане и др.), которые выставляли от своих общин определенное число рекрутов. В 1874 г. в ходе военных реформ рекрутская повинность была заменена всеобщей воинской повинностью.

Сандомирская конфедерация – союз представителей польской шляхты, заключённый в Сандомире 20 мая 1704 г. во время Северной войны в ответ на созданную в том же году в Варшаве прошведскую Варшавскую конфедерацию. В ходе Северной войны конфедераты выступали противниками Швеции и сторонниками России.

Святейший правительствующий синод – высший орган церковно-государственного управления Русской церковью в Российской империи (1721-1917 гг.).

Священная лига – антитурецкая коалиция европейских государств, сложившаяся в ходе начавшейся в 1683 г. войны Австрии и Польши против Османской империи. Оформлена австро-польским договором, заключенным в апреле 1683 г. В 1684 г. к коалиции присоединилась Венеция, а в 1686 г. – Россия. Присоединение России к Священной лиге сопровождалось заключением Вечного мира с Речью Посполитой.

Северная война – война 1700-1721 гг. России в составе Северного союза со Швецией за выход к Балтийскому морю. Завершилась Ништадтским миром в 1721 г.

Северный союз – антишведская коалиция России, Дании, Саксонии и Речи Посполитой. Заключен в 1699 г. Потерпев поражение, Дания вышла из войны в 1700 г., Речь Посполитая и Саксония – в 1706 г. После Полтавской битвы 1709 г. союз был возобновлен с участием Пруссии (1713 г.).

Секуляризация – изъятие церковной земли и собственности в пользу государства.

Семилетняя война – война 1756-1763 гг. между Австрией, Францией, Россией, Испанией, Саксонием, Швецией, с одной стороны, и Пруссией, Великобританией (в унии с Ганновером) и Португалией – с другой. Вызвана обострением англо-французской борьбы за колонии и столкновением агрессивной политики Пруссии с интересами Австрии, Франции и России. Победы прусской армии в 1757 г. у Росбаха и Лейтена были сведены на

нет победой русско-австрийских войск в Кунерсдорфском сражении 1759 г. В 1761 г. Пруссия была на грани катастрофы, но новый русский царь Петр III заключил с ней союз в 1762 г. (Екатерина II расторгла его, но войны не возобновила). Ожесточенная борьба шла также в колониях и на море. По Губертусбургскому миру 1763 г. с Австрией и Саксонией Пруссия закрепила за собой Силезию. По Парижскому мирному договору 1763 г. к Великобритании от Франции перешли Канада, Восточная Луизиана, большая часть французских владений в Индии. Главный итог этой войны – победа Великобритании над Францией в борьбе за колониальное и торговое господство.

Сентиментализм – течение в европейской литературе и искусстве второй половины XVIII – начале XIX вв. Объявил доминантой человеческой природы не разум, а чувство, и путь к идеальной личности искал в высвобождении и совершенствовании «естественных» чувств, отсюда открытие им богатого духовного мира человека. Наиболее известным представителем сентиментализма в России был Н. М. Карамзин.

Скампавея – тип плоскодонной галеры.

Смальта – цветное непрозрачное стекло, изготовленное по специальным технологиям выплавки с добавлением оксидов металлов. Используется для создания художественных мозаик.

Табель о рангах – законодательный акт в России XVIII – н. XX вв., определявший порядок прохождения службы чиновниками и военными. Издан Петром I в 1722 г. Устанавливал 14 рангов (классов, классных чинов, первый – высший) по трем видам: военные (сухопутные и морские), штатские и придворные. Упразднен после Октябрьской революции.

Тайная канцелярия – высший орган политического сыска в России в 1731-1762 гг.

Тарханы – в Русском государстве в XIII – XVII вв. льготные налоговые грамоты, выдававшиеся землевладельцу и предоставлявшие ему особые права.

Умет – постоялый двор, хутор в степи.

Фейерверкер – нижний военный чин в артиллерии. Введен в России в начале XVIII в., присваивался лучшим бомбардирам и канонирам.

Фельдшанец – земляное оборонительное полевое сооружение, использовавшееся в XVII – XVIII вв.

Фискалы и обер-фискалы – в 1711-1729 гг. государственные чиновники для негласного надзора за деятельностью (главным образом финансовой) государственных учреждений и должностных лиц. Деятельность фискалов координировалась обер-фискалами, подчиненными генерал-прокурору.

Халиф – в ряде стран мусульманского Востока титул верховного правителя, соединяющего духовную и светскую власть. В Турции (только как духовный глава мусульман) сохранялся до 1924 г.

Хорунжий – первый казачий офицерский чин.

Цифирные школы – в 1714-1744 гг. в России государственные начальные общеобразовательные школы для мальчиков всех сословий, кроме крестьян. Обучали грамоте, письму, арифметике с началами геометрии.

Шляхетские корпуса – закрытые сословные военно-учебные заведения для дворян в России XVIII в., где готовили офицеров. Первый корпус открылся в Петербурге в 1732 г. и был назван Сухопутный шляхетский корпус (в 1800 г. переименован в Первый кадетский корпус). Были открыты также Морской шляхетский корпус (1752 г.) и Артиллерийский и инженерный шляхетский корпус (1762 г.).

Шляхта – (от польского *szlachta*) в Польше, Великом княжестве Литовском, Речи Посполитой и Царстве Польском наименование светской знати, соответствовавшее дворянству.

Д. А. Гутнов

Лекции по истории Отечества

Часть четвертая
ИСТОРИЯ РОССИИ XVIII в.
От Петра I до Петра III

Редактор
Л. Н. Крысенко

Компьютерная вёрстка
Л. М. Лосевой

Подписано в печать _____. Формат 60x84/16
Объем _____ усл. печ. л. Заказ № _____

Отпечатано в типографии факультета журналистики МГУ
125009, Москва, Моховая, 9